

Павел Улитин

макаров

чешет

затылок

Произведения Павла Улитина (1918–1986) с трудом поддаются жанровому определению. Начиная с сороковых годов, он последовательно выстраивал собственную, не имеющую различных аналогов, форму прозаического высказывания. «Я хочу найти слова, которые не имеют прибавочной стоимости», — писал Улитин, а свою писательскую технику называл «стилистика скрытого сюжета». Движение этого сюжета и определяет смену картин и цитат, перекрестный гул звучащих в памяти голосов или иронический авторский комментарий.

Павел Улитин

Павел Улитин

макаров

чешет

затылок

Москва
2004

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
У48

Предисловие М. Айзенберга
Подготовка текста И. Ахметьева
Комментарии и именной указатель И. Ахметьева,
при участии М. Айзенберга, А. Белашкина и А. Ожиганова.
Использованы заметки Л.А. Улитиной

У48 **Улитин П.**
Макаров чешет затылок. – М.: Новое издательство,
2004. – 184 с.

ISBN 5-98379-014-5

Имя Павла Улитина (1918–1986), для кого-то почти легендарное, при жизни автора не было широко известно, и эпизодическая публикация его текстов в зарубежной периодике не меняла общей картины. Только в 90-х годах Улитина начинают печатать российские журналы, а в 2002 году был опубликован «Разговор о рыбе» — первое произведение писателя, вышедшее полностью и отдельной книгой. «Макаров чешет затылок» продолжает традицию аутентичного издания улитинских текстов, сохраняя в печатном виде основные свойства рукописи и не нарушая ту «челночную» связь между печатным словом, рукописным знаком и устной речью, которую мы вправе считать основой писательской техники Улитина — экспериментальной, загадочной и совершенно оригинальной.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-98379-014-5

© П. Улитин, наследники
© М. Айзенберг, предисловие
© И. Ахметьев, комментарии

ПАМЯТКА

«Макаров чешет затылок» — второе произведение Павла Улитина, выходящее полностью и отдельной книгой. Первое («Разговор о рыбе») было опубликовано два года назад в издательстве О.Г.И. Две эти книги — лишь малая часть литературного наследия писателя, умершего в 1986 году в возрасте без малого шестидесяти восьми лет.

Ту книгу, что сейчас перед вами, Павел Павлович Улитин написал в 1966–1967 годах и начал ее фразой: «Уходя из мира, не забудьте хлопнуть дверью, а то никто не заметит». Но двадцать лет спустя он собственному совету не последовал, и его уход заметили немногие.

Хотелось бы теперь, еще через восемнадцать лет, составить подобие памятки для читателя, впервые открывшего книгу прозаика Павла Улитина. По некоторым признакам можно понять, что такой читатель уже есть — или вот-вот появится. Кажется, пришло его время. С запозданием на полвека, но это как водится.

Мы не знаем, когда Улитин начал писать «свою», особенную прозу. Среди рукописей, изъятых у него в 1952 году, значатся черновики двух романов и рукопись третьего — «Возвышенная организация». Уже в этом названии ощущается скрещивание значений, характерное для зрелой прозы Улитина: цитата из «Бесов», но еще и эвфемизм, обозначающий другую организацию, не столь возвышенную (она-то и изъяла эти рукописи). А среди его записей можно обнаружить и такую: «Листочки в кармане в 43 году ничем не отличались от страниц, написанных в 34-м».

Думаю, отличались все же. В 1934 году Улитину было шестнадцать лет, он жил на Дону в станице Мигулинская. В сорок третьем он жил там же, но лет ему было больше, и это был уже другой человек. Кое-что произошло за эти годы. В 1938 году студент второго курса ИФЛИ П.П. Улитин был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму, а выпущен оттуда через шестнадцать месяцев «по комиссии», — то есть живым, но не вполне и на заведомо недолгий срок. Улитину, однако, удалось этот срок продлить и потом (1951–1954) пережить еще одно заключение по политической статье.

Но читатель, настроенный на встречу с мемуарами «жертвы режима», действительно может воспринять текст этих книг как «рыбу» в издательском, полиграфическом значении слова. Как уход от прямого, «серьезного» разговора. (И будет, я думаю, в чем-то прав. Есть вещи, о которых так прямо не скажешь. О них Улитин и пишет). Связный рассказ «о пережитом», подробности и имена есть только в «Хабаровском резиденте»: табуированном (при жизни) тексте Улитина, написанном от третьего лица. По другим книгам рассыпаны эпизоды или отдельные фразы, тюремное происхождение которых понятно лишь читателю со стажем. Никаких датированных воспоминаний, никакой «автобиографии». Так что же это — повесть, рассыпанная на детали, куски? Едва ли. Если собрать и последовательно изложить, не будет никакой повести, — то есть никакой прозы.

Читать Улитина не так просто как раз потому, что его слово — совсем простое. И очень легкое. «Я хочу найти слова, которые не имеют прибавочной стоимости». Он освободил свое письмо от постороннего счета и лишнего веса. Хотя бы от принудительного уважения к каторжной биографии или блеска (всегда немного суетного) писательской техники. Его письмо ничем не гарантировано, это литература без гарантий. В ней осуществляется тот «способ свободы», который людям сегодняшнего дня понятней и почему-то ближе, чем сверстникам писателя.

Видимо, Улитин писал всегда. Даже когда ничего не записывал. Литературой была длившаяся двое суток речь, о которой рассказал нам его сосед по камере-палате. Или общение с людьми, иногда почти случайными, подсевшими к его столику в кафе «Артистическое» (это уже начало шестидесятых). Место было интересное, кое-кто из случайных знакомцев переходил в разряд постоянных, поминаемых в текстах Улитина и через два десятка лет (Юло Соостер, например).

Но проза Улитина ни в коем случае не записанный монолог, и устное слово — сырой материал для дальнейшей работы. Секрет в том, что «на выходе» будет слово, по многим признакам совпадающее с устным, речевым. Но таким, которое редко услышишь: полным внутренней значительности и странного напряжения.

Чтобы так зазвучать, фраза должна быть выделена и проявлена. Тогда самые простые слова наполняются голосом и повисают в воздухе, как будто они сказаны только что, прямо сейчас. Проникают в твое сознание по другим каналам — как заклинания что ли?

Я начал читать Улитина больше тридцати лет назад и должен сознаться, что первая книга мне давалась с трудом. Я не сразу понял, как ее надо читать. Нет, неверно: я не сразу понял, что ее не надо читать. Ее нужно слушать. Как ритм, как стихи. (Похоже, Улитин и поэт Ян Сатуновский пришли с разных сторон к одному открытию: к ритму, проявленному в речевой интонации). Интонация настолько точная и захватывающая, что чувствуешь и — в конечном счете — понимаешь, что это, о чем. Не все понятно, но все ясно. Этот текст говорит с тобой или рядом с тобой, мимо тебя, но всегда учитывает твое, слушателя, присутствие. Он затягивает. И вот уже тридцать лет я читаю, перечитываю тексты Улитина, в которых как будто ничего нет, никакой информации.

В них есть тон, звук. Они — и только они — открывают тебе доступ к другому сознанию, к чужому опыту. Опыту человека, который был изломан, но не сломлен. И отстоял себя — свой ироничный и трезвый ум, способность соединять желчь с весельем, страдание с любопытством. Я могу почувствовать его, Улитина, отношение к жизни (и к смерти). Не что он об этом думал, а каким тоном говорил.

И еще я не сразу понял, что текст Улитина это во многом «чужая речь»: мозаика чьих-то слов, перемешанных и выстроенных заново по другим законам. На страницах его книг нет персонажей, но есть множество действующих лиц. Каждый произносит свою речь или свою реплику на тех же основаниях, что и сам автор. «Я с вами. Я с вами. Я с вами. Вы, которых никто не помнит, я с вами». Конечно, Улитин ищет свое слово. Но он лишен той наивности, когда любое слово заведомо считается своим. Он ищет свое слово среди чужих. Свое среди чужого. Цитата, скрытая или явная, дает возможность избежать необязательного повторения, но при этом еще и переиграть, переосмыслить ситуацию. Цитирование здесь не прием, а способ мышления и — что самое существенное — способ выживания.

Мне кажется, что тексты Улитина — реализованная возможность даже не «другой прозы», а другого письма, то есть иного способа записи, фиксации. Фиксации мысли? Вероятно. В первую очередь. «Написанная фраза уводит мысль. Она уводит ее своими словами. На самом деле все не так: словами никто не думает, самое интересное это как раз то, о чем человек думает не словами. Ход мысли на бумаге это еще что-то третье. Ход мысли на бумаге слишком зависит от бумаги. Без бумаги мысль течет по другим законам. Но вот на бумаге появляется слово „мысль“, и ход мысли шарахается в сторону, как испуганная лошадь». Улитин фиксирует мысль, еще не ставшую речью, или речь, не перешедшую в литературу: окрашенную в природные цвета; движущуюся с естественной скоростью, — рывками, порывами, толчками. Передает на бумаге окраску голоса, его интонацию. Движение мысли, движение речи, наполненные эхом звучащие паузы, замораживающие длинноты — все это, должно быть, и есть проза Павла Улитина.

Михаил Айзенберг

Макаров
чешет затылок

УХОДЯ ИЗ МИРА,
НЕ ЗАБУДЬТЕ ХЛОПНУТЬ ДВЕРЬЮ,
А ТО НИКТО НЕ ЗАМЕТИТ.

Написать такое слово физически собственной рукой доставляло удовольствие. А то бы еще какая сила заставила. Теперь не то. Не мучил бы я вас, как это было раньше.

Зло, но похоже на правду. Слишком правильно, чтобы быть хорошим. Слишком верная, чтобы быть доброй.

Культ черновика, но до такой степени? Игра — как всякая игра, а главное — почти безвредно. Я с ним настолько в дружбе, что могу ему писать доносы на своих товарищей. Определение дружбы в стиле члена КПСС с 1951 года. Есть отдельные недостатки. Например, отца расстреляли. Еще пример, евреев на работу не принимают за картавое произношение. А в общем все хорошо с точки зрения сталиниста, который на самом деле — хунвэйбин.

Я не читал это, но знаю, что это хорошо написано. Марсель Пруст 18 ноября 1958 года.

Этого достаточно.

~~15 тетрадей~~
~~1~~

Вдруг в конце января внезапно подули сильные холодные студеные суровые китайские ветры, и оттепель отошла на задний план. Хотя опасности надо ждать не весной и не зимой, а только летом. Куда исчез генерал Монти со своим пророчеством?

Слоны долготерпенья стояли на конверте.

Козлы отпущенья бежали прочь.

Домового похоронили, а вот ведьму до сих пор не выдали замуж. И это все читать должны России верные сыны. Мы этот день рождения игнорируем.

А почему он не хунвэйбин? А это звучит убедительно? А то как у члена КПСС с 1951 года: мы думали, он ленинец, а он сталинист, да еще и пламенный борец за идеи Мао Цзе-дуна в кафе «Лира».

Сеанс одновременной игры не состоялся.

Ваша профессия, господин Джойс? Учитель языков. А почему не ом де летр? А кто уважать будет, фыркнул Джойс. Учитель языков — это почтенное занятие профессора Хиггинса, а писатель — это дело такое туманное, что в гостиницу не пустят: а вдруг не заплатит за номер?

Ирония звучала только по-английски: игра слов — джойз — радости и Джойс — фамилия. Мистер Чужие Радости звучало как «пимп» или, по крайней мере, «джиголо» или «чичисбей» или «пенти-метр».

Владелец словаря слэнга ухмылялся. Юн нуи — сан сэнкант. Только ты не перепутай сэнк с сэнкант, а то получишь пятерку вместо 50 рублей. Приходится объясняться одним горящим взглядом, да вы сами понимаете.

А я с ним могу сыграть и без королевы. А я ему могу отдать не только туру, но и ферзя. А вы знаете, какие вещи читают, например, уважаемые дамы из Союза композиторов? Если бы я их процитировал, вы бы ахнули. И даже имени такого не смею громко произнести даже на уроке английского языка в частном доме. Хотя по-французски это звучит вполне благопристойно. «Мастер и Маргарита» — типичный Абрам Терц. Ну Гофман, если вы не знаете Абрама Терца. Ну Гоголь, если вы читали «Нос» или «Записки сумасшедшего». Гофман как автор «Кота Мурра», а вовсе не тот Гофман, которого мы до сих пор знали. Человек, темпераменту и карьере которого можно только позавидовать. В 53 году это была Эммануэла. В 58 году это был Ойзерман. В 66 году это был Балашов. Но ни в каком году не был Улитин. В 33 году это был Шелепин. Щенки не могут без эффектов. Если они читали Гегеля или изучали Хайдеггера, так обязательно дадут понять, что такое американское понятие личности. Это блестяще, как слеза женщины. Это брильянт отчаяния. Вот как они выражались. До самого твоего письма у меня не останется других мыслей, кроме как об не спать по ночам, об думать о тебе и об ни о чем больше. Вот как они выражались в феврале 1957 года. И буква «тэ» как в журнале «Америка». Чей это почерк? Чье это письмо? Конец главы был написан на станции Миллерово в ожидании поезда на Ростов в час ночи 10 июля 1955 года. Я вырвался как из омута. Сам дурак, никто не заставлял туда лезть. Жизнь пчел работала. Паюсный психоз. Ни разу три ночи подряд. Чужая эгида и тюремная любовь, а то бы еще что! Вдруг в конце лета была награда: горячий песок и чужая поза. Но это, в сущности, одно и то же.

Если бы он не бросал в тюрьму своих идейных противников.
Если бы он не заточил Джиласа.

1

У Диктатора

ЦЕННОСТИ
НЕ ПРЕД-
СТАВЛЯЕТА О ДРУГИХ
ТЫ ПОДУМАЛ?А ОН ИМПРЕС-
САРИО СОБ-
СТВЕННОГО
ПОЗОРА

Был бы идеальный край у этого симпатичного человека, если бы не один факт. Только один факт. Ценности не представляет. Заговорил языком экскурсовода, консультанта при военном трибунале. Барахтался, карабкался, бился как рыба об лед. Эти слова на этой бумаге и эти стены у этого дома на этой улице. Как увижу амфибрахий, так душа идет ко дну. Все важно для дикой яблони. Никакого значения не имеет для оттепели. Только карманный формат с нейтральными словами у мельницы. Требуется ваше отсутствие. ТВО-е, только твое. Как 5 лет за латинской машинкой: сначала мы уйдем, а потом опять придем. Гроза надвигалась. Занять ваш ум мне не дано. С кем я тревоги боевые в шатре за чашей забывал? Разве учительница литературы спорит с ученицей 5 класса? Какой может быть спор? ГЗБ: а мы идем в кино. Развернулась пружина. Мела поземка. Пронизывал ветер. А о других ударах ты не подумал? Он утратил понятие о хорошем стихе. Вот беда. Вот плохо. Заботы исчезнувшей цивилизации — как хороший завтрак, когда, наоборот, не надо завтракать. Классики не стеснялись. Кандид настраивает на погибшие книги в лесу. Только монолог. Дикий демонический танец: как перевод с древнего английского языка на средний, а потом на новый. А новый уж давно стал старым. Счастье Мартина Чэзлвита тоже было недолгим. Это же невозможно читать поэму в аудитории с трибуны. Это же раздеваться догола. И тут же сидит жена поэта. Так это же достоинство!

Мальчик-С-Пальчик вынужден был извиняться перед Бабой-Ягой за то, что он такой худенький. А ты покорми меня, бабушка, а потом уж ешь. На повороте из переулка на улицу мелькнул сюжет. Помню. Но сам сюжет забыл. Удивительные слова приходили на той скамейке во глубине двора под деревьями с видом на то окно. Я еще посижу на той скамейке. Как 20 часов ожидания после того, как тебя ошарашило слово «освобождается». А что было? Сидел и думал, готовился к разговору, к возвращению на тот свет, о возвращении на который и не мечталось. Я видел такие радости и не в таком виде. Может, потому и не тороплюсь попасть на Собачью Площадку. Тишина, где твой смысл? Тишина, я искал тебя как вдохновение! А ему не мешает присутствие. Малого того. Его это даже как-то подстегивает. Он любит работать на машинке, когда кто-то рядом сидит. Это дешевый способ поиздеваться над человеком. Вы хотели меня уесть, но вам это не удалось. Если бы! Там свои счета. А расчет только один. И подспудное течение только холодное. И реакция только одна: унижение паче гордости. И ошибка опять та же самая. Сивцев-Вражек. Он не знал, что к нему все ближе и ближе подходит Михаил Булгаков. Я не знал, что отталкиваясь от Олеси, я все дальше ухожу на Пятницкую улицу. Чемодан не тяжелил, тяжелила мысль. Веселила перспектива. По его понятиям, Карл Радек сидит в тюрьме и пишет мемуары. Ему и в голову не приходило, что бумаги могут не дать и что там вообще не до мемуаров. Нечего бога гневить. Да, но об этом же никто не знает. Никто, никто? Никто. Никому и в голову не может придти. Она покачала головой. Можно подумать, что ей это даже сожалительно. Так не бывает.

Карандаш добился бы точных формулировок и краткости. Если надо выбирать между «жив подлец» и «смерть героя», то — что? То, пожалуй, герой еще жив и если себя не покажет, то о себе расскажет. Рано хоронить героя. Моя точка зрения имеет значение только для меня, потому что у меня с ним действительно личные счеты. Он помог мне упасть, а не подняться. Он принял меня за кого-то еще. А казалось бы, были все возможности понять друг друга. В этом смысле и только в этом смысле мне его не за что благодарить. На этом и играют. Этим и пользуются. Четвертая плоскость пересекает ту же мысль в нужном направлении. Близнецы из «Земляничной поляны» тоже не были бы так просто-душно болтливы, если бы не были уверены, что в них тоже воплощена совесть эпохи. Тут идут иллюзии на ту книгу, которую мы еще не прочитали. Формат иногда выбирается безошибочно. Иногда. И как один умрем в борьбе за это. Запятая бы, страшно мешала бы. Кавычки уводили бы мысль в литературоведение. Многоточия я не заметил. Впрочем, где-то мелькнуло, но не до такой степени. Будешь знать. Будешь знать. Вдруг захотелось рассказать про Эммануила Егермана и совсем в другом свете. Хм. Значит задело. Еще бы. Настолько задело, что все перевернуло. Для нас поиски прошлого — это будущее в настоящем, которым мы живем. Я вот возьму старую стенограмму и начну все сначала. А если все-таки слишком много слов, так это для равновесия. Вам-то нечего Бога гневить. Это вам известно, а больше никто не знает об этом. Это тоже имеет значение. Улыбка получилась кривая и натянутая. День рождения, где богатству подарков придавалось слишком большое значение. Там было три слова: дорого, громоздко и ненужно.

Но про тщеславие не говорят, что оно бушует. А дело, конечно, в том, крупное оно или мелкое. У него все крупное: и недостатки и подлости, если уж на то пошло. Я не понял этого движения. С меня хватит и первой реакции. С меня хватит и коричневых лабиринтов. На самом деле, конечно, важнее всего метонимия. И Прага, конечно. И доклад Златы. Я возвращусь, преодолевая тлен. Свой тлен и ваш плен. Злоупотреблял и я когда-то точкой. Как и именительным падежом. Подписано Грибачевым. Не может не ухмыльнуться. Не надо лишать его этих маленьких радостей. Точно так же, как не надо мне говорить, о чем мне можно, а о чем нельзя писать. А то я вообще никаких слов не буду употреблять и вам же хуже будет. А тогда они попадут к другому читателю и это будет еще хуже. Я не знал, что британскую орфографию нужно изучать на латинской машинке и что из-за этого я не смогу стенографировать западные передачи. Я не знал, что это остановит. А не пишет он потому, что не может без грамматических ошибок и боится, что будут смеяться. Только и всего. Я не знал, что только это его останавливает. А потом вы будете всем показывать и козырять моим письмом. Я не знал, что только из-за этого я не получил письменный отзыв на «Мутную воду». Осторожность в эпистолярном жанре просто убийственна. Так и Шамфор же жил под той же эгидой. Да, но расцвет эпистолярного жанра был до Шамфора. И этого божмана вы хотели пригласить в качестве лощмана! Первая реакция была правильная. О том, что это роман, пока не было ни слова. А неведомые пределы — только красивая фраза: все тут всем ведомо и дорога не такая беспредельная. Возьми 6 страниц из 1953 года и ты увидишь, что и там было то же самое.

Новое завещание не оставил. Для него в силе старое или предыдущий вариант. Он все дожидается смерти классика. А классик в том смысле и классик, что для того чтобы стать в общем мнении классиком ему недостает только умереть. Значит срабатывало и тут самое мимолетное из чтений. Значит отбывалось. Он просто забыл, на каком языке он думал, когда еще не изучал французскую литературу. Не может же он согласиться с тем, что он тогда вообще не думал. Я думаю только на французском языке, а вы на каком? Он думает, что он думает. Он думает по-китайски, а думает, что он думает по-французски. Татарский бог в золотой тюбетейке на фоне не им написанных книг. Назвался Гудзием, поезжай в Киев. А голос Качалова иметь необязательно. Я, конечно, буду способствовать. Веселый яркий весенний день стоит у двух тополей с железной перекладиной между ними для гимнастических упражнений. Как будто там и дождей никогда не было. А у меня в кармане рваного пальто «Фауст» по-немецки. Уж этого-то вы у меня отнять не можете! **УЖ ЭТОГО-ТО ОНИ ОТНЯТЬ НЕ МОГУТ.** Наконец-то. Я не знал, что в тот год я думал словами Марселя Прево. Я не знал, что его книгу о женщинах должна была прочитать всякая женщина в Париже в 1903 году. В особенности если она приехала в Париж из Одессы и о ней будут писать в журнале «Вестник иностранной литературы» в Петербурге. В 1901 году, если уж говорить точно. То есть при жизни Чехова. Я имел в виду вдову-хранительницу, вдову-наследницу. Контур рисунка подействовали, хотя глаз, кажется, и не задержался больше, чем на другом. Не контуры, а хорошо выписанные глаза, а все остальное осталось просто белой бумагой. Я бы хотел подписаться под таким портретом.

И так всегда: мы говорим одно, а подразумеваем другое. Мы говорим другое, а подразумеваем ОДНО. Литературная компания, где богатству участников придавалось большое значение. Я имел в виду другое, но попались чужие слова, и я их высказал. В таком контексте твой поступок выглядит совсем нелепо. Впрочем, что ж, не так уж нелепо, если подумать. А если не подумать, то стыдно. Подземная река бурлит и воет. Подспудное течение нет нет да и прорывается. Независимо от знаков препинания. Смутные параллели рождаются и умирают, а мысль надо выразить точно. Вот что бывает, когда слова попадают не по адресу. Ты позволил им взобраться на плечи, а они не замечают, что сидят, а ты ждешь благодарности. И оного делать нельзя было. Но была мысль, что все это уже конец и поэтому пусть хоть это останется. Тогда конечно. А неожиданное высокомерие опять же из-за жуткой неуверенности в своих возможностях. Речь идет о силе. Я подожду, я подожду. Под этот постоянный припев шли-проходили годы. Мне стало грустно. Что-нибудь случилось? Почему у тебя такой вид? А про песню неправда. Может быть, лучшее, что он написал. У меня такое чувство, будто нас обокрали и мы еще раз сглупили. А что можно было сделать? Сундуки закопать в саду, а не отправлять в Воронежскую губернию. Золото не хранить в банке, от которого остались две книжки. Замок вешать большой и настоящий, а не маленький и символический. Если он решил взломать, он взломал бы и большой, как было с амбаром. Я думал о выставке, а сказал что-то еще. Я все-таки ему сказал что-то, чтобы он не считал меня таким дураком. Пусть знает, что я тоже знаю. Я недаром вздрогнул от вида той рубашки. Но я ведь не добилась и минимума благополучия. Рано его еще хоронить. Если надо выбирать.

15 минут на морозе подействовали очистительно, но великая печаль осталась. У твоей души тихий голос. Он слышен только в тишине. Пусть заглушит наружный шум, ключи останутся. Это. Эта непередаваемая дерзость, почти нахальство. В сочетании с такой бестактностью, почти хамством. Не буду я про это. И про то ни слова. Не надо. Мне нужно молотить, а ей, видите ли, нужно ехать. У меня один день год кормит, а ей забожалось прогуляться за 12 верст. У меня в хозяйстве все горит, а ей подавай, запрягай быков и гони чорти куда киселя хлебать. Мне это ненужно совершенно. Когда я сидел в кафе для ритуала и чтобы не прерывать традицию, я подумал о другом. Но это другое слишком быстро выветрилось. 10 страниц старой стенограммы под странную пагинацию /4022 — 4033/ тут бы сделало свое дело. Но срabатывает только отталкивание в новую сторону и, может быть, шарaxание в другую крайность. Напрасно эта книга лежала на самом видном месте, напрасно. Сухая кожа, знак бодрости и непчатых сил, вместе с тем заставляла бежать куда-то. Об этом есть намек у Леонида Андреева, но только намек. Об этом рассказал писатель Варлам Шаламов в рассказе «Академик». Не совсем точная параллель потому, что у этого орденoносца папа был потомственный московский профессор, и книги были еще из дедушкиной библиотеки. Слишком много восторгов по поводу хождения по комиссионным магазинам. Кому что, кому хождения по мукам, кому хождения по магазинам. Кому орден, кому слава, кому мутная вода. И это еще не все. Ницего упрекнули, что с него нечего сжулить. Баба-Яга упрекнула Мальчика-с-Пальчика, что он такой худой и навар будет с него не ахти какой.

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

Научили на свою голову кухарку управлять государством, а теперь уж ее на кухню не отправишь. 25.11.65

2

СНЕГ
ОПЯТЬ

Белое пятно не забылось. А имеет значение заглядывать кому-то в глаза? На лавочке лежал снег. На ступеньках крыльца лежал снег. Пристав взломал ящик письменного стола. Они тебя выбивали из седла. Странно. Ящики с плотными листами, как в банке. Карточки указателя в кармане. Странная подборка ничему не научила. Как погиб Урбанский? Узнаю, ладно. Вода крутилась, вращалась, сворачивалась в узел-воронку и шла дальше. Бездна и гибель — вот какой вид. Ты думаешь, я тебя утоплю? Ты что, меня за человека не считаешь?

ВОТ КАКОЙ
ВИД: вот
как это
бывает.

Бандит был оскорблен в лучших чувствах. Шаткий челн разрезал воду. Вода неслась могучей мутной плотной лавиной. А кто про него сказал — верещащий телеграфный столб? Вершины сосен тихо раскачивались в вышине. Лошадь, загнанная в мыле, хотела спать. Пришпоренная смелым ездоком лошадь спускалась в метро. 11.11.65 — четверг. Как с русским языком у Марины Цветаевой: вы поэт на своем языке. Но проблема другая: поэт всегда в чьих-то чужих глазах, это вдруг нужней одиночества и вдохновенья. Металась и знала лучше всех, что ее ждет и все-таки рвалась туда, откуда сбежала. И что нашла опять? Холод, сдержанность и мертвую пустыню. Был разговор о литературе. Как о живописи в канцелярии великого инквизитора. Переписанные чужим почерком, эти слова производили странное впечатление. Твои слова. Твои слова превратились в ловушку для простаков. Знавшие больше других знали и то, что им меньше других придется жить.

ТЕЛЕГРАФ-
НЫЙ
СТОЛБ

ПОЭТ, НО
НА СВОЕМ
ЯЗЫКЕ

Он — да вышел из возраста, но он опять в него входит. Он же впадает в детство.

ЛОВУШКА

Он — да вышел из возраста, но он опять в него входит. Он же впадает в детство.

КОНГЕНИАЛЬНОСТЬ ДОСУГОВ у нас не совпадает с некоторых пор. Не несовпадает, а не получается. На этом и построен весь рассказ. Переведи его, и он будет твой. Это как стремление вставить как можно больше, тогда как нужно как можно больше удалить. И то правда. Но вот же видно, что вставленное и написанное сверху — хуже. Хотя и так можно. Хотя и на полях уже законченной книги можно написать много нужного и хорошего. Все это был бы ритуал, когда бы день не начинался с недомогения. Зарядка. Нет, он почему-то придиричив к тому, над чем я смеюсь. Факт сам по себе заслуживает похвалы. Проповедует, но не практикует сам. А сам не может до этого уровня подняться. Ты должен радоваться, что я смеюсь, а не плачу. Тут пошла в ход старинная история. Друг от друга мы отличаемся только тем, как быстро у нас исчезают деньги из кармана. А кому нужна такая далекая перспектива — 30 лет спустя? Слышал, что она сказала: 30 лет — это ужасно. А ей обидно, что у нее, кроме ее самой, нет никого, кто помнит 30 лет спустя. Мама помнит, но разве мама у нее жива? По-моему, нет. Как раз тот самый случай. Домового похоронили, а вот ведьму до сих пор не выдали замуж. Сколько их? Куда их гонит? Мог бы и переписать, ничего бы не случилось. Привыкли иждивенцы пользоваться чужим непроизводительным трудом. Рукопись должна 6 раз обращаться. Слышал когда-то я. Халтурщик-профессионал, но иногда получается: работает на самом высоком уровне. Вы тут не эталон, вы ставили свою подпись и не под такой халтурой. Вот уже видно направление. Рассказ о Егермане, печатавшем стихи под псевдонимом Охотников. Синоптики обещают гололед. Сегодня в Москве слабый гололед. Надо быть исключительно осторожным. Ты слышишь меня?

БЛАЖЬ
И
БЗИК

СТИЛИСТИКА
ГОГОЛЯ

ЭТО НАЗЫВА-
ЕТСЯ
ПЛАВАТЬ

Вот так и с переводом на другой язык. Та книга да не та. Те же слова да не те. Он на меня смотрел как на рыболова, занявшего его обычное место. Территориальные воды чужой державы. Это как с книгами. Самый невообразимый бзик: то никому не давать, то вообще не возвращать, то вдруг «чего бы вам дать?» А там тебе не возвратят твою же и тобой написанную книгу. Такая любовь к литературе. Фырк. Чужой фырк уничтожает твой фырк и настраивает чорти на что. Растопить печку. И опять как будто ничего не случилось. Он работает в длинных синтаксических ритмах. Сам себе нравится, это чувствуется. Этот болван имел дерзость поучать других. Заучил, ну чисто заучил. От ударов тяжелым предметом по верхней части спины. Там много линий. Но все линии работают на Крошку Ру: видали, как я плаваю? Это называется плавать. То, чем я занимался, называется плавание. Видал, как я плыл? Это называется плыть. Это плавание. Вот это и есть плавать. Если это плавание, то что такое утопание? Никто не задал такого вопроса. Куда вам плыть? Вот и решайте. Нет возвращенья. Нет убежища. Нет возврата. Нет гавани. Нет уголка. Сорока-воровка. Кошка и валерьянка.

ОН ПЛАВАЛ. Он и сейчас плавает.

В декабре в той стране снег до дьявола чист. Хун-вэйбин в той стране — не чекист. А возьмут? А вы у них спросите. Отвернулся от нас ЯН Могила. Ждут, когда автор подохнет. А он подохнет. И не дождется, куда уж, срока «50 лет спустя после гибели последнего из персонажей». Кто будет писать некролог? Кто речь на могиле? Кто говорить у гроба? Кто плевать на могилу?

Я все чего-то жду в декабре. Всегда в декабре.

Хорошо одетая правда переспорила совершенно голую истину. А он был как факт, одетый с иголочки. А новелла не получилась. А получился только устный юмористический рассказ, пародия на Карл-Людвига Опица. Тут есть иррациональное зерно.

Стихи, которые нельзя читать вслух — они не доходят: еще один пограничный случай. Это уже не стихи. А что — проза что ли? Прибой, как вафли, их печет. Я клавишей стаю кормил с руки. Давно это было. Это было в Колонном зале 30 лет назад.

Тифлисский банк был ограблен чисто. Потому пламенный грузин руководил операцией. Потому что опытный человек. Все средства пошли на РСДРП, ну за исключением тех, которые не пошли; на проведение операции, скажем. Думаете, дешево — содержать четырех джигитов и пять головорезов. Они же этого не понимают, чтоб бескорыстно служить идее.

И так 50 лет. Мы говорим ОДНО, а подразумеваем другое. Мы говорим ДРУГОЕ, а подразумеваем ОДНО. Кому еще чье? А все и должно без перехода. Я еще не умел тогда обходиться без даты.

Пурга, хама и одиночество были у якутского прозаика и не в декабре, а в феврале. В конце февраля овейные первой оттепелью. Почерк не ученический, видно, что никогда не писал прямо на машинку.

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

4

ОН ПИШЕТ ГУСИНЫМ ПЕРОМ протуберанец

Необозримо — вот что. А через «тошно перечеть»? Уроки странной подборки. 4 страницы из одной, одна страница из другой книги. Он пишет гусиным пером на слоновой бумаге. Но куриным почерком. С ослиным упорством? Это не про него, нет.

ПОЭМА О МОЕЙ ЛЮБВИ:

тут я говорю,
как надо любить.

ТРАВА
пробивалась
сквозь асфальт.

Русская ЭПИГРАМ- МА

Как давно
это было.

БАЗАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

МАГАЗИН ПОЗЫБИТ, ПОЗАБРОШЕН

Не вижу продолжения. Послушать эти напевы, так сдохнешь от тоски. Все проще. Но попробуй продвинуть простоту и попадешь впросак. Мало я глядел в ту сторону, нужно больше. Я сохранил эту страницу, истоптанную сапогами. Ее бы повесить на стену, чтобы постоянно напоминала. Рассказ подействовал, ничего не скажешь. Течение было таким сильным, что на одну минуту подумалось: не выгрести, не выбраться, как же тут быть? Классики не стеснялись. Они знали, что нельзя и вашим и нашим. Тов. Ивашева-Инашева приехала из Лондона. Вологодский конвой смотрит на Эйфелеву башню. Имена уже примелькались. Начало было где-то раньше. Уже потух интерес. Разве так можно? На этой лестнице пришла в голову дикая мысль. Догадка сработала правильно. Но разве можно жить с такой догадкой? Тот самый случай. А его, наверно, уже не интересует базальный процесс. Хм. Так я и не нашел, что искал. Достаточно посмотреть на лицо и услышать десяток слов, чтобы убедиться. Совсем другие заботы. А казалось, дышали одним и тем же воздухом. А казалось, ходили по одним и тем же дорожкам. По кобрам есть что-нибудь? По кактусам что-нибудь новенькое? По клопам Европы? По декоративным рыбкам? Боже мой, он же тоже читал ту же самую книгу!

5 не торопитесь разрядить аккумуляторы

Что он увидел в «Снегах Килиманджаро»? Это же сдохнуть! Все они читали Достоевского по-американски. Возмездием интересовались? Почитывали? По-французски или по-английски? По-немецки. Original! Fahr hin in deiner Pracht.

И тут то же самое.

Не ваша этическая проблема.

Не твое поэтическое дело!

Но картина с воздухом осталась. Благодарность, блаженство и безнадежность. Ну. Зачем. Как они любят навязывать свою любовь к своим линиям, к своим краскам, к своей смене кадров. Опять пробежал этот бегун с его одиночеством на длинной дистанции. Не надо было сходить с дистанции.

ОПЯТЬ ЭТОТ

Б Е Г У Н

с его одиночеством

НА ДЛИННОЙ ДИСТАНЦИИ

~~протуберанец~~
ТРАВА ПОД СНЕГОМ
5

А она не злопамятная.

Как это похоже на все остальное.

Все казалось, мы ушли куда-то. Никуда мы не ушли. Все вертится вокруг одного и того же. Высказался. Помню. Но заверчивал, но закручивал. Тебя принимали за кого-то еще. Одной фразы было достаточно. Но ошибаться так хотелось. Там жизнь бьет ключом. Там тоже не стесняются проявлять характер. Зачем вам это нужно?! Вот именно. Куда все это входит, неизвестно. Ясней некуда. И так все ясно. Чего ж больше. Нищему показывают пачку денег. Вот уж где все ветры дуют. Избавиться не удалось. Все на каких-то других основаниях. Это подводное течение все время сбивает с толку. Свободный человек делал все, что чья-то левая нога захочет. А она не злопамятная, эта собака: она покусала и уже не помнит. Библиотека. Читальный зал. Я все твержу, а заклинание не получается. Если они так, то тебе сам Бог велел поднимать на щит ФМД. Линия «Травы» сквозь асфальт через 7 лет. На свою совесть такой грех брать — нет, увольте! Только смешанная метафора, как нарушение грамматики, ближе к мысли: чистота упрощает, уводит в сторону и успокаивает, когда надо волноваться. Каждый вертит в свою сторону. Про кожу просто неловко, а ей хоть бы хны. Сама такая. Потому-у-у-у! Нарыв там, туда и кусок энергии. Совет материнской любви? Так держать, сестра!

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК
вольный казак

А ОНА НЕЗЛОПА-
МЯТНАЯ

ОСТАВЬТЕ ВЫ
МЕТАФОРУ В ПОКОЕ

Ветер срывал с дикой яблони цветы. Еще 14 дней до отъезда. Ты меня с собой возьмешь в Большой Город? Он же обещал, он же обещал! Он же сказал: я возьму тебя с собой. В кирпич на дорожке от калитки до парадного, если упереться обеими ногами, то всё. Но оказалось не так. Она подняла мальчика подмышки, и ноги заболтались в воздухе. Его волнует только НЕ-Поднятая Целина. Многое о Ван-Гоге относится больше к Феликсу Крулю, чем к Ван-Гогу. А у нее губа не дура. И ветер тихий мимолетом твоей одеждою играл и с диких яблонь цвет за цветом на плечи юные свевал. Показывает только уровень умственного развития и только. Тоже мне интеллект. Нет третьего пути! И в голосе зазвучала злость и нетерпимость. Видно, имелось в виду что-то четвертое. А нас интересует последний день свободы. И первый день Саши Свободина в Париже. Что значит истинный друг. Ваше понятие об Илье Арнольдовиче Файнзильбере. Тогда не писали «г» на конце. Отчеркнул пассаж на конце страницы и остался доволен. А те 30 страниц были кратко пересказаны confidentу. Им оказался Н. Коржавин. Ржавое железо было свалено в углу, а он сбил замок, думал, что тут, по крайней мере, золото и бриллианты. Ну мука, ну пшеница, ну всякое добро. Операция по вывозу чемоданов и корзин была проведена им же. Ну а то кем же, больше некому. Старик-кузнец помалкивал. Он тоже живет для будущего. Его будущее, как потом оказалось, — это его собственные сыновья. Башня еще стояла, но профессора уже не было в живых. Кузнец купил у профессорши дом на углу за 2 пуда муки. По одному плану строили. Я слегка нажал, что-то хрупнуло и кончик ножа отвалился. Оказывается, и бритвой нельзя палку перерезать. А еще говорят, самое острое — бритва.

А жизнь снова поворачивается к нам своей самой хамской стороной. Не имеете права проживать без прописки. Это сказали Ефросинье Петровне на работе в яслях, где она проработала 20 лет. Ночевать вы должны в Москве! Идеиные механизмы действуют: кво вадис, Доминэ? Академик Павловский — паразитолог. И зоолог. Он написал «Ядовитые животные» с посвящением «Моей любимой жене». Я бы получил огромное удовольствие от народной демократии в Англии и Америке. Ну, мы бы все! Не годится он в потенциальные вожди? А почему? Он был очень богатый человек тем богатством /имуществом/, которым были богаты его соотечественники, то есть дикими животными. Это на экзамене по истории языка. Василий Григорьевич: если я украду, так не по мелочи! Книга из Праги. Это живопись? Да, всё святые, бабы голые, мужики голые — это все искусство! По рыбкам у вас ничего нет? С-с-собаки! Есть ли у вас какие-нибудь собаки? Ну что-нибудь о собаках? Она хотела, чтобы в характеристике было указано, что она сверх-человек. Слишком много труда без капитала. Слишком мало дайджестов по 57-му году. Но зачем обязательно правой рукой в левом ухе? А он считает своим долгом ковырять в левом ухе правой ногой. В наши тяжкие времена без прописки жена не нужна. Подпишите. «В течение всей моей молодой жизни я подвергался объективному воздействию растлевающего влияния американского образа смерти, который вместе с моими личными качествами /самолюбием и карьеризмом/ привел меня к антисоветской контрреволюционной деятельности». Подписал. Глокая куздра опять. Аккумуляторы опять. И тут сидят люди не глупее вас! Виктор Адольфович сердится 14 июня 1956 года. С претензиями!

Американские девушки — как голландский сыр. Чем больше они попорчены, тем больше их любят. Ну что может прожигать этот прожженный тип? Лысина все-таки спереди. Я самый яростный попутчик. Кому это я попутчик? Часть прошлого, которую невозможно сделать частью настоящего, потому что она — помеха для будущего. Смерть придет раньше, чем это дойдет до сознания. В этом — счастье неорганизованной материи. Свист еще проносится, а самолета уже нет. Королева сидит на троне, но все равно она сидит не на голове, а НА. Почему он заседает? Потому что -- есть. Расщепленный атом приблизил человека к носорогу, и в этом вера, надежда и любовь. Жизнь играет с тобой в роман, а он называет это прикладной беллетристикой. Мне и прописка, по его мнению, нужна была для сюжета. Стр. 132 из романа «Скутаревский». У меня уже давно новый режиссер, а глав-реж этого не понимает и понимать не желает. Самое удобное и безопасное убежище — метро, в частности под нами. Метровый потолок: весь дом обвалится, а вы спокойно выйдете в соседний переулок. К чему мы готовимся? 16.5.57

Это было 18 мая 1957 года. Сигнал УП — угрожаемое положение. Мир стал лучше за эту неделю. А мы и не заметили. А он, действительно, стал лучше. А мы, действительно, не заметили. Он написал одну страницу «Вместо внутренней рецензии и прежде Внутренней тюрьмы». Но имела значение только взволнованность. А причины остались за бортом. Клуб взаимных восторгов кончился, началось — что? Кафе. Отчетливый запах асфальта в тюремном двореке для прогулок. Ого. Криминальный автограф 333-А затерялся. Туда ему и дорога. Слишком много выброшено.

У вас по мхам ничего нет? Вне знакомства отныне вообще. Давно бы! Дуняшку гоняешь? Какую? Как? Ну Дуньку Кулакову, небось, знаешь? Сестра улыбнулась. Не злоупотреблять! Здоров. Выписать. У каждого Чорта Иваныча свой норов. Мы не сошлись характерами. Мир жаждет единства. Кому же интересно умом становиться на сторону победителей, когда все чувства и симпатии остались с покойниками? Кому же нужна такая победа? Эта пятерка ПО ПОВедению потеряет всякий смысл, как только ты выйдешь из 5 класса. Можно подумать, что Герцен и Огарев только о том и мечтали, чтобы удобно устроиться в эпохе. Можно подумать, что души не существует. Крой, Ванька, Бога нет. Если у тебя нет совести, то тогда, конечно, бога нет. А молодой Бонапарт в это время был занят поисками комнаты в Москве. Маленькая, но семья. О ваших принудительных друзьях и знакомых — 27.4.57 23 июля 57 года: сазан ушел, вот беда. Надо было нацепить новый крючок, тот кованый и золоченый. Трудно что ль было! Эх жалко! Хоть бы посмотреть. Хоть бы подержать в руках. Не так было бы досадно. Этот тяжелый нелепый неживучивый человек совершенно не создан для семейной жизни. И вы должны благодарить судьбу, что достаточно рано от него избавились. Он мой друг, и я вижу его недостатки. Ну как вот жить с ним, я понимаю Вас. Он такой вообще: ни с кем не уживается, со всеми ссорится, и уж на что я друг, и то мне с ним тяжело бывает. Не поймешь, что ему надо: мечется, вечно неудовлетворенный. Ну и бог с ним, бросьте вы его, это может к лучшему. Наверно, ему с Вами было лучше, а вот, пожалста, он ищет еще чего-то. Вообще ни с одной женщиной: это, видите ли, стесняет его свободу, а для чего ему свобода, он сам не знает.

Сталин карал без разбора, мы с разбором. Кто такой Кафка? 3 июля 57 года: кому фестиваль, кому прописка. Кому суд, кому дело. Кому живопись в Центральном парке. Сил ровно столько, сколько нужно, чтобы попасть в ЦПП. А СПП советует: пишите в ЦК и в ЦКК. Красный кирпич казенного дома — качан кукурузы, парадный подъезд, железный занавес: милая моя мышь! Стоит овчинка выделки? Без СПП не обойтись. Но как у него выручить «фибром утерис»? Опять пошли суккуленты. Граф Калиостро опять лег в больницу. Дмитрий Иванович: да не поверю я никогда, что у него отнялась правая нога и левая рука. Как пенсия на год кончается, так он ложится в больницу. Жена у него там работает. 2 месяца полежит, выходит и опять получает 1000 рублей в месяц, и опять пенсия на год. Марья Вечиславовна его хорошо знает. Фроловский: гипнотизер-гастроллер, великий комбинатор. Вы с ним не нервничаете? Обстановка такая, что приходится. Нет, ночью в постели. Нет что вы. Смотри. Письмо из Берлина ушло в чужой архив. Та, которая тебе британскую энциклопедию подарила. Полев рисовал, когда был в нее влюблен. По памяти? По воображению. На потолке антресолей черной тушью контуры чужого акта. А лицо замазано. А деду нужен сахар. А дед гонит вино. Цена 25 рублей — в неделю хоть раз один быть свободным и молодым в кафе «Отдых». Алик Рабинович уезжает в Сочи снимать натуру. Купил «Великолепные бабочки реки Амазонки». Но любовные игры диких зверей ему ни к чему. Правда ли, что ваше «гавт» делает все, что народ захочет? Как ты думаешь, чего-нибудь будет? Кисло!

Каждый из них считает, что каждый порядочный человек — и правильно делает — антисоветчик, и как антисоветчик, он должен ответить на этот вопрос отрицательно, а он отвечает положительно, потому что у него нет данных ответить аргументированно отрицательно. Было мило-очаровательно. Тихий Про-Американец переводил Пастернака на американский прямо с хода. Я не сомневаюсь, что вырасту в тысячекратном размере для всех обывателей Советского Союза. Вот как разговаривает по телефону Дон Кихот с площади Свердлова. Просто праздник. Если бы зритель захотел побывать на всех встречах и киносеансах фестиваля, ему б потребовалось 100 лет жизни. Ну для заклятых друзей это не проблема. Приходила девушка из Сорбонны. Ему подсунули часы, и обвинили в краже. Все должно быть общее, даже ошибки. Когда наш товарищ ошибается, мы все страдаем. А он живет на отшибе. 29 декабря 1957 года никакой группы западных журналистов не было. Был один Г. Шапиро, и они с Пастернаком пили всю ночь, а на утро он все это выдумал. Джузеппэ Сарагат: исторический анахронизм. Все спокойно в России. А Старик почему-то не спится. Мысль, как и всякое движение, идет по железным законам: тезис, антитезис и синтез, причем этот синтез есть новый тезис. Но даже чека не в силах остановить колесо общественного развития. Гнать эту мысль. Гнать. Чем больше ее гонишь, тем настойчивей она возвращается. Ты умрешь, а они будут делить твою власть. Ты умрешь, а они будут жить. Ты умрешь, а все им достанется. Кому оставить? Кому завещать? 71 день или 71 год — какая разница. Кто кого съест? И товарищ Сталин уже не подпишет приказ о назначении товарища Сталина Первым Председателем Мирового Союза ССР.

Еще одна попытка написать НЕЧТО про ничего в особенности. Ирония над собой — только наиболее удобная и съедобная форма проповеди и пропаганды. Только скрытые возможности прямо противоположного характера. Чужая забота. А все остальное остается загадкой. До тех пор пока. Вот тележка с яблоками и на мели. Один сплошной свист. Это все жолуди не из-под того дуба. «Дикий капитан» Ю. Смуула: Л. Любецкий в роли Энн Уутоа. Такой хороший бред. Бре-е-ед. Ощущение «разрезать» было правильное, но к чему оно привело? Не перечитав написанное, будешь топтаться на одном месте и повторять в 25-й раз одно и то же без всякой видимости новой интонации. Перечитав, скажешь: ну и что будет? А тележка с яблоками на мели. А воз и ныне там. Слишком много ритуала. Но если ритуал отдельно, то наоборот: нужно как можно больше ритуала. Тогда может станет ясно. Как техника моментальных подборок при помощи фотографии. Как возвращение к смерти героя. А рассказать, как она соблазняла 4-х-летнего мальчика? Ладно, не буду. Пора ребенку писать старческую литературу: а то надоели эти дяди и тети, которые пишут про детей и называют это детская литература. Были слова и события, они забылись. Легко восстановить только то, что могло бы быть. Но все равно главным будет точка зрения взрослого автора. Тут уж ничего не поделаешь. Ты вот напиши историю человека от зачатия до рождения, вот тогда ты будешь ВП. Она уже написана. Это «Котик Летаев». Но это же не Борик Бугаев. Это же Андрей Белый в промежутке между «Золотым леопардом» и «Серебряным голубем». У каждого серьезного писателя может быть три «Котика Летаева».

Аленький цветочек: был когда-то. Да помнят ее еще некоторые: была красавица Москвы. Божий одуванчик: надоела ему эта занимательная гинекология! А он еще и нахал ко всему прочему.

А мы ведь договорились: мы возвращаемся к фонетическим удовольствиям. Считать чужие деньги. Кто знает, что б вышло, если б сохранилось. То же ведь было всякое. Я тебе говорила: возьми какого-нибудь тирана и пиши исторический роман. Нисколько он не облегчает, а только заморачивает голову.

Высокомерная цивилизация молчит и не подает никаких сигналов из космоса. Это только не уверенная в себе посылает: мы разумные! мы есть! мы знаем теорему Пифагора! мы расщепили атом! обратите на нас внимание! мы есть! мы есть! мы есть!

Связь с другими мирами.

Чужая забота.

Из этого театра я выносил риторические фигуры да тщеславное удовлетворение: самый дорогой билет и постоянное место: 2-й ряд, второе место с края. А в это время Кавалерист на белой лошади сидел с ними рядом и держал ее за руку. Никому не давай читать!

Милый друг, наконец-то мы вместе. Ты плыви, наша лодка, плыви. Волны на морском просторе вдруг отчетливо поманили вдаль. Ладно, еще раз с самого начала. Ладно. Возврата нет, нет возврата. Или покойник или победитель. Обо что ушибся, тем и лечись.

От «Овода» других впечатлений не осталось.

Как ты с ней говоришь! А Бурбоны все потеряли и ничему не научились. Об этом я и сказал. Как ты смеешь говорить так с княгиней Марьей Алексеевской! Ладно, хватит. Не буду. Все равно без толку.

Низкие своды каменных коридоров: чья-то былая власть. Неужели одни неудачи и щелчки и неуспех? Чужой успех: она берет профессора Нусинова под руку и удаляется. Наоборот. Одна неудача и сразу о с к о м .

Хоть бы раз тебя увидеть.

Я забыл про боевые группы «Железной пяты». Но вдруг в сочинении на тему прорвалось: пламенный идеал человеческой свободы. Я еще удивлялся: почему джек-лондонская точка зрения? Но как они догадались? К следующему сочинению я готовил цитаты 10 месяцев из А. Фадеева, И. Сталина и вообще из классиков марксизма-ленинизма на английском языке. Вера Ивановна, ваш экстерн написал реферат, не просто сочинение, а реферат, я его проверяла целую неделю. Надо бы размножить и дать студентам читать: там одних имен сколько! Комрид Имханицкая уже покойница.

Чтение «Фауста» было прервано бомбежкой больницы. Коган остался, а меня на больничных дрожках перевезли в деревянный домик. Чтение «Фауста» было прервано, когда она с яблоками лезла в окно. Я увидел толстую ляжку выше колен и пожалел о многом. Куда девались ее вызывающие груди, когда она лежала под одеялом? Просто исчезли. Я вас заставлю говорить по-японски. Мужчин-то мало, попользовалась и уступи другой. Но когда -- --- --. Ну вас всех!

Давно б посадили-если-бы!

Давно бы!

Это они еще не знали, а то б еще не так.

Ваши труды конфискованы и возврату не подлежат. Коротко и ясно.

Мечта Феликса Круля: вел в лагере дневник, и всё возвратили, только вырезали отдельные места.

Через 2 дня я уже встречал некоторые иероглифы как старых знакомых. Но советские войска продвигались быстрее. Кто быстрее? Я изучу японский язык или наши войска возьмут Японию?

На каменном полу Киевского вокзала в Киеве в тот день, когда по радио объявили о покушении на Гитлера, старый Скоган говорил о том, что он никогда без куска хлеба не пропадет. Я изображал из себя крупного дельца и такой мелочью не интересовался. Я был крупный спекулянт. По идее. Он мне будет говорить, что он хороший рассказчик, когда на него смотрят внимательные глаза симпатичного собеседника.

Как с Андреем Белым: те же недостатки, но без его достоинств. Кому вы даете уроки русского языка?

— Твои шашни с Алексеем Алексеичем!

Из пачки денег в пиджаке исчезла одна 25-рублевка. А может и две.

Но он же сам воспользуется и рукой мастера обойдется без твоего имени. Это и остановило.

А на адюльтер я не пойду!

От Пушкина до Тимирязева: не забуду никогда. Не читайте своих стихов, читайте хорошие. И зажигательные речи были?

Он получил единственный в СССР документ, дающий право на вход в буржуазное общество. Он подписал письмо. Еще и 4 месяцев не прошло и билет еще не получил, и вдруг такая угроза. Неужели всех будут исключать?

Ноги у нее он заметил.

На одно произношение всем знакомых имен ушло 4 года в Оксфорде. Сменить всю библиотеку. До свиданья без руки, без слова!

Озеро в жаркий день.

Я вижу Пинзура. Лучший пропагандист и теоретик в школе наркома. Мой лучший ученик, говаривал начальник секретариата. А вы считайте, на каком ходу я вам поставлю мат. Веселая игра, нечего сказать. Да, но все-таки я подписался там, где напечатано типографским способом «подпись расстрелянного». Тут тебе и яйца отрежут, и ничего не скажут, и ты промолчишь. Что они ему, уколы что ли какие дают? Что-то на него не похоже. Вот благодаря этому письму и все обошлось благополучно. Да, история благодарна вашему личному вмешательству, не иначе. Странно, что это уже где-то было, но где — вот вопрос. И к чему это клонилось, всем тоже было ясно. А у него какой разряд? Боюсь, что первый. Но третий разряд не в счет. Кто ж будет играть? Третий разряд за пределами. С третьим никто не будет считаться. Первым быть хотелось? А первым это лишь терпелось? Ну и переводчик-мастак-энтумзиаст. Вот как надо, а то вы.

Пора
заканчивать
балладу,
а новых
начинать
не надо.

Он будет переживать, а ты будешь смотреть: чего тебе еще нужно? Оказалось, этого мало. Конец Ви-талия видал современник. Ты себе представить не можешь, что значит для актрисы знакомство с театральным критиком. Это почти то же, что для тебя быть кумом королю. Был такой один случай. Но я им не воспользовался. А сват министру больше не звонит, не показывается. Может, его уже больше нет? Лексика из журнала «Социалистическая законность»: читает на сон грядущий парень с револьвером. Не дала? Ну и сука! А я работаю в другом отделе. Я поспрашиваю ребят, но вряд ли. Я так и понял. На пароходе все выглядело скромней и незначительней. И вдруг выросла цена понапрасну потраченных усилий. Он на меня и не посмотрел больше. Только когда я про морковку, а я нарочно. Пусть гад думает, что это правда. Костыли не спасли паспорт. Они пришли в Институт Склифосовского и забрали. А что я могла сделать? За вами следит пара глаз. ПАРАГЛАС был пароль. Быть ему Пангломом, он болен, это не мечты. Значит возможно Соппротивление! У нее в голосе горели глаза. Она впервые увидела гестаповцев. Она дура. Это еще не гестапо. И даже совсем не гестапо. Но гестаповцев ей увидеть не пришлось, и дай Бог каждому: она погибла случайно. Битва на рельсах еще только начиналась. У нас есть злые старики, но нет Петенов и нет Лавалей. Расстреляли и наших Паскалей. В число отдельных недостатков у него входит: вот отца расстреляли, это ошибка, вот евреев не принимают на работу, это ошибка, ну и все, а какие еще?

Т Р А В А П О Д С Н Е Г О М

6

п р о т у б е р а н е ц

Все белое. Все засыпано снегом: и трава и листья и асфальт.

Волна радости: но хоть для узкого круга, ведь мы обязаны, на нас лежит долг сохранить и довести до потомства.

ПОДВИЖНИК

ТУТ ДОРОГИ РАСХОДЯТСЯ

Опять охота на тигров и переселение душ. Тут Европа никогда не поймет Азию, а Азия Африку.

Но жизнь разыгрывается вовсе не по этим линиям. Чудаки, они как будто не догадываются. Тут действуют бОльшие интервалы. Свершив подвиг, он приступил к эксплуатации подвига и потом всю жизнь только этим и занимался. Разная степень сосредоточенности, только и всего, а сущность та же. Разными способами достигалось одно и то же. Важно, что человек испытывал удовлетворение. 15.11.65 Кроме того, пустота заполнялась и ерундой. Повод ушел, слова потеряли направленность. Оценщику в ломбарде наплевать на повод. Ему нужна вещь. А потом оказывается, ему нужно только то, что ему нужно. Линии расходятся. Дорожки не пересекаются. Ничего загадочного не вижу. Как бы понравиться? Как бы не вызвать неудовольствия? Была еще одна грань, но она забылась. Жертва собственного характера и танец на чужих словах. Не прошло, не погибло, не отошло. Игра та же. Переплет другой. Он перецентрился. А ты все тот же. Он ушел. А ты все та же. Но пародия до сих пор не чувствуется. Тебе нужна рыбалка, а тебе навязывают охоту. Тебе бы про красноперку, а тебе рассказывают про антилопу. Но второго пика не было.

ЭПОХА РАЗДИРАНИЯ

НА СОБАЧЬИ МЫСЛИ И СВИНЯЧИИ ПЕРЕЖИВАНИЯ: У ВСЕХ
 ЧАСТИ немцев страсть к дневникам. Видимо, это в любой
 еще не степени относится ко всему. Мсье С. Котина —
 кончилась. Monsieur S. Cotina: push and pull in 25 different direc-
 tions.

Impulses —
 good or bad?
 — come and
 go. 25 times
 one and the
 same.

Ride,
 boldly ride.

Write,
 boldly write.

THE SHADE REPLIED

What's the English
 for ГЗБ — /кораб-
 ля/ GZB?

Beauty is only skin-
 deep. Insight, only
 sock-deep. Strictly
 speaking, only stiff-
 prick-deep. To be
 more exact, 14 cm.

The impor-
 tance of cutting
 syntax. We read
 out loud and cut
 somebody else's
 syntax.

Озадаченность не поможет. If you can trust
 yourself when all men doubt you, but make
 allowance for their doubting too. Закон и кулак,
 как вас теперь называть? Не пропадет твой
 скорбный труд в любом случае. Мало, мало.
 Мало. Вот так же было и с балетом. Ты входил
 в чужие интересы, а они менялись. И люди
 и интересы. Как сидеть между двумя машинка-
 ми. Рыбья пляска сменяется тишиной. Златая
 цепь на дубе том. Всех чаще мне она прихо-
 дит на уста. Усталый раб опять задает вопрос.
 Не с его носом. Послушайте, о чем они гово-
 рят, нет, вы только послушайте. Голоса пере-
 бивают друг друга, каждый бормочет о своем.
 А в глубине души все ТА Ж. Я б другой сложил
 напев. Соединить несоединимое — чужак, зна-
 чит нужно было. И гром не ударил и мужик не
 перекрестился. Персональный интерес. Опять
 не в ту сторону. Был правильный импульс. Он
 возвращал нужные картины. Она пользуется
 успехом: ее рвут на части. И проблема теперь
 другая. Достаточно посмотреть на лица. Ма-
 шина скрылась за поворотом. Есть же, есть
 же, есть! Там слишком много того, что прохо-
 дило мимо. Что-то такое, чему нет названия.
 Как мелькнувшая картина. Как звуки чужого
 языка. Как заботы далеких дней. Эта пародия
 тогда воспринималась как гроза и угроза.
 Совсем не смешно. Скорей бы, а то
 меня раздерут на
 части.

31.3.66

Милый ласковый щенок, но среди собак ценилось умение дать сдачи. Когда я вырасту, я тебе покажу! Я вам покажу, когда буду большой! Из милого щенка выросла мощная собака. Никто и не собирался теперь ее задирать. Когда он вырос, оказалось, показывать никому нечего. Есть чего, но ничего не надо. И беззаботность и бесстрашие, как у гориллы. Тут же и благодушие и даже добродушие. Нас не трогай, мы не тронем. Культ физического совершенства оказался вполне достижимым, но вот стремление к гармоническому развитию — это беда. Тут и началось. Во всем достигнуть совершенства. Надо. Хочу. Долг. Желание. Я так хочу. И так надо. А у меня все лучше всех. Вот уже и загиб. У мальчика был заскок насчет Маркса и Тургенева. А потом оказалось, и капитан Майн-Рид тоже. Те же даты: 1818 — 1883. На мысли одной помешаешься ты и с ума ты сойдешь от безумной мечты. И трактат, и портфель, и походка. Но вот на шапку лучше всех денег не хватит. Но БСЭ купил. Но когда я проштудирую трехтомник Белинского? И от плавания придется отказаться. Он философ? Скорее командир взвода. Боксер. Борец и Клоун. Ну как, казак, твое свидание? Свидание не состоялось. Нет времени и греблей заниматься. Тоже уверен, что будет малапагиниана? А почему нет? Ты можешь позировать под Минина и Пожарского, а я нет? А Шолохов — что, бог?

2

Ты можешь взять «Эмпириокритицизм» и работать самостоятельно. Или «Феноменологию духа». Могу, но меня интересует один вопрос. Это дело добровольное или нет? Я могу взяться за это, когда захочу или только когда вы скажете? Он все энциклопедии перечитал. У него одних определений идеологии 14 штук. В мужской бане мы видели молодого бога. Вот каким ты будешь, если будешь заниматься гимнастикой. У вас есть данные. И только? Ничего больше не надо, только посещать секцию. Я готов 10 лет в лагерях отсидеть, только бы иметь твое здоровье. А больше ничему в тебе не завидую. Теперь уж он не говорил тебе больше: ты гений. Да и тогда было, конечно, с ожиданием ответа «Ты тоже». Но он такого ответа не дождался. Я может и гений, т. е. почему может, я, конечно, гений, а вот ты не похож на гения. А чем я хуже Максима Горького? У меня такие слова вызывали раздражение и бешенство, и мы ссорились. И этим не пришлось заниматься. И тут нужны жертвы. Чтобы читать «Фауста» Гете по-немецки, я готов все сделать. Ото всего отказаться. Даже от Москвы. Уехать и 2 года читать одного «Фауста». Разговор о Ларуссе бесил и ввергал в бессилие.

Разве можно объять необъятное? Но так хочется. Но это высокомерие физически недоразвитой девушки уязвляет больней, чем явное снисхождение, если не презрение, москвички к провинциалу. Я вам покажу «командир взвода». Мыслитель? Скорее пулеметчик. Я вам покажу «пулеметчик». Ты вон какую нам карту Союза отгрохал для Комсомолии. Не всем же сразу начинать с фельетонов, а? Почему не всем? На лице этого парня было написано восхищение. Он смотрел на тебя как влюбленная девушка. Они нарочно не оставили портфель, чтобы рассмотреть тебя вблизи в трусах. Великолепное животное, ничего не скажешь. Звзверь! Тигр. Борец. Турник пришлось сразу же бросить. Коньки пришлось оставить в смысле фигурное катание. От лыж дрожали руки, и трудно было прямо из лесу с лыжной прогулки переключаться на лекцию по теории литературы. Хорошая пара. Жалко, нет фотоаппарата. Оттого и был долгий задумчивый взгляд 30 лет спустя у прилавка с немецкими книгами.

4

У нее на лице был написан ужас, когда она меня увидела на костылях. Это было в трамвае. Трамвай шел по Моховой мимо Университета. Откуда он ее знает? Нашего завлита? Ты мне сегодня нравишься. Ну-ка, прочти еще раз свою пародию. Здорово, а? А то, что я заплакал, читая твой рассказ, просто слезы душили, так это, дурак, комплимент для твоего рассказа. Я хочу переписать его по-своему. Будет два рассказа. Пожалуйста, переписывай. Знать множество стихов и можно ничего не знать больше. А у них самая мощная официальная организация, за исключением партии и комсомола. У баптистов или у хлыстов? Мощная собака в новом окружении вдруг почувствовала себя щенком. И тут нужна специализация. Если ты бегун на длинные дистанции, так тебе и нужно развивать только ноги и бегать только на длинные дистанции. А как же с гармоническим развитием во все стороны?

5

Удар был нанесен новым французом. Легче всего давался язык, вот языком и нужно было больше всего заниматься. Вот и сейчас тоже. Стихи по-японски можешь не писать, но проконспектировать оксфордский курс давно надо было. стакан воды, чужой успех, ах как неудобно, ах как нехорошо, ну просто невыносимо. Потом вдруг стихи Есенина и реакция. Да что, я машина что ли! А я каторжный? А я крепостной, да? Не хочу быть зубрежной машиной, не хочу. Первая двойка у профессора Неусыхина по истории средних веков так не обескуражила, как этот стакан воды по-французски. Отстал. Безнадежно отстал. Не догнать. Лучше уж сойти с дорожки. Казалось, поскользнулся и медленно сползаешь в пропасть. Все тебя принимают ЗА, а ты уже не академик, ты внутри уже боцман.

6

Нет дудки, я и на военном корабле останусь литературным критиком. А я все равно. А там не нужно было читать Байрона и Багрицкого. Читал «Гренаду» с чувством, но лучше б сразу взял быка за рога. Вот уж ни к чему, так ни к чему. И вот среди этих-то орангутангов я вынужден жить в самые плодотворные годы моей жизни. Тебе удастся преодолеть титаническую мысль великого Виссариона. Подумаешь! Мне это ничего не составляет. Я еще и не то могу. От трехтомника Белинского через Писарева и как-бы-письмо-Сталину «Дайте нам свободу слова и мы вам покажем, что такое великая русская литература» был естественный переход к тридцатитомнику Ленина. Мы были воспитаны на том убеждении, что критика поэзии — это в первую очередь критика жизни и без участия в революции не может быть русского писателя или критика или мыслителя. И это еще дальше от французского языка и французской литературы.

7

У мальчика был заскок насчет Тургенева и Маркса. Написать новый «Капитал» и новые «Отцы и дети», это нам ничего не составляет. Мы такие. А вот какие вы, это еще надо посмотреть. Конечно, об этом никому ни слова, но иногда разве нельзя дать понять и поиметь в виду? Иногда это и прорывалось. Я эгоцентрист и ты эгоцентрист, но нельзя же всех остальных считать дураками! А почему нельзя, если он дурак? Я хочу увидеть, что за человек ты, а вовсе не тот парень, о котором ты так много рассказываешь. Что ты любишь, к чему ты стремишься, кем ты хочешь быть, что ты за человек? Это был последний разговор с расстрелянным вождем. А последний раз я его видел выходящим из общественной уборной на Пушкинской площади. В кино? С девицей, конечно? Нет. Ну и плохо. «Как у вас дела?» — такого вопроса я ему и не мог задать. Потом его высокая фигура мелькнула в коридорах Бутырки, но это я, конечно, обознался. Просто кто-то из моссоветчиков напомнил другого моссоветчика.

Задира́ть он любил, расстрелянный руководитель, но всегда мимоходом и по касательной. И разговора никогда не было. Может и был бы разговор через год после расстрела, но было уже поздно. Не отец исповедник, а задиристый старший брат, к которому надо приходиться с законченными мыслями и самостоятельными решениями. Хочешь, он тебя устроит в Моссовет? А чего с деньгами делать, если не тратить? Ты Калинина видал? А я с ним на одной лодке переезжал, выполняя задание Ленина. А чего вы сторонитесь и уступаете дорогу, папа никогда бы не уступил дорогу. А его брат, оказывается, руководит всем антисоветским подпольем в Прибалтике. Все из-за дяди. Писать или не писать правду? Папа написал и его забрали. А его друг не написал и теперь министр в своей республике. Легче, чем плюнуть. Так кто же был папа все-таки у этой девочки, а? И мама уже покойница и та, что знала правду, уже покойница, и виновник давно уже в земле и никому это не нужно. Из милого щенка выросла задиристая собака. Не мог он хорошо кончить, не мог. О Америка — это страна, где гуляют и пьют без закуски!

Еще раз
Черный
Монах.

А он не
Демон, он
тряпка.

Но Марсий
все-таки не ут-
верждал, что
он изобрел
флейту.

Белый снег
похоронил
желтый лист.

И так плохо и эдак плохо, так как же быть?
Опять вопрос, на который ответить и так и так
плохо, а избежать нельзя. Вот начало безумия.
Заучивать надо. А как заучивать, когда и так
и так плохо? Попробую я поднять то, что никогда
не поднимал. А для равновесия. Демон должен
пожирать огонь и изрыгать дым. А он тряпка. Под-
начивать — это ее специальность. Восток оболган
нагло и жестоко. Кто жизни не щадил своей в раз-
боях, злато добывая, тот думать будет ли о ней,
за Русь святую погибая? Но даже вошь нам бли-
же, чем ты, французский офицер, забывший где-
нибудь в Париже турчанку Азадэ, которую лю-
бил. Получается заморачивание головы.

Сдерите с меня кожу вместо того, чтобы сдирать
не с меня. Но не делайте этого по телефону. Пер-
вый в мире человек, который смеется. Пусть не
требует признания, пусть терпит, как я терплю.
У меня совсем нет ничего, а у него как-никак би-
ография. Ритуальная открытка на новой ленте:
кровотечение продолжается. 20.11.65

Он требует, чтобы его освежили яблоками.
Я тебя принимала за демона, а ты оказался
тряпка.

Черный хлеб.

Белый снег прикрыл все: и траву, которая
пробивалась сквозь асфальт, и осенние желтые
сухие листья, и серый асфальт.

Кошка играет с мышкой.

Маленький серый комочек на белой земле.

И оно дать не можем, поелику не имеем. Так
держаться, сестра! Человек меняет кожу. Такой фи-
нал. Хорошо Ангелу ЛЦ: ему волноваться нечего.
Ему ждать некого. Нарцисс вместо градусника.
Но не делайте это через Г-34! 21.11.65

Тут скорее ОБЕЗЬЯНА И СУЩНОСТЬ.

Та чисто русская страница про туры на колесах так и не попала в Тарусу. А он ведь читал «Организацию». А то кто ж еще кофе залил. Конфедерат не звонил больше Белле Ахмадулиной. Тут пошли опять мото-СМЕХ-части: смех с матом. Никто же не поверит, что это сказал Ницше о Шекспире. Они только знают одно: глазами клоуна. Опять шипенье Варвары Ставригиной. И пунша пламень голубой.

КОНЕЦ АБЗАЦА

хорош. Только
нет для него
переплета.

Заклятые Друзья попали в переплет. На банку с червями легла костлявая рука, а черви пожирали друг друга. Чего ж вы после этого удивляетесь, что от червей в банке никакого следа не осталось? Странная Подборка затерялась. Как это затерялась? А вот затерялась и все. Кто-то куда-то сунул и забыл. А у вас разве не так? Еще 14 столетий до крика: быть или не быть. Еще 14 месяцев. Еще 14 минут.

ЕЩЕ 14 МИНУТ

Не пойму я, к чему это клонится. А не поймешь, так нечего и браться. О многом они правильно догадывались. Вот с этого и надо было начинать. Для него самым трудным было выговорить слово «мемуары». Это хорошо у Аркадия Райкина. Вот поэтому ему и не дали. Лампасы выцвели, троцкиста изолировали, друзья погибли, говорить не о чем. Ты позондируй: он мне ответит, если я ему напишу. А ты пиши, не торгуйся. Все боится п е р е д а т ь. Как суицидшантажист из романа Достоевского: все боится передать. Его звали Ипполит. А писал он Аглае Епанчиной. Вдруг совершенно отчетливый голос прозвучал тоном приказа: в лампасы! Тоска по большому разговору? Не знали, что закончим перебежкой. Что хрупки руки /а я хрупкая?/ и гора поката /а я гора? а он Магомет?/. И 10 гранат не пустяк. А он — партизан Железняк. Не могу я слышать это приветственное восклицание без дрожи. Чтобы не выдать холода очей. И очей очарованье. Странно, что я ничего этого не видел и не слышал. Вот тебе и эффект присутствия. Именно эти слова и прошипела Варвара Петровна Ставрогина. Ничем не хуже персонажей из этой сказки. Только Фэнни и ИлИзабет не играли в его жизни никакой роли. Впрочем, впрочем, впрочем. Но он сам сказал: Пруит. Я его за язык не тянул. И лес богов остался без сказки. А то вот я сяду за драму, буду писать пьесу, и ты меня не увидишь. Угроза миновала.

Старику просто не спится. Машина мчится по шоссе. А чего вы в глаза прямо не смотрите? А чего вы все переглядываетесь? А чего это он зачастил к нему? А чего это они все время вместе? Вот какие вопросы решал могучий азиатский ум. Золотая дремотная Азия опочила на твоих куполах. Россия боролась с трупом Джугашвили. Труп победил. Один он все понимает. В четверг после дождика. Оттого-то, знать, и весел дом, в котором я живу. Тишина в коммунальной квартире, долги забыты, все уехали на дачу. А они считают, что 4000 в месяц — это по его способностям и по его труду. Такой у него труд. Такие у него способности. И нет предела его растущим потребностям. Ампер, конечно, советИк. Нищему показали пачку денег и думают, что у нищего будут хорошие чувства. И вот такой тоже требует: ты пробуждай во мне хорошие чувства. А милость к падшим можешь не пробуждать. Ты вот мне дай такое, чтоб я мог почувствовать. Чтобы У МЕНЯ создался ОБРАЗ. Чтобы я мог прочитать. Скажем, где-нибудь в поезде /в мягком вагоне/. Скажем, где-нибудь в самолете /перед посадкой В / . Тогда ты получишь от носорога пятерку по поведению. Именно по ПО. Куча долго не разгоралась. Не так-то просто поджечь муравьиную кучу. Столб комаров поднялся тучей кверху, и туча была кровавая. Они напились ее кровью. Месть была азиатская. Но она уже ничего не слышала. Хохот в темноте зрительного зала. Последнее слово суицида было написано раньше. Эту амбивалентность на любом заборе в любой день можно исследовать.

Пробовал и так. Пробовал. А вы пробуйте иначе. Это же цикута. Это же амба. Это же все. Но как он не видел этого раньше? Теория и техника моментальных подборок: 5 минут? Да, но я работал всю жизнь для того, чтобы сделать эту вещь за 5 минут. Доктор Кибернетович: заносит его. Да, тебя не заносит. Интонация неподражаема. Доктор любит, чтоб все было ясно. До свидания, господин Ученый! Мы еще встретимся, господин Ученый! Кошмарное видение. 40 000 писем с требованием расстрелять Синявского и Даниэля. 1416 монументов с деревянными мечами и живыми девочками вдруг задвигались на зеленом поле. Запахло площадью небесного спокойствия. Японские эксперты утверждают, что он уже умер. Никаких признаков того, что он жив. И вместе с тем, все признаки того, что он доживает последние дни и в эти последние дни хочет мысленно увидеть — ЧТО? Гигантский глобус и желтая старческая рука тянется, пытается покрутить земной шар не в ту сторону. Он все время вертелся с запада на восток, а он хочет его покрутить с востока на запад. Старику просто не спится.

Когда страдал, когда мучился?

Страдал оттого, что она не ему улыбнулась. Мучился, когда она не с ним заговорила. Лучше всех об этом Павел Сухотин. Сбылась мечта идиота. По врагам Революции огонь! По врагу революции — пли! Никто и не догадывался. Никому и в голову не приходило. Зачем ломать голову? Тут не успеваешь действовать, а осмыслять будут потом. Вербую боевиков. А эти чистюли просто боятся. У них никогда не будет врагов. Она была в красном платочке. Ты сегодня гм — гм — гм? Вас вчера гм-гм-гм? Странно, что так мало слов по существу. Все это неинтересно — так называемые новости.

ВЕРБУЮ
БОЕВИКОВ

Штурмовиков?

В одной комнате, имелось в виду. Ну кто теперь будет читать Рылеева? Некому рассказать про табакерку. Местонахождение неизвестно. Так это у них называется. Андрей Воробей, не пугай голубей, клюй семечку, да помаленечку. Разве б я так? Вот именно. А из того «тошно перечесть» пора бы сделать все выводы. Читать вслух по-английски не тошно? Тогда надо читать. А все остальное пока в сторону. Опять не место для даты. Я вас любил когда-то. Спасибо за «когда-то». Для костра в пепельнице, конечно, лучшая бумага. ПТ, ТГ. Снимите шляпу. 5 минут молчания. 23.11.65

ДА РАЗВЕ Б
Я ТАК ПИСАЛ!

Когда-то.

Опять 25!

А делается это просто. Берется готовый текст и удаляются неподходящие слова. Совсем не надо делать то, что вы делаете. ПТ, ТГ.
ОС и ДС

Я что хотел сказать?
Я забыл. Вот так и всегда.
Что-то такое крутилось
на уме, но мне заморочили
голову и я забыл. Ну вот.
Опять. Опять пойдешь по
улице и потом, когда уже
будет поздно, вспомнишь.
Вот что я хотел сказать.
Хотел сказать и забыл.

Ну на этого читателя я
работать не собираюсь.
Для этого читателя уже
написаны книги, и он уже
их прочитал и больше ни-
чего читать не собирает-
ся. А индекс не для него.
Как эта расклейка. Как
любое типографское офор-
мление. ЧУЖАЯ ЗАБОТА.

Какой шрифт у последней
Америки? Ремингтона?
Как РЫЧАГИ. Были наши ра-
дости, стали ваши.

А результаты были ужасные. «Луна и грош» по-русски звучит так плохо и не-солидно, что стыдно признаться, что это твоя любимая книга.

БЕССТРАШНЫЙ НОВЫЙ МИР

А сокращенный перевод на французский романа Сенкевича «Кво вадис» звучит так, как будто он написан не Сенкевичем, а Вольтером.

Фонтан, если сдерживать, прорвет мощным напором в одном месте: вот для этого и устраивают много отверстий для тонких струй. Им не позволяли даже невинный авто-эротизм. И результаты? И результаты были ужасные. В бесстрашном новом мире речь идет в первую очередь об эротическом подавлении и терроре. Метафора смешанная и растянутая на целый абзац. Трепотня. Чужая потому что. Своя трепотня — это всегда глубокая мысль. 27.11.65

А Ленин приветствовал «10 ножей в спину революции» Арк. Аверченко. И советовал всем прочесть. Ну он же ничего не понимал в литературе и в партийности литературы. А вот тов. Жданов все понимал. Поэ-тому и покончил с собой.

Для старушки Риты Райт — книги Абрама Терца — покушение на гитлеровского гауляйтера Гейдриха в оккупированной Чехословакии. Они все нам напортили! Да она сама — благородная женщина! — выступит общественным обвинителем на открытом процессе.

Фраза Вольтера звучит кокетливо и жеманно. Придаться в переводе не к чему, все как будто правильно, а книга получается СОВСЕМ ДРУГАЯ.

Как будто он этим дорожил. Не такое по-гибло. Этот переплет с цифрой 1885. Хмык. А может и не погибло. А может. Веселая Вакханка улыбнулась. Это она запомнила. Кто что сказал, не подписав письмо, это ее любимые рассказы. Угроза миновала. Не он хорош сам по себе. А на большее никто и не рассчитывал. А потом был просто промежуток. А потом был узкий промежуток. Но записная книжка полетела в огонь. Я вам сейчас все объясню. Трогательная уверенность, что ваши объяснения кому-то понадобятся. Трогательная уверенность, что всегда можно все объяснить. А где ж твое заклинание? А где ж твоя молитва? Почему же она не действует, а? Те же недостатки, что и у Андрея Белого, только без его достоинств. Кот в мешке вышел на улицу, и больше никогда его никто не видел. Ну и что будет? Все большие разговоры кончились в 44-м году. Тоже не знали, что закончат перебежкой. И что договаривает все граната.

НУ И ЧТО БУДЕТ ?

УГРОЗА НЕ МИНОВАЛА

Он еще в декабре 1954 года грозился написать «Войну и мир» к следующему новому году. Угроза не миновала. Не твое амплуа. Тут тебя переплюнут в два счета. Когда все время под одной и той же угрозой, человек привыкает и уже не верит в угрозу. А желтая опасность никогда не была красной. Тут он позеленел от зависти. Тут у меня будет бледный вид. Как с последним словом: не скажи, никто не будет знать. А скажи, сам не рад будешь. Так говорил и Ватсаяна. Забыта и Зара Тустра. Звезда, которая спешила на съемку когда-то. Когда-то на антресолях разорвалась граната. Ну, за 12 лет многое может произойти. А что именно? А разве не произошло? А вы забыли про Томилино, Красково, Малаховку. А я забыл про Снегири. Отоснились, видно, навсегда. А озеро — это пропасть и ты: тут не у места ни он ни НЕОН ни особой чистоты. Тут скорее реквием. Тут скорее Обезьяна и Сущность.

странная встреча
 то есть
 странная подборка
 через сколько лет?

Он вчера был приглашен на чашку чая к самому Господу Богу и сегодня всё знает. Что было, что есть и что будет. Таким тоном он сказал только одно слово. Крепитесь! Ну и что будет? С умным человеком и поговорить приятно. И этот читал про Смердякова. И эта знает все слова. И эта знает, как уязвить побольней. К поэту Дмитрию Кедрину эта СССР никакого отношения не имеет. Так говорила Алена Старица. Если она так говорила. Если это был Борис Слуцкий. Если это была Ольга Берггольц. Князь Андрей без улыбки: этих ж-ж-женщин надо уничтож-ж-жать! До сих пор мы слышали только: этих женщин надо помирить. Терпение лопнуло и у живописца. Монсиньор Монтанелли сошел с ума. Сноп света косой полосой падал вниз, а ему показалось, что это струится кровь его сына. Она и читала Э. Казакевича. Тоже найти в пустыне воду. А тебя учили: будь винтик, будь механизм, будь крепостной, будь исполнитель. Мы тебе поставим пятерку по ПОВедению. Я ее любил когда-то. Он умер, не дождавшись рассвета и птиц, которые питаются падалью. Шакалы побежали в другое место. В другом месте запахло падалью. Кто поддержал его китайскую концепцию? Сугубо доверительно. НАШ ЧЕЛОВЕКОНЕНАВИСТНИК — это, конечно, нечто новое. Мы такого не слыхали никогда. Ну и что будет?

7

А это не литература, это любовные письма. Напечатаны на машинке, ну и что же? Чтобы легче было читать.

Поразила отчужденность. Тебе еще придется выслушать и не то. Взаялся за гуж, не говори, что не дюж. Дюже много на себя берет. Это и возмутило. Конечно. Был хороший парень, но не Золя же, не Бальзак! Нет, нет, нет! Ушли старики. Ушли и мальчики далеких лет. А ты разве не заметил, что ты теперь — не просто Юра, а фигура? С тобой и обращаются, как с фигурой.

Облегчения не получилось.

1

6.4.66

Мост — мышеловка? — сомкнулся, Такой мягкий стук гигантского, но хорошо отработанного механизма. Я попробовал щель: нет, не пролезть. Но откуда была уверенность, что на рассвете будет иначе? Мост разведут. А спать можно? Тогда все равно. И я улегся на крашенном металле в ячейке гигантского моста. Ветер дует. Мне снится, что все это мне снится. Я помню, что это надо забыть. Повтори еще раз. Я помню, что это надо забыть. Еще раз. Такая узкая продолговатая щель, сидеть нельзя, стоять тем более, но лежать можно. И я улегся на голом пыльном металле, как у себя дома на диване. Вдруг стало холодно. Подул ветер. Было душно, но тепло, было пыльно, но не холодно. А ты не бойся заснуть. Боялся заспать одну мысль. Я засну, а она уйдет. Разве так бывает, чтоб совсем полный мрак? Вдруг ощущение чего-то чудовищного и неотвратимого. Все-таки бывает. Но сходить с ума как раз приятно и весело. Но разве бывает наоборот? Этот мост в бесконечность. Ему нет конца и краю. Я хочу умирать вместе. Но я хочу умирать вместе, если уж жить вместе нельзя. Но так не бывает. Но я хочу. Что-то часто о смерти. Ушла фраза. Фраза ушла.

5

Не могу я смотреть на эти изуродованные деревья. Или ерунда или табу. Или табу или ерунда. Эмиссар старой дамы оставил шпаргалку. Это выше моего понимания. Это ж какие-то железные люди. 8.4.66

Как это похоже на все остальное. Что-то часто о смерти. Что-то часто про гроб. Глыба, не нашедшая резец /все скупей и суше на привет/, придает значительность тому, что значительности не представляет. Климат менялся с каждым днем. Надо античную историю готовить, а у меня нашло, стихи пишутся и пишутся, что делать, а? С климатом менялось и отношение к искусству. Вставишь новые зубы, и тебя положат в гроб: знаешь, как будешь красиво выглядеть? Получишь диплом, вместе с дипломом туберкулез, и диплом вместе с тобой положат в гроб. Этими сберкнижками можешь оклеить мой гроб! Я буду шагать через нее, как через мебель! Со вкусом цитировалось, со вкусом. До свиданья без руки, без слова. Идут, идут, идут на последний на важный редут. А на улице мальчик сопливый ковыряет пальцем в носу. Мы встретимся там, где нет темноты. Будет только решетка и Ты.

Был тот человек мао-цзе-дунист, хоть и самой высокой и чистой марки. А где доказательства? Тагер помнит. И Поляк помнит. Это они изучали Андрея Белого для вашего учебника современной советской литературы для 10 класса. Вот у них и спросите насчет краснокожей паспортины. И что взято и что прибавлено и что улучшено и что ухудшено и как вообще.

Но сам он не допускает амбивалентного отношения к чужой амбивалентности. И к Рабле и к Бахтину. А у читателя вдруг невольная симпатия к Вольтеру. А читатель вдруг соглашается с противниками Бахтина и Рабле. Чтобы изучить амбивалентность площадного слова, не надо ехать так далеко: во Францию 16 века. На любой улице у любой пивной на троих можно проследить все нюансы смехового аспекта мира. Но почему это народность и даже демократичность? Надо только обдумать. Постановка проблемы. Расстановка чужих мыслей. Ученый ум. Эпитет уничтожает существительное. Как раз тот самый случай. Так чем обогатилась русская литература в 1958 году? В чем же заключается все-таки великий вклад Франсуа Рабле и переводчика Любимова? Слова из 4 букв? «Жопа» во времена Рабле была амбивалентная, а сейчас у нас почему-то нет. Ну а насчет изощренной порнографии, так тут уж совсем ничего не понятно. Да, кстати, чем это она должна была мне понравиться? И почему эта книга должна стоять у меня на полке?

Ж

Запятая пропала. Неужели у меня нет копии с запятой? А может это и есть капризы? Ач-ч-ч чор-р-р, и рожон откуда-то выпал. Закопался, ну чисто закопался. Мура. Мусор. Погиб. Ну вот кажется тот самый звонок, который все перевернет. Вдруг кажется, что-нибудь такое, что сразу все-все отодвинет на задний план. И уж тогда, конечно, новая жизнь. На пустом месте. Чем хуже, тем лучше. Бзик. Только через тошно перечесь. Только через тошно. А спокойно. А не надо. А еще. А еще спокойней. Волноваться надо было раньше. Вот это и есть наш последний и решительный лист. Карабканье с датой в июле 62 года — это хорошо. Мы это перечитаем и успокоимся. Перечтем через тошно перечесь. Ладно, хватит, сам так умею. 4.4.66

И последняя дрожь, и боль, и остаток чувства совести, и то, что волнует кровь, и то, что не нужно для жизни потом, — боль никогда не утихнет. Карабканье на стенку у муравья, попавшего в ванну, а рука уже повернула кран. Вода уже хлещет, а муравей еще карабкается. У них начинаются высшие интересы.

ЗАПЯТАЯ КУДА-ТО ДЕЛАСЬ

Я ее переименовал и забыл во что.

4

И вдруг я поймал себя на том, что говорю себе про Тышлера те же самые слова, которые слышал в «Новом мире» про Устина Малапагина. Те же самые слова. Значит, те же самые эмоции? Значит, те же самые реакции? Значит, о нас думают то же самое, что мы о них? И об этом никому не расскажешь. Все время перед глазами пачки исписанных листов. Чужой труд. Слишком почтительное отношение к собственным извилинам. Пройдут года, настанут дни такие. Вы будете читать пачки фотокопий, а мы будем мирно спать в могиле, а вам дай бог счастья, а вы пишите для себя свои собственные книги.

А ВЫ ПИШИТЕ ДЛЯ СЕБЯ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ КНИГИ 19.3.66

Без меня!

Мишка Лермонтов, Колька Некрасов, Федька Достоевский: все свои!

Кто-нибудь из наших накололся?
Нет. Значит вы не из тех, кого там называют нашими или то, что с вами произошло, не называется накололся.

Нога в ногу, все художники идут нога в ногу, а вы сидите и не идете нога в ногу. Почему вы не нога в ногу?

Когда рядом с тобой играет такая шутовская сторона, поневоле замолчишь и наберешь в рот воды и никому ни слова. Да бросьте вы! Это еще хорошо, что на вы. А там сразу с тобой на «да брось ты херувину!»

5

Еще раз и еще раз. Видно, только такие слова и такие тексты, к которым постоянно возвращаешься. 25.3.66

«Озеро в жаркий день» лишилось «Поплавка у Аксакова». Это был самый важный текст. Нечто тихомирно нейтральное, и вместе с тем, отоснилось, видно, навсегда. Не сапог же описывать. Зависит от количества перечитанных при этом страниц. А важней всего только слова, написанные на полях уже готовой книги. Так было покончено с озером.

Дерзкий незнакомец чем-то дорог. А последний переплет устарел.

Мы читаем в «Тайме» только про себя. Нам интересно только про нас. Откуда у них мой портрет? Я такого никому не давал.

Меня ждет Бэртон Стивенсон на улице Разина, а я занят черти чем. Один поворот телефонного диска, другой, третий. Она этого никогда не забудет.

Позабуду, вероятно, ваши милые черты. Тов. Сарабьянов и силовой трюк Б. Бродского в журнале «Вопросы философии». Вахана — хана ли? Хана. Похоже на это. Странно, что там нет ничего существенно нового. Вам нельзя такие вещи читать. Но безаппеляционность иногда даже импонирует. Когда она льет воду на нашу мельницу. На эту воду страшно было смотреть, когда не умел плавать. Первый раз переплыл озеро с опасностью для жизни и в тайне от всех один. Это была победа. Но было страшно. Но мог и утонуть. Никто еще не утонул, когда научился плавать. Течение сносило со страшной силой. Волки гнались по заснеженному льду.

А потом с тобой заговорят на языке деревенского милиционера. Его купили вежливым разговором. А с ними они не церемонятся. О самом важном никто ни слова, и я молчу. Будто ничего не случилось. И все время какой-нибудь третий лишний. А я смотрел на лица их. И вдруг стало грустно-грустно. Вот такими же словами кто-то поносил твой скорбный труд, завещанный от Бога мне, грешному. А слова те же самые. Но как выразить противоположные эмоции? Но есть святыя вещи, кроме личности художника. Есть уважение к искусству и презрение к халтуре, какой бы высокий замысел ни был. Но у меня совсем другие эмоции. Но я ненавижу ничтожество. Но меня тошнит от жалких потуггов. Но я должен молчать. И я молчу. Я отдохну в другом зале. Я посмотрю еще раз на те картины, которые мне нравятся, и мне станет легче. Есть же все-таки, есть же, есть. Стоят, с ученым видом знатока хранят молчанье в важном споре. Только способ всех увидеть и со всеми поговорить. Тышлер — замечательный художник. Чем? Замечательный своей монотонностью и утомительностью. Разве можно так о нем, он гонимый! Дай волю этим гонимым, и они перецеголяют своих гонителей. Они же еще более нетерпимы, чем их нетерпимые неприятели. Вам нравится, восхищайтесь, пожалуйста, только не требуйте от нас восторгов. Но вот теми же самыми словами заговорило Кондовое Хамство, и тут не умолчать, и тут ты обязательно влипнешь в разговор, и поймаешься на удочку. А тебя просто спровоцировали.

У МАЛЬЧИКА БЫЛ ЗАСКОК

31.3.66

Дивная власть и острый запах.

Конечно, «Траву и асфальт» нужно было бы переписать. Вдруг тема потеряла интерес. Ни от кого ни слова. Дивная власть и острый запах чужой судьбы — да. Но вдруг стало всем почему-то неинтересно. Да не интересно мне про него! И трынтрава вышла в тираж. Я про него мог бы кое-что рассказать (точное описание того, что называют кувшинное рыло), но сейчас я про него ничего плохого не хочу говорить.

А кто такая Наташа? Почему она не собирается в Лондон. А кто это — Наташа Ростова? Собираемый образ — Поэма Горы? Она выдала инициалы. Она была влюблена в Горького. Да и сейчас. Такая переписка. Ведьмацкая атмосфера, и НЕ-ведьмам лучше не соваться. Если он слушал Наторпа по-немецки, так не мог он записывать его лекции по-русски. Это физически исключается. А что Дима? А почему СГГ? А кому еще три экземпляра? Она спустила Аржака в уборную и вызвала водопроводчика? Великий русский философ Павел Флоренский? Она так и сказала. Не такой уж молодой тут Вольтер, но все же. С какого языка вы переводите, с греческого или с японского? 31.3.66

Это как «посредине лета высыхают губы». Но такой потребности нет: все объяснять. Наоборот. Есть потребность затуманивать. Чтобы не выдать холода очей. Чтобы дать как можно меньше оснований для насмешки или недовольства. Значит слишком много желаний понравиться. 20.12.65

Это не тема. Это не предмет. Это еще не рассказ. Он еще не писатель. Нет, он совсем не писатель. Так создавался законченный

ИНГИБИ- ЦИОНИСТ.

Уже поиски затуманенных путей сами по себе создают стиль. Уже невозможность рассказать сама по себе скорей привлекает, чем отталкивает. Все время сталкиваются табу и вялый флегматик с крещенским холодом. Ваш век, в ваш век, ваш век, в ваш век — записали на ленту и дуют каждый день: эффект взволнованной беседы по душам о совести, о низости, о личности. Хорошие слова, но от механизации гибнут. Это про мороз. Выключить. Поставить лучшую музыку. Иногда кажется: пастух — решение всех проблем. Ходи с кнутом и покрикивай. Переборы. Несусветная путаница. Шерсть разных цветов и оттенков, все спутано, а надо намотать, а надо порядок, а надо успокоение. Но воспоминания у них интересные. Хм. Такая эмигрантщина. Здрасс-тр-щц! Добрый день, господа! Актеры и роли. Он уже себя показал. Боится завянуть от одного дуновения? Идет и всюду за собой тащит тепличную атмосферу. Только после пародии.

Агаист: думает только о себе, а мне так хочется, чтобы он думал только обо мне. Напишите мне чего-нибудь. Вянут эти цветочки на этой улице. Тут дует такой суровый ветер. Тут все связано с морозом. И ее посиневшее лицо. Тебе не холодно? Она говорит нет, а сама дрожит: жутко неуютно. И пойти некуда. Дома еще хуже. Так и кажется, что каждый из шедевров только для того и существует, чтобы замуровать за собой вход в искусство. Это он первый подметил. И такая литература существует: тысячи книг под рукой у той девочки, что на фоне множества книг. Она тоже будет писать книги. Она научится. Она усвоит этот язык. Она будет знать, о чем можно рассказать. У вас есть о чем рассказать людям. Свое-бразно! Сдохнуть! Прогулка в этом парке среди этих дубов и лип. Разве б я так писал. Тут один смех. Такая горькая отравка. Так надо. Только с железной интонацией. Вот когда пародия не убивает стихотворения, вот тогда и только тогда. Ему понравились эти ритмы, и он хочет их навязать. Ведь всю жизнь возвращался к первой французской книге, а вот поди ж ты, так и не удалось. Тупик, за что ни возьмись. Любопытно. Любопытно. Почему «Оском» не понравился? А мне он дорог. Она, оскомины на зубах, многое объясняет. Чего они его так не любят, Драйзера американцы? Они еще больше не любят Джека Лондона. Да и Марка Твена не очень. Странные люди. Зато выше всего ставят «Моби Дик» Мелвилла. Это как «Доктор Фаустус» Томаса Манна. А мне дороже Генрих Манн. Но я ни разу не слышал доброго слова по адресу Генриха Манна. Это как с Гофманом. Это как с Грином. Знаешь, какие у него любимые поэты? После разговора не стыдно и признаться. Что ж тогда требовать от друзей?

А все сводится к тому, что каждый из них разрабатывает всю жизнь не с в о ю тему. И все ему кажется, что он говорит что-то новое. Все не так, как у других. И как его оскорбило бы одно предположение, что ему сказать нечего по той простой причине, что на эту тему уже все сказано и гораздо лучше. Но ему кажется, что если он Петухова называет Курочкиным, а Марию Алексевну Анной Афанасьевной, то он создаст новый образ, новый характер. А тут еще обстоятельства всем заморочили голову. И обязательно эпоха. А в характере на самом деле ничего нового. Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес. А про Брута все уже написано. И не с вашим носом тут сказать новое слово. Вы Брута просто не понимаете. Я тоже этого не понимал, когда за призраком свободы нас Брут отчаянный водил. Эту книгу я читал с ужасом, как описание собственных пороков, как свою катастрофу, как надпись на могиле. Я пришел в ужас. Все конечно. До сих пор не могу без содрогания пройти через актовый зал: вон в том ряду, вон в том кресле я сидел и читал эту книгу. От этих каменных сводов веет кошмаром далеких дней. Свидетели твоих побед ушли в другое измерение. Тут постоянный оском. Тут все время на зубах г. с песком. Провалиться сквозь землю. Тебя вычеркнули из жизни, и ты ходишь, как мертвец. В щель его! — раздавался голос Советского Писателя. Так и думалось: да, да, тебя надо в щель, там тебе и место. Ему напомнить, он обидится.

ЕМУ НАПОМНИТЬ, ОН ОБИДИТСЯ

А кто больше всех приложил руку?

А кто восславил свой закат? А кто всю жизнь твердил, что так и надо? Так чего ж вы удивляетесь после всего?

Прощай, лазурь Преображенская и золото второго Спаса. Мы расстались на Преображенской площади. Есть такая теперь станция метро. Хороша страна Арифмения. За мое ж жито да меня ж и побито. Заговорила коллективная мудрость профсоюзного собрания. Был тише воды, ниже травы. Все равно голову сняли. Они косцы. Для них ты гадюка в траве. Коси, коса, пока роса. Подними голову, и коса срежет. Значит, Вы сами такой? Сам я не такой. А какой вы? Значит, я сам такой. Значит, я сам не такой. А какой вы? Тут жжжелезная логика опять. Больше всего мне понравился капитан: на своей шикарной под-лодке шикарно пошел ко дну. Эскадра уходит в море, женщины остаются без мужчин. Ты будешь Бога молить, а я будут кофе варить. А меня там не примут за еврейку? А там евреев не избивают? А в тот храм, который уже музей, можно входить в брюках? Или тоже «изыде, отроковица!»? Такую картину мама себе представила в одно мгновение. Она лежит в гробу, а гроб оклеен сберегательными книжками. Этот лист всех больше перечитан, всех менее томит. Наш круг — тут твердое понятие. И я решила передать его своей лучшей подруге. Она художница. Она все время что-то лепит из пластилина. Мы целовались на кухне. Только один раз. Стара, должно быть, стала. Да, стара. Я с грустью озираюсь на окрестность. Какая незнакомая мне местность. А на ту улицу я боюсь идти. А тот дом я не хочу видеть. Ни с кем никогда не встречался. Такие круги, которые никогда не пересекаются. А казалось, ходили по тем же самым дорожкам.

Факты тоже можно скручивать и вывертывать. Если я вам скажу одно, так вы выверните это на другое. Если он не имел путевок, так он дурак и ничего не понимает. Если ему дали путевочку, так это значит, он, гад, пользовался всеми благами. Если придется не к чему, так и это плохо. Ну уж, конечно, не дай Бог получил подарок. Значит купили. Значит проданся. Значит купленный. Я ему написал письмо, а он передал его куда следует. Судьба Сугубо Доверительно. Под сапогом лейтенанта валялся лист из Симоны де Бовуар. Я этот лист, затоптанный сапогами, должен повесить под стекло и хранить на самом видном месте. Куда девалась Ветка Палестины? Просил я ее сказать мне, просил. Ничего она мне не сказала. Вот уже сразу корректив. Там надо было сказать: от имени Устена и по поручению Малапагина. То мост, то дорога, то распятый человек. А в общем одно и то же: квадратный шпунт в круглой дыре. И те случаи, когда шпунт вдруг становится круглым. Давно б так и сказали, все б знали, с кем имеют дело. Нет социальной базы для дураков! А дураки существуют. Дорого ему обошлась чужая наивность. Мосты, мосты, мосты. Но ты мне ничего не сказал насчет О-Брайена. Вот именно. Вот ужас. Да и вообще нос не дорос. Ладно, ты будешь Бога молить, а я буду кофе варить. Вот так привык к сломанным очкам, что кажется, так и должно быть и лишь бы не хуже. Как это похоже на все остальное.

Они же и были там вместе. Это значит, что он наконец дома бывает. Надо быть комиссаром Мегрэ, чтобы следить за передвижениями твоего Ба Дзинь-дона. Тихий Дон /жуан? шуан? кихот?/ ушел с головой в метаматематику. Его шеф доктор Кибернетович обещал устроить его на синекуру. Целый день сидеть за пультом и читать что угодно, потом нажать кнопку и выключить. А можно и совсем не прийти на работу. Надо только предупредить следующую смену. Девочка в белой кофточке на него обиделась. Он завел одновременно роман с шестью девушками, в том числе с двумя ее лучшими подругами. Его роман можете прочитать. Я вам дам 3 рассказа. Но вам же нельзя будет сказать: брось, Лева, займись лучше языком. Нельзя же слыть переводчиком и не знать языка. Это же несерьезно. В «Крокодиле» он сидит в одной комнате с А. Моралевичем.

Но я была в долгу перед ним. Но я отплатила долг и даже, по его словам, слишком щедро. А проблема та же самая. Если картину художника никто не видел, кроме друзей и знакомых, то произведение искусства существует или его нет? Не издан — не автор, не пойман — не вор. Жандармский ротмистр писал стихи и даже заумные, говорил, что он поклонник Андрея Белого и считает себя символистом. Шурочка Домонтович теперь — «страшная Коллонтай». Один был Радек, а другой — Рудзутак, разве не так? Совсем не так. Другой был Карахан. Флотский офицер переводил Гераклита и цитировал по-гречески «все течет, все изменяется». Неизменной была только первая любовь. Обе сестры Цветаевы были влюблены в этого флотского офицера, переводчика Гераклита. Чертовски важный носорог из «Нового мира». Сотри случайные черты, и даже ХУНВЭЙБИН прекрасен. Не надо меня агитировать за Солнечную Систему. Кто сказал Авдотья Израилевна? Берете вещь, кладите ее на место. Это я с вами так, а с ним я не могу и рта раскрыть. Он был озлоблен, я угрюм, — шептал бумаге карандаш. А кто ему давал право судить себя и прощать себя? А кто ему давал право присваивать себе такое право? Вспомнил цитату через 45 минут за столиком. Только и событий. Первый импульс был и последним. Вопрос о подавлении первого импульса не поднимался. У вас была в глазах такая грустная усталость. Знаток и поклонником Есенина в тех кругах был Мишка Шухарин. Вы сделали все выводы? Я так и подумал. Загадочные сны снились тогда, когда турчанка Азадэ ушла из нашей жизни. А когда она была, снился кто-то еще. Автор рассказа «Что просматривается, то и простреливается».

Просто слова, написанные в темноте в ожидании рассвета и вдохновения. Утро начинается с недоумения и запаха кофе. Недоумение пахнет табаком сигареты «Памир». Ничего от этих страниц не останется, ничего. Но теперь уж поздно. Теперь уж взялся за гуж, дочитывай до конца. Что бы это значило в конце концов? Если останусь жив и когда буду на свободе, ни одной секунды даром тратить не буду. Ни одной минуты, ни одной секунды. Слух обостряется, если все время с напряжением прислушиваться и всю жизнь кругом воспринимать на слух. Над потолком шаги в сапогах со скрипом, твердый шаг военного человека, но в мягких сапогах большого командира. Сейчас я не могу, сейчас лучше про коньки. Эти слова нужны для равновесия. Чтобы не было удушья. Иначе сдохнешь от тоски, не видя ни одного живого слова. Терпения нехватает в лавке букиниста. Пусть останется. Решено. Завораживает. Или отталкивает. Соображает человек или не соображает, что делает, когда делает? Соображает только, когда не делает и только то, что не делает. Что получалось тогда, об этом можно судить только по читабельному тексту. Вдруг жуткая серьезность, как «Он погиб, а вы живы!» Такой был разговор в Гослитиздате. Не вижу разницы. Это про новую ленту. Странная какая-то лента.

Я не знаю, что это такое, но что бы это ни было, это не имеет значения. Три круга по воде. Ты откроешь чужую книгу на чужом языке, и на минуту тебе покажется родимый дом. Раз, два, три, а это четвертый, не считая того, что еще вчера лежало на самом видном месте. Сидел, молчал, примеривался. Ты б хотел иметь такую жизнь? Почему в первый раз вызывалось такое жуткое отталкивание? Почему по-французски это кажется совсем другой книгой? Огромное количество чужой макулатуры. А никто не старался понравиться. В сухих рассуждениях искать ускользнувшую нить. Каким бы годом это ни было помечено. Не за что ухватиться. Как они его переводят? Как они его читают по-итальянски? Что он им может сказать? Одно сплошное удивление. Смех. А его собственные объяснения тоже курам на смех. Вы давайте нам то, что вы даете, а там мы как-нибудь сами разберемся. Что там было? Что там говорилось? Почему такой неожиданный результат? Все сошлись на ярко выраженном желании именно сойтись на одинаковом отношении к Михаилу Булгакову. Все-таки значит, нет-нет да и пробьется охота возвратиться в заколдованный круг, а? Что-то вроде этого. Тут одной паутинкой все не объяснишь. Чем могу быть полезен? А перед глазами красавец-эфиоп. Он мыслит вслух, а мы смеемся. А рядом сидят свои заботы. Повернись налево, тут свои. А рядом с ними сидит еще чья-то радость. Чего больше: стремления найти общий язык или желания выказать свою индивидуальность? Вам понравилась утка? А мне не досталось. Опять те же самые события, только касаются кого-то еще. Звено выпало. Чертовщина забылась. Кому-то что-то может прийти в голову. Рвутся нити, рвутся-обрываются. В октябре 64 года? Это было интересно 2 года назад. А тогда почему 32-й год, где говорилось о 16-м годе, нам вдруг важней и интересней?

КАК БУДТО НИЧЕГО ЭТОГО НЕ БЫЛО.

А у меня до этого была целая жизнь. Мы разошлись. Не поссорились, но раздружились. А у него после этого была целая жизнь. Там каждые четыре месяца можно считать за целую жизнь. Я помню его каждое движение. Я помню каждое его слово. Первая неделя первого месяца первого семестра первого курса. Самый первый день был с ним и последние дни были не без него. Но нет чего-то, за что зацепившись, можно было бы спокойно и без боли вспоминать каждый день день за днем. А рассказчик вообще за пределами такого рассказа. Это, может быть, несправедливо по отношению к рассказчику — он-то тут при чем? — но, увы! все время маячит другая — бОльшая — несправедливость, и она-то мешает плавному течению повествования. Мундир не помешал бы. А книги мешают. Книги с тумбочки, с этажерки в той комнате, где висел портрет Эдмона Ростана. А может то был не Ростан, а граф Рэтленд? Вмешательство третьего было особенно обидным и оскорбительным. Счет не закрыт. Чашечки весов все время то вверх, то вниз. Я украл у нее сердце. Он украл у меня дружбу. Нас обокрали. Нас наградили постоянной болью. Между нами легла пропасть. Между нами встала стеклянная стена. Нам не понять друг друга. А у новейших поколений свои заботы. Им и вовсе не до нас. Он тоже умер смертью героя. Я опять ищу слова, которые все время ускользают.

Трамвай поворачивал направо, идя к Сокольникам. В битком набитом трамвае и велись первые абстрактные философские беседы. Обоим пока это очень нравилось. Овражек в конце леса, и там впервые об инакомыслии в политике и литературе. Трамвай шел от столовой завода «Красный Богатырь», нет, сначала в столовую, и там впервые разошлись во взглядах на один вопрос теории литературы. Белогвардейский роман не может быть художественным произведением вообще. Как? Это же нелогично. Мы же знаем о существовании художественных произведений, написанных с реакционных позиций. Тогда они не имеют право называться художественными. Настоящий поэт, настоящий критик, настоящая жизнь и настоящий человек. Вопрос о настоящей действительности и был самым коварным. Нас учил Белинский. Трехтомник Белинского появился осенью уже в комнате № 2. Или весной? 23 рубля долга отдавать было жалко, оставаясь без денег, но вопрос чести — отдать все равно и остаться без денег. Он уезжал, я провожал его, пока не всучил деньги, повернулся и пошел в свою комнату. Уже во второй раз он, давая займы, поморщился, но, по моим понятиям, у меня было безвыходное положение. Что-то я слишком нажимаю. Ни одна из этих фраз не пошла бы на карандаш уже из-за расплывчатости длинной формулировки. Фраза рождается длинной, а потом мы ее искусственно усекаем и рубим и делаем короткой. Мы говорим удивительно неточными и длинными и запутанными предложениями. Вот почему диктофон — не мечта Эренбурга. Он знает, что за всю свою жизнь не имел ни одного разговора, который бы полностью можно было вставить в роман хотя бы о падении Парижа. Не знаю почему. Одному выбили глаз, другому свернули нос, до сих пор идут счеты, кому больше досталось. А там тоже был счет, сколько кому радостей досталось от жизни среди наших друзей и знакомых.

1

Я не думала, что мне будет так больно читать о других женщинах. А разве нельзя печатать за границей? Хм, я и не знала. Парикмахерша у жен писателей — в курсе всех событий вокруг Абрама Терца. Я вот сейчас позвоню в английское посольство, и они узнают, как тут разговаривают с советским писателем. Я приобщилась. Меня приобщили. Майор ГБ — вежливый человек. Он со мной говорил вежливо. Мы еще займемся вашими грехами. Никому не говорите об этом. Мужу можете сказать. Но я об этом никому не говорила, кроме как по телефону. Откуда это известно? У них все известно. Лист фотокопии с пометками красным карандашом. Я сидела и читала полтора часа, но я не могла читать. Я все время лихорадочно думала, что он еще спросит и как мне ответить. Он со мной разговаривал вежливо. Он вежливый человек. Она не читала книгу потому, что ей сказали, что там есть эротика. Так писал Гофман, Бабель, ну Гоголь, в общем, гротеск. Задача в своем роле стилистическая. Статьи Абрама Терца похожи на Андрея Синявского, романы ничуть не похожи. Это говорят те, кто говорил с теми, которые говорили с теми, которые читали Абрама Терца. Он нам все напортил. Мы тут стараемся, а он вот-тебе. Он оболгал Россию. Буду я за этого гада заступаться! Она видится с женой каждые «через день». Они к нему хорошо относятся. Был такой один момент, но теперь безусловно хорошо. А у них там все свои: Колька Некрасов, Мишка Лермонтов, Федька Достоевский.

СЛИШКОМ ДЕШЕВО ТЕБЕ ДОСТАЛАСЬ ДРУЖБА
ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА

И тут счеты. Слишком дешево тебе досталась облегченная судьба. И тут счеты. Все время взвешивается, кому сколько досталось, и равенства нет и быть не может. Ну ладно. Нет других слов, значит нет других чувств. Погоди, не беги, он догонит тебя, ты будешь рад. Еще этот врангелевский шпион. А чем он тебе помешал? А полемизировать все время приходится с деникинским пулеметчиком. Он навязывает свой язык и свои понятия. Есть такое отношение к реальной действительности, которое вызывает к нашему возмущению в одной области идеологии и которое вызывает наше одобрение в другой. Да. Есть. Бывают люди, которые делая доброе дело недостойному человеку, только повторяют отрицательным явлениям и наносят вред чужому характеру. Да. Бывают. Художественное произведение не может быть создано с реакционных и контрреволюционных позиций уже из-за одного того, что реакционность искажает реальную действительность и не может дать гармоническое отражение. Идейная проблема может не совпадать с идейной позицией писателя и тогда возникает вопрос об идейном отношении к идейной проблеме. Критические взгляды У. на эстетические взгляды Б. на поэтические взгляды П. На втором этаже этого дома на углу до сих пор живет его дядя портной, который шил мундир японскому посланнику. Как ты мог писать в 10 классе о внутренней теме, когда ты о ней только что узнал от Пospelова? А вот и мог. Я узнал о ней из учебника теории литературы Виноградова, который мы читали в 10 классе. Почти первая ссора. Но дело было не в этом.

Вон как это называется. А можно и так назвать. Ритуал. Слово, у которого ищется продолжение. Слово, у которого ищется адрес. Так вот же адрес, вот он, сидит и ждет, чего бы такого ему кто-нибудь написал. А правда. Так и можно назвать. А я и не знал. Но я это знал и раньше, я это знал давно, я это знал всегда, я только не знал, что это можно так назвать. Потом вдруг оказывается, у импульса не может быть продолжения. А рассказ строился так, будто может быть продолжение. Но там же явное «не то». Он ей понравился, значит, он меньше всего был похож на самого себя. То вдруг демонстрация пика: я хотел бы вот что! Все хотели бы этого. Я не знаю, что это такое и к чему это сводится. Отложи как можно дальше от видного места. На самом деле это, конечно, не так. На самом деле все по-прежнему: каждый умирает в одиночку. И рождается тоже. Вот главное. Еще раз подход, еще раз родился. Нелепость. Еще раз нелепость. Еще закрученной на самом деле. Что он сам при этом думал, это не имеет значения. Ах оставьте! Я попал в другую картину. Мне видней было, когда я об этом слышал. Заборные слова на чужом языке? Трехэтажный простонародный мат латинскими буквами? Так это пародия на Хемингуэя, а не на Джойса. Ничего не вижу, кроме лукавости. Дайте нам эту маску, не мешайте нам сыграть эту роль. Сколько угодно. У виновника торжества был вид постороннего человека. Много ты увидишь, если будешь смотреть чужими глазами. Тут течений так много, что все сглаживается и кажется, что не водоворот, а тишь и гладь. Попробуй войди, и оттуда не выйдешь. Из равнодушных уст я слышал смерти весть.

Утренних звонков я боюсь. Все кажется, что они по мою душу. К телефону! К ответу! Слава богу, мой любимый ученик. 27.1.67

Пора вставить новую ленту. Вот это мысль.

Значит, что-то получается, а что-то не получается. Как всегда. Но каково? Один вид действует как пурген. Опять начинается то же самое. Чтоб ты избежал паденья с кручи! Их было много на челне. Кто употребляет слово «иносказательно»? Тот же, кто не может не сказать «образно выражаясь». Тут рядом стояли слова, напечатанные на карточках самого маленького формата. Внимания не хватило и на это. Убить пересмешника по-английски, вернее по-американски в Алабаме, не так легко. Буду про коньки на повороте, куда ни разу никто из нас, а зачем такой крик в сторону? Буду про коньки или про озеро или про окно с насекомыми. Никогда не устанешь говорить про деревья осенью на фоне стены большого сарая. Листья сбросить с трубы. Городской пейзаж с перечислением колеров: что такое «сизосеризовый»? У него там 25 раз повторяется.

Автор «Печатных бредней вселенских шизофреников» сидел в кафе и говорил о том, что бывший властитель дум эволюционирует в том самом смысле. НЕ ОН сказал: были б боевики, а вожди всегда найдутся. Только настоящий диктатор понимал дело. Хорошие люди были народники и даже народо-вольцы, у них только не было идеологии. Им бы идеологию! Вам бы там бы посидеть послушать. А Итало Свево изменил своему учителю. Но это было без меня. Но кому нужна такая исповедь? У нее четыре общих тетради посвящены таким описаниям. Переводчик с английского сказал: настоящая леди-дог. Разговор на улице у входа в метро — максимум того, что они могут дать. Это имеет распространение? Нет, это письма одного моего личного знакомого, а на машинке написаны для того, чтобы легче было мне читать. Но для Вас, по-моему, он всегда был Сергей Сергеич. Ключ подобран, но замок-то сломали. Я рисую подсознание. Я описываю природу, погоду, красивых женщин, которые политикой не интересуются. Вот образец неправильного ответа. А что такое infernalная? Я сейчас запишу, дайте мне ручку, у вас есть бумага? Распаленная мартышка исчезла с горизонта. Черное солнце закатилось. Разве у вас остался какой-то осадок? Как потерянный роман. Дружба со взрослой женщиной начинается с отделки щенка под капитана. Позвала одного, а он явился с другим: они всегда мною кого-то угощают. Давно я не звонил гадюке и что-то заскучал в разлуке. Рыцарей — в отставку, нынче в моде чичисбеи. Вербую! Только свистните. Вам персонально позвоню, свистеть — это для других. Вы возглавляете — морально, конечно — мой список. А за это время утеряно. Как первый роман Олдоса Хаксли, написанный ослепшим мальчиком шрифтом Брайля для слепых. Импульс задан.

2

Чем это достигается?

Тоже не ахти какая стилистика, но поди ж ты. Чем достигается такой эффект, совершенно непонятно. Таких случаев у Гоголя мало, и их Андрей Белый просто не заметил. Итак — чем это достигается? Лучшие куски прозы, как лучшие стихи, приходят в полусне или наборматываются на прогулке и потом забываются. Ч-ч-чор-ти-што-такое! Вот именно. Муха оделась и молчала. МАха, а не Муха. Ну какая муха вас укусила?

Маха, а не Муха.

«La Chamade» («Kapitulacija»)

The hour «H»: 3.33 at the dawn. 3 tanks through BV. L'homme qui rit for the first time in the world. For him it is the first and the last.

Марсий сдирает кожу с Аполлона.

А Соловей /разбойник!/ опять кусается. Да еще и разыгрывает из себя Аполлона. А Марсий — это кто-то другой. Его послушать, так именно Марсий сдирает кожу с Аполлона.

Успокойтесь, утешьтесь. Успокоились, утешились, а вы не уехали. И тут танец. Ах, Таня, Таня! Где ж ты был раньше? А грубость надо было воспринимать иначе. Как влюбленность?

What the devil do you think you are doing?

PRESENT CONTINUOUS — да, действительно, это одно сплошное настоящее продолженное.

И звякнула щеколда у калитки, и вопросы в темноте, и горшок с кровью, и кирпич на голову, и первая книга на французском, и браунинг на уроке русского языка.

Ну вот, так уж и пошутить нельзя.

Попробуйте. А мы
и попробовали.

У него должна быть сперва одна забота — не показать свою начитанность. Он просто не знал, как ею пользоваться. Как Андрей Белый злоупотреблял своей эрудицией, нас не ужасает, но томит ужасно. Путь по усложнению первоначального текста под «Скриблдихобл» нас тоже не заманивает. А для хваткости, а для обзорности существует другой способ. Этому способу еще нет названия. «Что-то другое» маячило уже для старика И. В. Гете, но он уже был стар, чтобы по намеченному пути идти самому. Он указал дорогу, но сам пошел по другой. А ты все время указываешь свою собственную тропинку. А по ней идти никто не хочет. Весело для компании, конечно. Ему обидно, он столько сил затратил на чтение Камю по-французски. Да и главного так и не успел прочитать, а тут пошли такие хунвэйбины, которые презирают чтение вообще и рассказывают об этом юмористические рассказы. Однажды в кафе за столиком юмор бьет по идейному противнику, но смех-то, по существу, за чей счет? Ни дать ни взять Женя Катаев, когда он еще не встретил Юлюшу Файнзильбера. Никто уж не помнит, как звали Евгения Петрова, и реплика не доходит. Соседи-помещики, пока не сталкивались, не ссорились: крупнопоместный дачевладелец Эренбург и мелкопоместный Йозельс. Но молодой Дубровский заявил, что он подождет поместье Троекурова. Мама теперь в стороне. Как, важно быть серьезным? Вот еще один ход с его стороны. Новая интонация у старой избитой фразы. Если бы он поставил кавычки, абзац увел бы текст в литературоведение. Доктор наук знал, что пародировать, но не для всех звучала пародийность этой пародии. Лошадей так и не завел. Так мечтал о лошадях. Уж все было приготовлено: тут конюшня, тут сено, тут дрожки.

Он пытался учить самого Андрея Белого. Прошло целых 30 лет. Так он отомстил Айхенвальду за силуэты русских писателей. Эти счеты начались не в 1934 году. Хемингуэй подтрунивал над Фолкнером, но с Олдосом Хаксли была вражда. Ушел и намек на мысль. Замысел взвивался к отвлеченным построениям, потом возвращался к конкретным картинам или страницам, чтобы потом опять уйти в обобщения. Они следили за названиями, но не за ходом мысли. В пересказе все выглядело довольно неуклюже. Краткость граничила с юмористичностью, а по идее должна была давать новое слово и в социологии и в искусстве. Ему ж не дали развернуться. Намеки на историю европейского романа не были подхвачены ни в том синтаксисе ни в этой лексике. Вас не минует. Им быстро надоест. Получишь в свое время. А за это время был подмечен только один конкретный переход от метафоричности к бытовому плану, и то на примере чужой прозы. Николай Глазков тут не пользуется никаким влиянием. Они читали вслух только отдельные страницы. Мне их никто по почте не прислал. Мы этот анекдот имели в 22 году. Надо было еще иметь и чувство юмора. Жалко бабушку, правда? Как увижу я намек, так душа идет ко дну. Намек на город Ростов-на-Дону дорого ей обошелся. По новой они не читали Веры Пановой, а для нас это был свежий ветер и почти оттепель. Стало грустно: как будто великой школы плавания не существует. Но вот она, вот она, вот! Это как Б. Шоу с новой Россией. Он сказал: а я ее люблю, и все остались довольны. Но если бы она знала, за что он ее любит. Она бы не обрадовалась. Но она до сих пор этого не знает. И мы ей об этом не будем говорить. Разве можно шутить такими вещами? С вещами! Теперь они будут шутить.

Абстрактный разговор получился. В начале жизни помню школу я. Ни одна вещь не запала, не развилась, не откликнулась. Как-то иначе. Не из того теста. Заморочили ему голову теоретики. Ортега-и-Гассет — блестящий стилист, а я до сих пор изучал стилистику по Налитухину. Конечно, можно и по Налитухину, но лучше по Ортега-и-Гассету. В немецком переводе? Перевод хороший, а может он и сам писал по-немецки. Его интересует как раз та стилистика, которая сквозит во всех переводах. А ее интересует как раз то, что остается в пределах одного языка. Они же говорят о разных вещах, хотя и пользуются одними и теми же словами.

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ЗАБОР. Ритмы катания на коньках у этого конькобежца на этом озере были совсем иные в тот год. Как зеленый карандаш. Мелькнул, блеснул и улетел. Эстетика тонкого переплета. Конверты что ли? Хоть какой-нибудь шаг вперед, хоть какой. От пачек к переплету без читабельного текста, да, но хоть обзорно, хоть в самой общей виде. Клейка как ритуал не состоялась. Карандаш, не пропущенный через машинку. Да. Да. Но это еще не дает право на бессмертие. На внимание тех, которые придут потом: нах-вельт! Это еще ничего не значит. Устаревает только информация. Не только. Но и метод. Но и лексика. Но и заботы. Но и ритуал. И дело не в абстрактности. А в том, что нет конкретных зацепок в анализе новых впечатлений, которые, конечно, связаны со старыми. А вот этого и нет. Можно подумать, жизнь началось с приходом бородача в шотландской юбке. Рассказ о вечере в Армянском переулке — тоже нелитературные впечатления. А старый текст на новой машинке — на общих основаниях с методом Эрли Стенли Гарднера. Мне ритмы приснились, конкретные движения и повороты, но не ощущение полета, хотя я смутно помню свои чувства по поводу приснившихся ощущений.

Самый далекий угол — вовсе не детство. В самом далеком углу пылились картины без слов, которые мы выбросили, чтобы они нам не портили жизнь. Эти страницы жутко бесперспективны. Твой ритуал: ты его создал, ты и поломал. СИНИЕ чернила авто-ручки на немецкой бумаге чем-то другим, что отошло, не поднять, не приблизить. Казалось просто — поставить «1958» или «58-й год» или что-то в этом роде и так крыть до истощения уже зафиксированных слов. Ан нет. Ан нет. Наша тележка с яблоками накренилась, и яблоки посыпались на асфальт или на землю. Лодка застряла на мели. На мелком месте песок или ил или просто грязь и трава. Там хорошо про солнце как бы пропекающее до костей, когда спину подставляешь солнечным лучам. На одной этой сцене можно ехать. Застрелившийся инженер и инженер, сошедший с ума, и инженер, улетающий в Крым с женой в отпуск — суяровские персонажи, их сага, их семейная хроника, и папа — летописец и неудачный романист. Ты хотел добрых чувств. Смотри, какая бабища! Она одела мои брюки, а я одел старую бабушкину юбку, и мы демонстрировали маскарад. В медвежьем углу старый энциклопедический словарь — по фамилии Деде-рЭр или ДЭдерер — благополучное немецкое семейство почему-то под «Даму с собачкой». Хотя ничего общего. Только арийская кровь и просвечивающие уши. Немка себя показала. Начальник НКВД цитировал «Навьи чары» или «Санина» или «КАК ОН НАЗЫВАЕТСЯ»? «Мелкий бес». Потом пошли бутырские эмоции. А Валя Брехова читала потом именно эти книги именно из этой библиотеки. Где ваша сладость? Гораздо интересней заполнить лист бумаги словами, взятыми из воздуха, чем словами взятыми с бумаги. Чем это объяснить, не знаю. Потерял вкус. Не то настроение. Не тот накал. А, казалось, тут достаточен и самый низкий тонус. И просто общая тетрадь.

JUXTAPOSITION. Where we are all mixed up is in our juxtapositions. It's all nonsense, I tell you. People talk about a bad colour. Every colour is beautiful in its right juxtaposition. Do you remember what Corot said? He said Nature was too green and too badly lighted. It's a queer rum thing, why people ever get married at all. You simply can't get level with it — the most unlikely, most outrageous combinations. The more outrageous the more likely they are to be a success. What you want to seek in common is not intellectual ambitions and tastes, it's recreations. Would you say that he and his wife have recreations in common? Yes. What are they? Bach. Queer fish, people are.

But you don't practise what you preach. My case is exceptional. So is everybody's. The very case. The Nomenclature is changed, of course.

Plötzlich im letzten Sommer: it amounts to the same thing. *Tout sein de femme est un asyle. Il s'amusa à faire osciller ses seins comme des cloches. Il prit les seins charmants et lourds de Constance, un dans chaque main, et les pressa contre lui frénétiquement, immobile et fremissant dans la pluie.* But the picture from a German film «Zolnierz i bohater». But it amounts to the same thing.

Jeder stirbt für sich allein.

Чего там думать, когда и так давно все ясно? Счастливые люди — могут думать. Нам некогда думать, нам надо бежать на работу. Мы живем бездумно. Мысли и думы композитора о русской живописи лежат на приемнике: это самое видное и почетное место. Ритмика, ритмы, в других ритмах, не о тех ритмах идет речь. Ясно вспомнил легкость старого полета. Сколько там было событий, о которых тоже некому рассказать. Болван пытался активизировать чужую лексику. Его там просветили. Интеллектуализация эмоций и рационализация иррационального: сапоги в смятку, но разговор идет бесконечный. И толку чуть. Что-то пробивается на поверхность, но настолько неуловимо, что говорить не о чем. Возвратился бы к Федерико Феллини, может там бы что. А то Абрам Терц — это как беседы об изобразительном искусстве с историком искусств. Фщ-щ-щ! Поехало головокружение от магического слова. Много ты выразишь этим междометием. Когда начинается головокружение при чтении «Колокола» или «А за это время»? Графоманы анализировали гололедицу при помощи музыкальных терминов и добивались странного контакта через бытовую деталь. Что-то ни слова о пропасти во ржи. Не было ведь более сильного эстетического впечатления, не было же! Странная штука. Это не ориентир. Это пик. Это случайная удача, которая бывает один раз в 100 лет. Мне никогда так не написать. Так вы же это написали! Да, но я не знаю, как это у меня получилось. Да, но я не могу этого повторить на другом материале. Если даже все так и происходило, хотя я в этом сильно сомневаюсь. Смутные параллели не пошли дальше смутных впечатлений, а туманные слова ничего не давали, кроме явного неудовлетворения.

Путник, когда ты придешь в Спарту, спартанцы устроят афинскую ночь. Но ты не думай, путник, спартанцы тебя не забыли, спартанцы ведут спартанский образ жизни, а для равновесия — афинские ночи. Жители Лаконики выражались лаконично, а для равновесия много болтали и не замечали чужого многословия. Жители Лаконики ценили лаконичность, но выражались страшно многословно. Мысль по необходимости должна пройти эту стадию, а собеседник или машинка только способствуют. Ветеран встретился с неофитом, об этом нужно было спросить не ветерана, а неофита. Зямка Булкинд работал в Хлебниково, жил на улице Сайкина, а писал под псевдонимом З. Ситников. Но, как потом оказалось, он сластена, любит шоколад и вообще кондитерские изделия. Финансовая мысль: ух ты! Там написано «нечто овечье», а я прочел «вечно овечье», и мне очень понравилось. Нужно было как можно больше спрашивать, а я не воздержался от категоричности возражений. Из этого ящика вылетали слова, я их ловил довольно лениво, от них ничего не оставалось. Но громкость звука и неожиданность ритма иногда приносили пользу. Зато здесь нет трещин. Это, конечно, хорошо. Чуть-чуть от Большого Ларусса. Меньше всего Брокгауза. Когда мы получим следующую? Начало хорошее, посмотреть, что дальше будет, интересно. В сказке отмечено 9 страниц. Объяснение в любви забылось. Почему такое чувство, как будто я обокрал себя? А не надо ставить сверхзадач. Рассказ интересный. Потому что он — сверхрежиссер, а она — сверхактриса. А воспитанием ребенка занимается бабушка. Расскажите, как Солженицын читал Абрама Терца. Как Абрам Терц читал Конст. Федина. Так же. Абрам Кузнецов стал Андреем, а Андрей стал Абрамом. Устранение нервирующих влияний: а чего я буду это, когда меня так раздражает?

С таким вкусом описываются деньги в разных видах, что сразу видно: писал нищий, у которого никогда не было много денег. Не было своих, но было много чужих, что и не ценилось. Оба пишут. Один присылает все время что-нибудь. Другой пошел по стопам Бенедикта Лившица. Разные мы с ним люди. Человек не нашего круга. Не для тебя мальчик. Мальчик не для тебя. Чисто литературные задачи никого не волнуют. Жалко, что он устранился от Киплинга. Польские кинематографические журналы уж больше не печатают его портретов. Впечатление он производил на пап и на мам, которые говорили: видишь, что они делают! Нет уж, ты лучше занимайся французской филологией. Доведи одно дело до конца. Когда потребовались бытовые детали, а из них вдруг посыпались советы материнской любви, я подумал: хватит! Смерти старика никто не заметил. Я до сих пор не уверен: он умер или еще кто. Я сказал самое важное: давайте еще! А от него главного не услышал: последние стихи мне больше всех нравятся. Последнее, по-моему, — самое лучшее. У безрассудной похвалы есть свои традиции, но это же, вместе с тем, и есть самый короткий путь в сердце. Важно хорошо кончить. А поражение — тоже не всегда полная победа. Сам-то он иначе смотрит и иначе ощущает. Чашу Отче мимо не пронес. Разговор с Понтием Пилатом был другой. Цицерон! Никто не вспомнил, а он подумал.

Подумал, но не сказал. Антония на могиле Цезаря спутал с Цицероном, но все-таки вспомнил Шекспира, а собеседников у него не было, вы же сами об этом позаботились. 19 декабря в субботу в 1966 году в Москве на Остоженке в том доме, где когда-то кипела музыкальная жизнь, опять ожидали прихода трех товарищей. Зазвонил телефон. 19.12.66

Ни ассонансов ни аллитераций. Просто здорово звучит. «Пир Вальтасара» у Ольги Чуминой лучше, чем у Байрона. Это как перевод на французский язык у поэта. И ничего не теряется. Это как карманный формат «Нового мира». И ничего не теряется.

Соловей стал капризным, нетерпимым и невыносимым. Значит есть силы капризничать? Хватает. 23.11.65

Но есть все-таки такие строки, которые позволяют догадываться, какая хорошая книга была в замысле и в авторском экземпляре. Три строчки на стр. 299, Юрий Олеша, «Ни дня без строчки». Но она читает его как евангелие, и это жутко. А он читает как чужое письмо. Письмо ученицы 5 класса к своей учительнице по литературе. Она уж в Большом Городе и вообще, а тут какая-то попытка быть на равной ноге, хотя и почтительно. Чуть-чуть с упреком, но только чуть-чуть. Нет, не понимали вы меня. Вы думали, я такая, а я вот такая. Линия четырех табу. Просто другой рисунок абзацев.

Тут есть Незаметный Поворот, где надо во-время остановиться. Он виден только в далекой перспективе на большом расстоянии. Бурная жизнь, ничего не скажешь. He will come whining back to her like a whipped puppy. В четырех метрах от пирамидального тополя по направлению к дуплу старой яблони.

ОБРУБЛЕННЫЙ ТОПОЛЬ

Взгляд привыкает. Взгляд забывает, что когда-то чувствовал утрату. Он уже не помнит прежних черт. А новые черты, кажется, так всегда и были. Старый тополь нас принимает на новых основаниях, а мы его.

В Оксбридже 4 года было потрачено на то, чтобы привыкнуть к новому произношению старых имен. И Валтасар, и Анаддиомена, и Навуходоносор казались новыми людьми. Новые персонажи только на новый взгляд кажутся новыми. Он в Риме был бы Брут. А Брут — почтенный человек. Вот с позволения Брута я и скажу два слова на могиле своего друга.

И умер бедный раб у ног непобедимого владыки. Да помни, дьяк, неровен час. Вы про нас, а мы про вас.

Хороша страна Арифмения.

То самое удовлетворение, которое заставляет посмотреть в пространство и улыбнуться. Корова стояла и улыбалась: ее подоили. Ей теперь легко и хорошо. Кошка сидела и улыбалась: не слышу запаха валерьянки. Кому-то дает, а вам не дает. Значит не доверяет. Звону так много, что со всех сторон тот же звон. Во всех падежах одно и то же имя. Что значит всемирная слава. Что там сказала эта старуха? Чего она себе воображает? Он героическая личность. Он гонимый. Он толстый. Тут уж неважно, какой он шахматист. Важно, что как только разговор про шахматы, так про него. Вы не получите пригласительный билет.

Там два места: кафе
и магазин. А третье —
больница. Просто по-
дарок. 19.11.65

«Трава» тем и хороша. «На-
турщица» тем и значитель-
на.

«SCRIBBLE-DEHOBBLE» тоже: написано проще и интересней и значительней, а потом наведен туман. Сейчас-сейчас я ее поймаю за хвост. Но она меня может укусить. Но я ее все-таки поймаю за хвост. Раз и готово! Она, подлая, грызет письма. Мышка в комод. Так она и до дневников дойдет. Так она и деньги погрызет. Я — капля воды! Я капля! Видите огромный шершавый язык? Сейчас он меня слизнет. Петух! Петух!! Петух!!! Вы же человек, вы же не зерно. Я-то знаю, что я человек, но он-то не знает.

Когда меня обманывают, я заинтересовываюсь: за-чем врать? Я доверчив, у меня нет подходящих качеств для следователя. Когда со мной по-хорошему, я тоже по-хорошему. Ресторан, кафе, вино, такси, девочки, — сладкая жизнь! На какие шиши? Нет, вы только ответьте мне на один вопрос. У него период хороших отношений там. К ней там хорошо относятся. Так это же чем-то покушается. За чей счет? А вам не приходило в голову?

Новую моду взяли. Скрывать, что понимают иностранную речь. А там, по-моему, и скрывать нечего. Есть.

BUT the idea enslaves you if you don't master her.

Роковая женщина во всех семьях исполняет одну и ту же роль. Заведите себе Эккермана, и онэ михь! Но сначала ерника. Кто ж еще! Он же и распространяет. Флюстер и контер-флюстер. Он самый либеральный. Она сама лучшая. На крышку банки легла костлявая рука, а они жрут друг друга. А они грызутся между собой. Банка с червями оказалась пустой. Куда ж они делись?

Как плохо, что мы не купили тогда домик, правда, милый? И дешево продавался. Домик на Волге и домик на море и еще один домик на другом море. Конец кафе: а пошли на фак!

Прямой путь вниз.

Куда ж все-таки они исчезли? Черви из банки. Ведь банка была плотно закрыта, а? А они поедают друг друга. Без остатка.

На ту афишу можно полагаться. Полуночный поцелуй в Пламени — к ЧБ! А ты скажи ей, что туда никого не пускают. Только в ЦДЖ.

На банке с червями костлявая рука, а черви грызутся между собой.

Домик на Волге.

Бравый солдат Франтишек Швейк-Кафка — Ф. Ницше был санитаром на франко-прусской войне, М. Пруст в форме солдата-санитара — верно-подданный великой империи, а венский вальс на улицах города Вены. А тут внутренний амфибрахий. Какой это был рассказ?

Ты идешь мимо былого величия.

Нам верх, вам низ. Был такой выбор. Сами выбрали. Марш-марш-вперед. Кто был ничем, тот станет всем. Вам верх или вам низ? Я выбрал низ. Она видимо огорчилась. Он весело захохотал. Они, наверно, поспорили. Кто на чем собаку съел. Кому что. Вам верх, Бахтину низ. Тут Мих. Мих. Бахтин кое-что понимает до конца. Бессмертный шедевр Франсуа Рабле и бессмертный вклад Мих. Бахтина в марксистское литературоведение. А это разве его «Матерное слово на Руси»? А это разве его книгу она спустила в уборную, а потом вызвала водопроводчика? Не так уж трудно достать. Достаточно протянуть руку. А потом мокрую бумагу высушить. Вот и вся техника.

Under the spreading chestnut tree I sold you and you sold me. Elle a des seins en cor de chasse mais elle sait cinq langues. Le plaisir il n'y a que moi qui sache me le donner.

Ничья идет за ничьей.

Хватить бы соды от изжоги. А совесть? Кроме изжоги, его ничто не мучает.

А французы переводят как «Лучший из миров». А немцы «Прекрасный новый мир». А буквально — «Храбрый новый мир».

А звуки странно действуют. Мы в бой пойдем за Власть Советов и как один умрем в борьбе за это.

ОБРУБЛЕННЫЙ ТОПОЛЬ

Взгляд привыкает. Взгляд забывает, что когда-то был оскорблен и чувствовал утрату. Взгляд уже не помнит прежних черт, а новые черты, на новый взгляд, так всегда и были. Старый тополь нас принимает на новых основаниях, а мы его. Нет, не могу я смотреть без боли на эти обрубки. Как после пожара. Как после артобстрела. Мост оказался случайным. Заскок условным. Слова, написанные на полях, ненужными. Все зависит от количества перчитанных страниц. Ритуал хорош сам по себе. В Оксбридже 4 года было потрачено на произношение давно известных имен. Валтасар, Анадиомена, Навуходносор: просто надо привыкнуть. Там, где должна быть улыбка, у нее всегда «почему». Все хорваты перешли на новые форматы. О польском юморе хорошо в книге Юзовского, «Новый мир» № 2 за 66 г. рядом с лекцией Познера. Черногорцы — что такое? А форматы всякие хороши за исключением таких, которые ничего не дают. А ты б, боярин, пытку смущал бы красных девушек. Тут каждый считает себя специалистом. А он так и не смог привыкнуть к разговорной речи. Все-таки читатель. Хм. Хмык по поводу хмыка. Затерялась и та «Неделя», где Лиходеев про Солоухина, или это было не в «Неделе»? Так что вы были за человек? А? Как у вас изменился характер? Мария Каллас — итальянка все-таки?

А головы на плечах не останется, хотя будет видимость. Он уже никогда не сможет. При этом слове он будет вздрагивать, как вздрагивает Остановитесь-ВикОнт. И получив возможность, он этой возможностью воспользоваться не сможет. Он уже никогда не будет каким был раньше. Бре-ед. Идет новая поляризация. Жалко этих двух ребят. Он оболгал Луну. Он оклеветал Солнечную Систему. Он написал пасквиль на Метагалактику. Вон что, а я и не знал. Кто проследил куски на той дороге, тот увидел уход в нейтральные слова. Свифт ударял не по обществу, а по человечеству. Удар глубже. И так можно и этак, а, может, можно и никак? Лучше уж никак. Это как с переводом. Заранее знаешь возможность двух или трех равноценных вариантов, и каждый из них кажется оптимальным. Он играет с идеей, как с мячиком. Подбрасывает, ловит, опять подбрасывает. Как она с комочком бумаги из салфетки. Вот где таилась погибель моя. Там был такой переход к чужим лекциям. Нет, вы сначала сами в этом разберитесь, а потом нам заморачивайте голову. Этика всегда была камнем. Оставляет ли у него след или он? Пятница, 19 ноября. 19.11.65 Конечно, там ближе. А чего там обыск, там уж все попрятали. Не надо привлекать внимание соседей. А кто он такой? Чего вы с ним чичкаетесь? Ветер постоянно дует в эту сторону, сосна растет в другую сторону. Какой уж тут расцвет. Ах, как мне хотелось вам понравиться. Этого добился Эжен Ионеско. В 12-м томе список опечаток. Опечатки всегда анекдот. Мопассан.

Вихри враждебные веют над нами. Мы на горе
всем буржуйам мировой пожар раздуем. В бой ро-
ковой — с какими врагами? — марш марш вперед
рабочий народ.

А звуки действуют.

Сегодня ты, а завтра я.

BUT THE IDEA

Кому нужна близость? Чья
это наивность?

BUT THE IDEA
enslaves you if you
don't master her.

Новую моду взяли.
Работать под кино-
съемку.

Der Untertan.
Das grosse Österreich.

Сколько танков
им нужно для кино-
фильма? А ракет им
не нужно? Чтооо?
У Боровицких Ворот?

А куда ж делось это завеща-
ние? И почему два? Одно
ветхое, другое новое. Два
завета. Ушел. Ушел!
Ушел!!

УШОЛ

Не в первый раз. Но может
и в последний.

И ОНОГО ДАТЬ НЕ МОЖЕМ
ПОЕЛИКУ НЕ ИМЕЕМ

Плотники о плаху иступили топоры. Подлое поведение республики Сан-Марино никого не застало врасплох. Сколачивал, сколачивал, потом плюнул и ушел. А я что говорил? Если б захотелось переписать, вот тогда другое дело. Правда ль, это племя злое не боится наших сил? Снова станешь хорошим католиком, ведь для тебя же это важно, а не целая банда баб, а? Он умер, не дождавшись рассвета и птиц, которые питаются падалью. А потом? А про яблоню как? Осточертело само слово — стенограмма. Сигнал к отступлению еще не значит поражение. Просто труба зовет. Но даже там не то, что нужно. СУП тоже в СУП. Какие-то недоделанные выводы, какие-то преувеличенные ценности, но все-таки, но все-таки. Мимо балкона прошла моя юность. Я с ней очень осторожен. Она тоже хочет быть высокомерной. А сбивается на я уж не знаю что. Он перестал улыбаться, вот и все. Я не сумел прочитать. Что она говорила про орбиту? Такие модные метафоры. Только и всего. Вот чего не хватает. Эта штука? Еще раз переплетный пресс. А что его привело в Загорск? Ведь он же антиклерикал. Искусство. Ритуал. Новая знакомая. Знаменитая женщина. У этой девочки вполне приличный вид.

Юмористическая женщина нас оценивает по знакомому стандарту. Нас принимают за кого-то еще. Богохульник. Не только кощунство, но и святотатство. Вот как это звучало в 1923 году. Вот как это выглядело в газете «Бакинский рабочий». «Евреи без денег» переведены как «Еврейская беднота». Но Чомбе оказался проницательней, чем Нкрумэ. Он сидел и слушал и сделал все выводы. Черный Лес — как ледяная гора. Это был смелый шаг. Это она спасла Лолиту. Еще был жив Пастернак. Еще не все читали «Дневник Анны Франк». Для сентября 57 года это была новость. Человек сделал открытие. В первый раз попробовал положить музыку на слова, и отчетливый привкус новой этической проблемы. Ходит песенка по кругу. Было жутко. Так же было и с делириумом. Зачем человек хранил все царапины и все пощечины? Зачем ему это было нужно? Ну просто список синяков и шишек. Она подиграла, конечно. Кое-что. Кое-что. Как первобытный синкретизм одного женского образа: если помогает, если. Сначала у него нужно спросить. Макабрическая новелла — не в коня корм. Нет уж, вы лучше по части апокрифов. То транжир, то скупердяй: не надо заводить архивов. Перечитал заголовки и аранжировал по памяти, ах какой Эрли Стэнли Гарднер. Пяти страниц не мог прочесть из Бояджиева. Написать записку для него подвиг. Прочитать письмо тем более.

Как будто один чем-то отличается от другого. Читается теперь как хорошая проза. Прошло 12 лет. Эти ранние невзгоды у меня в печенках. Просто сопротивление материала, не больше. Успех зависит от количества испорченной бумаги. Тут не жалко ничего. По идее это вообще «Снег» и все про снег. Они выбросили статью о Хаксли после того, как он принял американское подданство? Эти британские энциклопедисты. Уму есть тройка: снег пушистый, твои губы шепчут о любви. Старательно зарабатывает свою визу за границу. Напрасно отплевывался. Премии не дали. Почему 75 кусков? А-а, я забыл, что японист — его лучший друг. Лично знаком с шефом жандармов. Лично известен члену Политбюро. Человек особого доверия. Я — ЧОД! Ну все. Поляки сумели. Впрочем, только в кино. Что-то давно ни слова про Марека Хласко. Всех заслонил Станислав Мрожек. Один уехал в Калифорнию, другой на Кубу, третий на Ривьеру. 125 нумерованных и именных экземпляров были выданы по списку и под расписку. Мне больше нравятся общий тираж — 13 экземпляров у дневника Андрэ Жида. И два опущения. Не дневник, а автобиография в самом сжатом очерке. А он там на правах босса. Лучший стилист журнала «Овцеводство». Вы бы посмотрели, вы бы послушали. Одной стороны телефонного разговора вполне достаточно. Зачем ему по-русски, ведь он же читает по-французски. Кооперация капуцинов не для него.

Интересно, по каким признакам они-то догадываются о существовании гамбургского счета? И почти безошибочно. Маху дал он. Мне эта возня подозрительна. Мне не нравится. А он делает вид, что ничего не произошло. Так и знал, что какая-нибудь ерунда. С какого языка перевод — фраза о постоянной борьбе с собственным плохим вкусом? Это же Прокофьев о Вахтангове. И Вахтангов о Станиславском. Кто сказал: «Бесы» — книга № 1? Гудзий? Где? То же самое сказал Достоевский о «Дон Кихоте», но у него была совсем другая аргументация. Но он имел в виду совсем другое. Это как с образом Обломова. Лежебока, лентяй, лодырь — и все. Она вышла замуж за Штольца. Дочка Штольца тоже не без гордости. Эх, была бы она парень и мужчина, у нее была бы чудесная жизнь. А так никаких преимуществ, кроме опыта, который ей даже мешает с точки зрения французской филологии. Для своей мамы единственное утешение. Для своей улицы единственное украшение. Впрочем, есть еще Рита Жомм. Та ее затмила. Вот видишь, что они делают. Ты же сама сказала, чтоб я заварила по-настоящему. Вера играла под Марфиньку. Спихватилась да поздно. Кого это она мне подсунула тогда на скамейке? Вывод был исключительный. Заводить роман непременно с человеком другого круга и желательно в другом городе. Жена у меня другая. Я так и понял. Зачем это нужно было оговаривать? Реакцию на этот жест она ему никогда не простит. Это как рубль 92.

Он к ним привык, он их не замечает. Это про возможности. Для него они никогда и не были головокружительными. Всегда было слишком много денег. Да, но все эти деньги всегда были только на карманные расходы. Вы считаете, что переплатили? Вы думаете, вам недодали? Коля, ты мне делаешь весело. Грозный Часовой сделал из повести пьесу и успокоился. Вот к чему приводит безмерная хитрость. Пьеса называется «Свеча на ветру». Кто-нибудь принесет магнитофон на читку, и пройдет не пройдет, что-нибудь останется. Не Куликово Поле и не Куликово, а Куликово. Она говорит: КуЭкша. Это звучит волнительно и по-французски. Вот и проглавля так и не сумел написать. И про мимолетное виденье на рыбалке тоже. Вдрызг. Вдребезги. Там не поймешь чего больше. Но было бы интересно прочитать в читабельном виде. Как тишину искать на Кропоткинской набережной. Как свежий воздух у цементного завода. У них еще похлеще. У них напротив ядовитый дым химического комбината. Художник рисует пышное облако над заводской трубой, а на самом деле главного технолога надо посадить за пережог топлива. Студенты оживились. Но как ты могла его не узнать? Шумит полая вода. Нехай он каблучки пониже поставит, это я никому не скажу, только ему. Желтая полоса песка еще не показалась из воды. Каюки стоят прямо на огороде. Берет чикамас? Серушка берет. Чехонь попадается. Калинка мелкая. На сковороду наберешь, если рано встанешь. Чой-то он мне прислал книги, а? Чой-то это значит, а? Что бы это значило?

Какая-то фальшь режет ухо. И слишком часто про пулю в затылок. Комсомольская богиня заговорила на несусветном языке. Какому идолу помолилась твоя потеплевшая душа? Директор стоял как монумент. Как он к вам теперь? Насильно мил не будешь. А чего он от тебя хочет? Она что, думала, что ты о чем-нибудь попросишь? Ему сказали: хватит заступаться, а то сами место потеряете. А ты с ним попробуй поговори и увидишь, что он с тобой больше не будет разговаривать. Станет тебя обходить. И это было неслучайно. Что он имел в виду? Странная реплика. Узнаю чужой ход. Но в передаче, как в пересказе, звучит по-эпигонски. Автор этой мысли имел в виду все за и против и все-таки учитывал собеседника, а тут просто в лоб. Может, и вам лучше не держаться ваших правил? Ого. Узнаю влияние эфиопа. И тут не обошлось без красавца-эфиопа. А почему вам об этом нельзя сказать? И тут не обошлось без. Какой был там дебют? А им нужен твой почтовый ящик, а вовсе не встреча с тобой. Она их встречает дай бог. Как она со мной говорила по телефону! Она меня матом. Я от нее не ожидала. Все-таки культурная женщина и поэтесса. Это вы должны мне сказать, где он и что с ним! Вместе с волосами с него сняли и самоуверенность. Он какой-то теперь пришибленный. Теперь уж никому про легенду из уст в уста. Впрочем, уже оживился. Спросите у него про его одно...ника. Однокашника я имел в виду.

Спаситель России в новых кругах пускает те же бульбушки. Он ждет, когда я ему позвоню. А я жду, когда он мне напишет. Только через Г-34. Только через 30 лет. Читаю с тайною тоскою и начитаться не могу. Непочтительно отзывался о Человеке, Который Смеется. Запах полыни долго сохранялся на ладони. Так и не показал он свою челдонку. У нее был вид замухрышки из 7-го класса. В осколке зеркала при ее близорукости легко было увидеть огненную красоту, страшную силу. Она всех помнит. Видимо, не было разговора. Комиссар Мегрэ тут был на высоте. Но про нож и он ни слова. Рудек опять получил вторую группу. Теперь уж по традиции. Это тот самый Квашонкин, который при Сталине нарисовал схему построения коммунистического государства после смерти Сталина. В центре схемы: я — Квашонкин. С этой схемой его и видали в ЦПП. Вот у кого, а то у тебя. Зачем тебе это нужно? У этой темы были бесчисленные вариации. Он проснулся, как будто ее мысли прозвенели, как будильник. Это ей показалось. Самых ядовитых страниц она все-таки не читала. Вот когда Тарсис вспомнил, что Синявский обозвал его сукиным сыном. Опять интонации близнецов из «Земляничной поляны».

И каждый день уносит. И каждый шаг приносит. Он читал Джойса. Она вас хотела обрадовать. И вовсе не 365 дней рождения, а только 58. И не на все он ходит. Но теперь уж ее не беспокоит мнение ваших интеллектуалов. А что он делал у цыганского театра? Траноо. Странно это очень и удивительно. Зачем ему понадобился список старинных романсов? Камуфляж! Что-то сразу слишком много: и визави и антр-ну и тет-а-тет. Какие палочки? Да он что, с ума сошел? И вы ему обещали? Где мой «Пол и характер»? Не у тебя? Но там есть упоминание: несчастный Вайнинггер. Вино в чем? Спросите у Мих. Бахтина: тут он собаку съел. Через 5 лет получишь 1000 франков. Через 1000 лет я получу 5 франков и увижу сказочный Марсель. Ну, в ход пошла самая тяжелая артиллерия. Имена как из пушки. Они ему покажут, как это так: и залпа никакого не было.

1

Буду я себе портить. Две великих книги. А я привык, что меня принимают за. Хватит. Нет и нет. Есть же, есть же. Тут сдохнешь от скуки. Тот прежний дух. Та древняя радость. И опять как всегда.

Когда я лежал умирая; то было начало нового мира. А внешне ничего нового. Только стремление сократить себя. Все это укладывается в один абзац. 14 абзацев, 14 дайджестов по 14 разговорам с теми, кто в тот момент был друг или казался другом. 6-дюймовое орудие — теперь музейный экспонат. Я возвращаюсь к тем дням, когда стоял гром и грохот, а из канала ствола шел дым. Танки у хутора Вертячий. Лондонские газеты упоминали Донскую Излучину. Ворота Кавказа были у всех на устах. А я сидел в кресле в библиотеке в клубе, и сэр Лоренс взмахом бровей наводил на мысль. Жизнь шла. Девушка страдала от неразделенной любви. Я покупал масляные краски и рассматривал новый холст. Как истребить в душе почти безнадежный порыв и оставить на холсте то, что хоть в какой-то степени может взволновать собственный глаз, когда внутренний взор уже ничего не видит. Чужая книга кажется воплощением мечты, и ты идешь, стараясь не расплескать чашу, до краев наполненную предчувствием радости. Чужой язык кажется заповедным миром, где все не так, как у вас, где все можно, где для всего есть оправдание и сочувствие и благодать. 28.11.65

А жить припеваючи хотят все.

Мне грустно на тебя смотреть.

В кармане книга, в другом кармане другая книга.

Настоящее еврейское пальто.

МОРОЗ

2

Уже произошел откат. Уже пошло отталкивание. Два импульса перемежаются и повторяются. Неведомые пределы маячат вдали. Приглашающий жест был мил душе, которая входила в новый мир. Тут все не так. Тут действительность перекрывает иллюзии. Жизнь была прожита как ей хотелось. Смерть, тем более. О чем ты сейчас думаешь? Она печально покачала головой. Сугробы снега с острыми крышами искрились на солнце. Тут я оставил место для описания захода солнца, который еще надо пронаблюдать. А тут портрет главного героя. Я пишу только правду. И я не могу иначе. Кровь на картине ну прямо как живая. И вдруг ваш сын — великий композитор. У него и разлет бровей, как У. Разноцветные птицы перелетали через дорогу, вот бы хоть одну из них подержать в руках. Значит и завоевателю плохо, и ему еще чего-то хочется? Чему она так радовалась? Почему она меня просто не заметила? Такое предательство. Так издеваться. Такое измывательство. Так посмеяться. Два тополя возвещали о близости воды. Почему им так хорошо, когда мне так плохо. Почему она ко мне так ласкова, пока его нет? Это называется ковыль. Это называется степной ковыль. Когда-то в незапамятные времена тут были ковыльные степи.

Те же самые претензии. Та же самая самореклама. Вот у кого он учился. Вот какой пример был у него перед глазами. 12 экземпляров в 20-м году.
14 абзацев.

Странно, что для этого придется вспомнить 14 собеседников. А кому ты был дорог таким, каков ты есть /в любых видах/, тому не надо было ничего рассказывать.

Вдруг открылся мир нескрываемых радостей. Можно рассказать всем и каждому, можно и утаить. Странно, что этого я не знал раньше. Что-то утрачено при соприкосновении с предметом слишком жарких мечтаний. На место привычных ценностей поставлено чуждое и далекое. Эти 4 дня перечеркнули всю предшествующую жизнь. Да что там, 4 дня. Первые 4 часа. Что он там все записывает? И все время носит в кармане. Чуть ироничен, чуть эротичен, чуть-чуть неприличен. А сюжет по-английски, да? Это идея. Вот так же было и тогда. Они опупели от собственного восхищения чужими заботами. В этом вся и разгадка. А на поверку — что? И это было. Книга на носилках, читателя унесли в больницу. Мне все равно, где будут гнить мои кости, но вот мама будет огорчена. Дай слово, что ты об этом подумаешь. Значит все серьезно, если он так заговорил. Ты не умеешь жить в коллективе. У тебя коллектив — это всегда те, кем ты командуешь. Мы шли по снегу. Ничего особенного не было сказано, она просто шла рядом. Задание с риском было выполнено, но об опасности мы не думали. Или он в тебя выстрелит, или ты в него. Кто скорей успеет. Среди ночи тревога. Хватай гранату и беги. Дан приказ. Завтра бой. Не спится что-то. Ноет сердце. Видно, завтра не сдобровать. Калмык, выхватив шашку и помахав ею в воздухе, ускакал. Грудной ребенок, услышав шум самолета, заплакал и забился. Лодка была прошита пулеметной очередью. Нам читали лекции по теории литературы, но мы не знали, что столкнемся с пикирующим бомбардировщиком, а не с идейной проблемой. Сытость удивила равнодушием к вчерашним заботам. Еще вчера меня тревожил этот кусок мяса. А чего он посмеивался? Вот так все и происходило? Чего ж тогда обижаться на реакцию потомков? Не беспокойтесь, он свою долю получил. Он больше других. Странные счета.

Поражала то беспомощность, то наглость, то заносчивость, то беззащитность. Вежливость часто истолковывалась как согласие. В троллейбусе кипела своя жизнь. Флажок на радиаторе был свернут в трубочку. У них есть возможность читать это в фотокопии. Вы думаете этот ноябрь прошел бесследно для характера? Именно тут родился новый человек. Следил внимательно, следил пристально. Не у всех академический успех был венцом всех усилий. Ему только 24 года, а он уже доктор. Не ниже доцента. А она гордится этим, подумать только. Любая бумага любого формата в любом виде, вот смято в комок, потом разглажено, вот выдрано откуда-то. Узкий промежуток. Свои плоды принес круглый стол. Такая громада, а он маленький, весь съезжился, а вдруг она напомним, ой скорей отсюда! Западный цикл был не в коня корм. Ее появление было разгромом. Фотография, казалось, воплощала все, чего тебе так не хватало. Там вековая тишина. Там вечный шум. Этот шум и создавал тишину. Аquareльные краски придавали афоризму вид нового завета. Схватил книгу и ушел с ней, надеясь найти в ней, наконец, то самое. Шрифт и бумага способствовали созданию первого впечатления. Лингвистический гений страдал от невозможности разделить чужие интересы. Пшик из этого получился. У него другие проблемы. Прыщавая курсистка стояла на лестничной площадке, а гонимый толстяк громким голосом на нейтральную тему. 500 лет назад меня бы сожгли за такое определение Бога. Но она знала тебя совсем в другом качестве. То ум, то покладистость. Галки кричали громко и тревожно. Схватить настроение не удалось, подхватить эстафету, подбросить дров, поднести спичку. Печка дымила. Я попробую, я попробую.

5

Вдруг отвращение к любимому занятию. Эпиграф тот же: а если умрет, то принесет много плода. Если падшее зерно не прорастет, то библейская традиция пойдет дальше и будет выслушивать от кого-то еще: комедиантка, страдалница, великомученица, вы думаете, это и значит выражаться библейски?

Государственный Гоголь летел навстречу, увеличиваясь в размерах. Сначала это был театральный разезд, потом мертвые души, потом избранные места, потом Вий, потом Ревизор. Пульхерия Ивановна поссорилась с Иваном Ивановичем, а Тяпкин-Ляпкин помирился с Иваном Никифоровичем. Они читали закрытое письмо. Петербург ликовал, царь издал манифест. «Бирюк» стоял как предмет по расписанию рядом с физикой и литературой. Статьи Радека складывались и хранились: вот так мы будем работать. Он написал роман. Он пишет повесть. Он окончил три поэмы. Он пользуется широкой известностью в узких кругах. Она себя к ним не причисляет?

Лучший знаток гос-учереждений. Лучшая специалистка по экзистенциализму. Он лучше всех умеет затачивать острые концы, но иглочное ушко — не его специальность. Нет возврата к старым воплям. Мороз тот же.

6

Какой Макаров и почему он чешет затылок? А я думал, вы все знаете. БЛАГОРОДСТВО ВАШЕГО РЕМЕСЛА и неблагодарность нашей работы. Вы уж извините, у нас такая работа. Человек на собачьей должности /хороший человек/ не имеет никакой возможности остаться хорошим человеком. Зато результат.

ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА

может налево, может направо,
на то она и Держава

Мечта Шульгина осуществилась: Россия стала великой мировой державой. Перед судом истории /вечно с вами какая-нибудь история!/: в замысле и в результате и на взгляд младенца устами младенцев глаголет великий язык кинематографа. Авэ /э/ Мариа! Моритури те салютант!
1.12.65

Точка с запятой?

Откуда это стало известно?

Шурик Макаров, лейтенант гос-безопасности, а разве вы ничего не знаете?

С вашими непричесанными мыслями вы не Е-Жи Лец на этом свете. Светик берется, а ты чем хуже? По секрету — как? Не дано и все! Позиция Л. Мартынова по делу Пастернака: он все нам испортил. Макаб-рическая лите /МАКУ?/ ратура и Черный Жук.

7

DISGUST AND DELIGHT

My wife, a witty woman, can be funny in the morning. Poor Europe ambles like sheep to shambles. Because some other fool expects you to expect. It is with disgust that I went, but I went.

Just the case.

An endless source of innocent merriment. What's the idea!

Fun-fun-funny!

Wit-wit-witty!

Mmmost unusual!

Always something anal-genital-phallic-vaginal.

The delight is unspeakable. The disgust is immeasurable. It is with an unspeakable disgust that I went, but I went to the lect.

ЖАЛКО БЫЛО ЛОШАДЕЙ

Из-за этих трех Медей я лишился лошадей. Лошади заржали возражая. Жалко было не людей, жалко было лошадей. Менада, а не. Мужество, мужество, завели бы себе мужей и детей, тогда была бы женственность и на человека похоже! В китайской провинции Чин-Чина Почитай такие события. Во что и упирается БЛАГОРОДСТВО нашей профессии. Говорит профессор Банщиков. Как работают мозговые извилины у этих загадочных людей? У психиатров. Люди наверху, путь наверх, жизнь наверху — это все интересно только снизу. А за нами наблюдают СНИЗУ. Во что и упирается благородство вашей специальности. Жалко было лошадей. Менада, а не Медея. Из-за этих трех Менад мы попали в переплет. Чуть ироничен, чуть эротичен, чуть неприличен. Не чуть-чуть, а очень даже наоборот. Нельзя читать поэму в аудитории с трибуны. Так это же достоинство. Но все равно нельзя. И человеческая порода в целом. Вот-вот. Там просто не дано. НЕ ДАНО И ВСЕ.

Поразительна
паразитичность
вашего великого искусства кино: вы
паразитируете на чужих словах.
Прекратим наш симбиоз! — сказал
военрук, любитель острых выраже-
ний. Это, по его мнению, означало:
урок окончен. Чин-Чина Почитай —
китайщина. Как один стиль отталки-
вает на создание другого.

Я резко вскочила с постели: я кончила, милый, а ты? Уже не вертится. Уже не падает. Уже. Беленькая девочка по имени Алена Черный Жук сказала: меня интересует сейчас макабрическая литература. Это что, «данс макабр» что ли? Она читает Натали Саррот и Андрея Белого. Ее тянет к «Носу» Гоголя. Не с ее носом. Принцесса, но курносая. Она не любит бессильных мужчин. Она терпеть не может слабых людей. И Ангелу Лаодикийской церкви написал Товарищ Бог Ослов. Это его откровение через Г-34. С ума сошла старуха: перевела «Скотный двор». Мы, марксисты, объясняем глупость социально-экономическими причинами, а он просто дурак. Тут всех страстей идет игра во имя переделки человека. И МГМ и борьба за ПРОТИВ. Все учтено могучим Ураганом. Но ураган уже не тот. Да и вы постарели, потолстели. Увы, мой друг, мы рано ожирели. А она ороковела. Стрелять в мешок? Кому хотя? Кому охота, пусть и стреляет. Охота была. ВИАДУК: Видукинд, торжество христианства. ВИДАЛИ, КАК Я ПЛАВАЛ?

Мало и кратко — это как много и хо-
рошо: совсем не всегда одно и то
же. Чаще наоборот. Гораздо
чаще. Проблема № 1 (печать № 5):
вошел в чужие интересы (гестапо),
теперь как бы выйти?

Вы с ним знакомы
да он с вами
незнаком.

В каком качестве? На ка-
ких основаниях? Для нее он
Вася. Точно так же, как для
АЧ Шостакович — Митя.
У нее таких, как вы, на
каждом повороте.

Но есть вещи, которые,
кроме нас двоих, никто не
знает. Не знал, вы хотите
сказать. До того как. Вот
слова, которые ТОЛЬКО
ЧТО ПРИШЛИ. 3.12.65
Ушли все слова в декабре.

9

слова в декабре У Ш Л И

Сорока сидит на суку вишневого дерева и трещит, помахивая красивым хвостом. Мы в бой пойдем: загадочные сны. Забыл турчанку Азадэ, которую любил.

No ventilation, and so fresh air is declared unwholesome. Otherwise you will be simply forced to like what you get.

Давил мороз. Где ты был раньше, проклятый старик?

A TIT FOR TAT

УШЛИ СЛОВА В ДЕКАБРЕ 1.12.65

Off went Tit-Bit-Off!

Черные галки-осколки просвистели мимо. Дом заволокло черным дымом. Вот и кончился прокурор. Ледяное железо полицейской машины в декабре. Ледяное железо телефонной трубки /на стекле будки узоры/ в декабре. Она одела новую меховую шубку. Узкий след от женских каблучков на снегу тюремного дворика для прогулок. И ей в Ж заглядывали. И еще кое-куда. Ну на это же есть женщины-виртухайки. Но какой кошмар. Чтобы избавить ее от унижения. Погиб Чкалов. Я хочу утешить Сталина! Тс-с-с! Гипнотизер сделал крутой поворот. Река была скована льдом. Первый лед и коньки. Ликует мальчишек радостный народ. Тонкий лед весной хрупок и сразу проваливается. Обламывается. Первый лед осенью трещит, лопается, гнется, но не проваливается. Живой мост. Чистое удовольствие. Чистый черный прозрачный гладкий, как зеркало, первый лед. Первое письмо по-английски. Проверено-мин-нет.

WHEN A MAN HATH NO FREEDOM

Never to set my eyes on you and the like of you, I hope so. Grumble tumble in the jungle, I'm thirsty! But suffering makes men petty and vindictive. But I see you for the first time and for the last time. Which page Of Human Bondage? Through life's dull road so dim and dirty I've dragged to 3 and 30. 33 and 25 — 58. Mmm. I deemed that time, I deemed that pride had quenched at last my boyish flame. Nor knew till seated by thy side: my heart in all save hope the same. When a man hath no freedom (29.10.65) to fight for at home, let him combat for that of his neighbours. What have those years left to me? The sullen calmness of despair? Sullen — yes, calmness — no, despair — when it is a common lot and the habit and yet something else? There's no buts about it. Wit-wit-witty. All wit is based on not hearing well. Mais non, mais non. So much for juxtapositions. Hiss swish I wish a dish for a dinner! Whose wishes that he fishes in somebody else's dishes? The dreadful box of Inner Jail. Take care to get what you like. Ye can tell what is slavery is too well. What is free

Трава, которая пробивалась сквозь асфальт, засыпана снегом. Мороз выдавливает вопли. Слова в декабре ушли. Я хочу сделать из тахты табу-/ретку/. Напрасно жег табу, можно было и оставить. Только отсекай лишние слова. Не надо, Менада! Тахта хороша сама по себе. А вот слова в декабре придется писать снова. *Merely because you think some other fool expects you to do.* Есть вещи, которые, кроме нас двоих, никто не знает. Если конечно. Если. Вдруг на П из-под Б выползали 2 А. Когда его разрывали, по крайней мере, на 4 части. Это и называлось четвертование. Как у Фалька. Слова, сказанные шопотом на ухо, обжигают ум. Они потом в мозгу пылают пламенными буквами. Они потом горят в крови. Они потом зудят в коже. Они потом чешутся на кончиках нервов. Они потом щекочут в ноздрях. Они потом облизываются на губах. Хочу, чтоб у меня звучали мои собственные слова с моей собственной интонацией. Вы слушайте меня, и у вас будут такие слова, лучше которых никто не придумает. И тут бушует честолюбие. Какое крупное тщеславие! Это верно, что он *did his best, Mr West. Si j'avais la folie. Mais je n'ai jamais visé si haut. Und hüte mich mit ihr zu brechen. Es ist gar hubsch. A pissmire like him!*

ONE NIGHT'S MADNESS

and 5 minutes of peace

and 24 hours of happiness.

А почему бы нет?

1

Странная подборка как раз и показательна. Как можно сделать так-сказать-книгу за 15 минут из готовых текстов в так-сказать-расчете на одного читателя. В замысле все было превосходно. А кому охота учитывать, что Андрей Белый был совсем другой человек. Ее научила говорить Марина Цветаева. А интонации Достоевского. Иногда. А то вдруг Ипполита. А то вдруг Голосовкера. Но какова Харибда! О вы ее еще не знаете. Она еще не так может. Где-то была и догадка. Догадка срабатывала правильно. Но там же я слышал и самые благородные слова в защиту человечества. Вот так. На приведение в порядок вселенной ушло 17 лет. Кому это нужно? А я занимался тем же самым и в 15 лет. Только в 7 лет была нужна чужая помощь. Не так ли обстоит дело и с латинской машинкой? Таких зверски-бешеных реакций я не слышал. Я скисаю и не от таких волнений. Берегите ребенка от травматических эмоций. А он? А ему все можно? Он оценит это потом. Как одна страница из 33-го года. Как чтение Пушкина перед объяснением в любви. Как заучивание фраз перед допросом у следователя. Она смотрела глазами на отчеркнутые красным карандашом слова, а мозг лихорадочно работал над тем, что он меня сейчас спросит и что я ему отвечу. Тут просто надо помнить слова Томаса Манна. А я про него ничего не знаю, кроме того, что он улыбается при виде хорошей шутки. Страшно много значило прочитанное вслух. Слова про выверты, штучки-дрючки. Про чужие выверты. А в тот момент и не нужны были никакие слова. А в тот день и не нужны были всякие жесты. А в том возрасте и не требовалось больше. А в тот год и не могло быть иначе. Иначе это был бы совсем другой человек. Хм. Она выходила из комнаты, и будто солнце скрывалось за тучу. Любопытное понятие о «в долгу». В общем, очень справедливо. Когда я снова и снова

слышу эти слова, мне хочется выключить ленту. Булат был бы польщен, что под его голос вы легли в постель? Как же ты меня выставляешь в его глазах, что ж я, по-твоему, такая дура? А вы тоже следите за современной философской литературой? Сэмьюил Беккит об этом писал еще в 1929 году. Г. Дж. Уэллс написал это письмо 23 ноября 1928 года. Как вы об этом могли прочитать раньше, когда письма впервые изданы в 57 году? Ах да, вы об этом знали еще в 1927 году. Глаза, страдающие глаза заслоняют голые груди, и сцена теряет всякий эротический смысл. На то она и великая актриса. Разве ты не знал, что привет одному актеру через другого актера можно передавать только от главы государства? Тогда ты ему был нужен, и он тебя узнавал. Есть, конечно, правда и в том возражении, что джойсистам нечего было скрывать и маскировать. А казалось, он понимает все. А она меня не поняла, хоть все на свете понимала. Только так и возник миф. Спасибо вам за гордое терпенье. Только свой способ говорить дерзости. Как нелепо звучат все слова об искусстве у этого мастера искусства говорить об искусстве. За своего идола они готовы и пострадать. Зато какой взгляд на издательство, которого ты никогда не почувствуешь, хоть всю жизнь сиди в издательстве. Странное возмездие. Удивительная награда. Только качество бумаги создавало критерий, но он был безошибочный. Как полное собрание черновых текстов, не вошедших ни в какие издания. Молчание доктора Мурке. Коллекция Анны Шерер. Такой круглый стол. И Репин не Репин за этим столом. И лучший юморист хранит каменное молчание. Зато говорят окаменелости. Подумаешь, записывал сны, я б записывал, у меня б и не такое еще было. А ему это не понравилось. Ему б про то, что говорят евреи о неевреях и неевреи о евреях у Зигмунда Фрейда. Он бы тогда об этом рассказывал до конца дней своей жизни. Но такие евреи в 15 минут могут сделать из любого человека антисемита.

Для него все началось со спички. Первый человек, который сразу почувствовал, что есть круги, а есть некоторые, которые сами по себе. Он его немного понимает, но совсем не так. Не так, как хотелось бы жене великого человека. «Гедда Габлер» — это про то, как она уничтожила рукопись, уверенная, что во второй раз ему написать такое не удастся? Почему все они полемизировали с Вагнером? Как раз тот самый случай, когда самой интересной цитаты нет у цитируемого автора. Подумать только. Он говорил бегло, свободно, привычно, как бы в 125-й раз одно и то же, но в его словах не было и намека на то, по какому поводу он все это говорит. Он всегда говорил одно и то же на всех обсуждениях. В некрологе отметили общественный темперамент. Там все друг друга называют по имени-отчеству. У такой рожки такое громкое имя. Хватило б на три жизни. Она так туда рвалась, ее пропустили свободно, она там походила 5 минут, и вдруг стало скучно. По телевизору его можно было увидеть рядом с Фединым. Он знал, с кем фотографироваться. Одна фраза выдала всю концепцию. Странная подборка ничему не научила. Ваша беда, наша победа. Была наша, стала ваша. Сколько бы он ни декламировал и ни декларировал, ему уж теперь никто не поверит. Сделали вид, что простили. Они ему еще припомнят. Если не прекратите травлю, я выйду из состава и опубликую причины. Вот когда он развернулся. Тот самый случай, когда в карете играл тесемочками и воображал, что правит каретой. Еще раз инженер Стеженский. Этому Эзопу показали Европу, но еще ни разу не брали за жопу. Уведи меня отсюда. Приснись мне еще раз. Оттого он и такой храбрый. А что ему оставалось делать? Ему так хочется, чтобы порядочные люди принимали его за порядочного человека. В данном случае и вашим и нашим не получилось. А получилось ни вашим ни нашим.

Перекоординация слуховых центров не получилась. Девятая симфония не заглушила трепака. Заметили. И эта обезьяна тоже читала Вольтера. Он умер за 15 лет до революции. Его звали Микромегас. Подходящее имя. 20 томов не произведут революции, можно опасаться только маленьких брошюр. Кроткая бунтует. Деньги мои, и я имею право смотреть на жизнь моими глазами. За этим столиком — да. Удивительно, как сказывается. Ведь никто же об этом не говорит в лоб. Детям он никогда не читал из своего. Это был зверь в припадке. С умным человеком и поговорить любопытно. А он всем говорит эту фразу. На общих основаниях с трихомониазом. А судьба у всех пародистов одинаковая. Кто ж их любит при жизни? Стал мазать зеленой краской и испортил рисунок. Зарисовал картину. На белом фоне коричневые деревья так и надо было оставить. Он обиделся и больше не притрагивался. Сальватор Дали, тот хоть откровенный шарлатан. А этот маскируется под великого художника. Все дело в папиросной бумаге. Профессор Фердыщенко — текстолог, и у него свои тайные радости: утаил, искалечил, сделал похожим на себя. И Достоевский в его издании ничем не отличается от него, от профессора Фердыщенко. За борт. И за борт ее бросает в набежавшую волну. А он был поэт. В душе. Как всякий разбойник. Не стая воронов слеталась. О значении кокаина для остроумия и глубины исследования он тоже оставил замечания, но они разбросаны по письмам. Острая боль пронзает все тело. Как хорошо было бы потерять сознание: тогда не будет боли. Вот начало нового мира. Неужели и жизнь отшумела, отшумела, как платье твое?

ТРАВА

Ураган, Орфик, Ветер и Одуванчик поменялись местами. Галактика уносилась вдаль. Винни-Пух жил своей жизнью. Счастливчик Джим от недели до недели. Чтоб собаки дрогнули. Ловец во ржи гнал самогон. А ты не ржи. Монополист закрыл монополюку. Потребители перешли на самогон. Такой рачитель. Блюдун собственной безопасности. Бурные дни и бессонные ночи: М. Чемодан строчил ответ. Кролик сказал: а для собак мы волки. Тише воды, ниже травы. Мы мелкая сошка, и нами занимается мелкая сошка. Нет, она не такая. Она сидела на одной корточке, а он встал на две четвереньки. Вот и мы так же идиоматично говорим по-английски. Окруженцы были взволнованы. Роман сейчас в 4-м круге. Там уже сделали выводы. Опять две П. Я не хочу быть Авиловой при Чехове. А вы не давайте оснований так о вас думать. А вам не приходило в голову ЧТО? А мы только тем и занимаемся. Вот если бы он сказал, что это линия Достоевского и Андрея Белого. Как раз тот самый случай. Он сказал про раннего Олешу и дневники Андрея Белого. Толку из того чуть. Чего ж она такая дура. А еще Авилова. Она дала понять. Опять про окружение. Адольф Маркс, конечно. И Лесков и Достоевский в его издании. Первый танк. Автоматы, овчарки — это сила против голого человека. Материал собирают самым дешевым способом. Но дело открыто. Запрещенные книги читают. Надо знать эту соседку. Перепер он нам Шекспира на язык родных осин.

Не так уж много там нового, зато много такого, что надо выбросить. Дворник тоже говорит: запрещенные книги пишет. Так загадочно хочется спать. Чужую кровью искупили чужую пролитую кровь. Стр. 41, «Неудавшийся Зощенко» Ник. Оскомина. Было решение. Дано указание. Ему поручили охоту начать. Фразовое ударение на «вашими». Тот листок встает как живой. Там важно было совсем другое. Эмоции отталкивания,
 когда лента еще не прокрутилась.
 Тебе это понятно, ну и будь доволен.

Нет, ты сначала сам разберись, а потом другим заморачивай голову. Почему когда я читаю по-немецки, мне все понятно? А как увидеть своими глазами Метагалактику? А как увидеть своими глазами царицу Савскую? А как увидеть то, что ты когда-то сам увидел, но чего уже нет и никогда не будет, а у тебя стоит перед глазами? Выигрывает ли теория от краткости изложения? 20 раз повторяется одно и то же. Интонация — это тайна автора. Нам до этого никакого дела. В чтении глазами, которое считаю я варварством, /АБ, КМП 16/ ибо художественное чтение есть внутреннее произношение и прежде всего интонация, в чтении глазами я — бессмысленен; но и читатель, летящий глазом по строке, не по дороге мне. Одно ясно. Тут нужно решить самому. И сделать из этого решения все выводы. Если бы кому-нибудь от этого было легче. На уровне кухни коммунальной квартиры. *Ma che sciagure d'essere senza cogl.* Это было сказано соседкой в милиции в порядке доноса. А без контекста не звучит. У нее свое понятие о запрещенных книгах. Испытанием мы называем то, что испытали из того, что не хотели испытать. А если хотели? Тогда это приключение. А он не страдалец, а авантюрист, хотя бы и самой чистой марки. *Adieu, canals, canards, canailles!* Слишком явная установка уесть. Но он иначе не может.

НЕ ТОРОПИТЕСЬ РАЗРЯДИТЬ СВОИ АККУМУЛЯТОРЫ

На него никогда нельзя смотреть, когда он освещен солнцем. Ты же видишь температуру спирта, а не воздуха. Как раз когда требуется особое усилие. Как раз в тот самый момент. Он понимал, о мрачный гений, тот макабрический фантаст. Почему отказывали американские издатели? Видимо, только из-за того что англосаксы под Большим Братом, они этого допустить не могут. Это тоже табу. Значит, вместо одного инвалида будет два инвалида. Вот все, что я могу сказать. Дуреет с каждым днем. С каждым годом тем более. Ах Толя, Толя, ты ли, ты ли? Не торопитесь разрядить свои аккумуляторы. Томилино, Красково, Малаховка. Снегири, еще что-то и Истра. Снегири значит приготовиться.

Кругом его обожают: дома его обожают, на работе его обожают, в КГБ его обожают. А наши органы работают, как ваши органы. Не знаю, как у вас, а у меня еще действуют. Последний приют, как и политическое убежище, за пределами школы плавания. Просто надо иметь в виду и все. Вместе с именами? Нет, вместе с прозрачными намеками. Я ее любил когда-то. Последователь больше не будет последовать. Прихлебатель больше не будет прихлебывать. Последний приют — без да-ты! Я вас любил когда-то. Когда играет шутовская сторона, мне хочется скрестить руки и застыть изваянием. Да вот беда: не пишут эти господа. И не читают, что еще хуже.

Опять пробежал этот бегун с его одиночеством на длинной дистанции. Но воздух остался. Но контуры пейзажа. Но старый камень на кладбище. А его и не узнать. Он ли? Тот как будто был большой и величественный. А этот маленький и скромный. А уж про - - - и говорить нечего. Это случилось 26 марта 1930 года. Еще немного, еще месяц, не больше. С тех пор я не видел этого пейзажа. Но воздух остался. Густой, как напиток, душистый, напоенный ароматами цветущих садов, яблонь, вишен и акаций. Но легкие не те. Но теперь уж нужен никотин. НЕОН особой чистоты хорош и сам по себе. Несколько меньше, чем просто подарок. Но все-таки. Она и ноги на стол. И это уже было. Ты сам их доканал. С твоей помощью. Не без твоего участия. Мельницу не видел и пруд у мельницы. И на Обводный сев канал, стихами девку доканал. Вот какой-то мрачный тип к чудной девочке прилип.левой рукой что ли попробовать писать на тетради в три линии? А потом перейти на две линейки. Удивительно, как вершина НЕ действует на продавцов воздуха. Они продолжают продавать воздух. И эта премия специально для них. Тут отмечены все величайшие из великих. И каждый делает вид. А в глубине души все ТА Ж. Вновь я посетил тот уголок земли. Одна как прежняя белеется гора. Ах бабушка, ужели это ты? Добро, мой внук, добро, что не узнал ты деда. Первые уроки не забываются. Как в темноте волчий глаза, горящие точки. Как волчий вой ночью в песках. Акация цвела. Старая акация засохла, и по ней легко лазить на крышу. Выброшенные страницы нужны для особой книги. Тоже была попытка. Но даже и тогда, с широким указателем и не в первый раз будет удача или неудача. Зависит от чего-то еще.

Немецкие вырезки я выбросил. Огромное количество понапрасну потраченных усилий. Вот и такие слова были для выражения тех же самых чувств. И от этих слов ничего не осталось. Это как черновики на веленовой бумаге. Это как чужой роман, который приводит к чужим романам. 19 томов. Испуг. А читатель один. 18 переплетов. А дело одно. И остается только дайджест в чужом архиве. Некрасиво. Надежда была. Вера была. А любовь была? Была и любовь. Вот чем обернулось возвращение. Нет уж. У вас другой напев. Молодость и красота исчезли, вместе с ними и дрянь, осталась добродетель. И скука. Уже тогда. Как старая пародия. Но вот насчет клоуна по-немецки — это хорошо. И не стареет. Как последняя книга, нет, последняя страница из книги, прочитанной в Бутырской тюрьме. Она напоминает новый фужер. Налейте, налейте, любого вина, но скорей налейте. Франц Кафка по-русски в черном переплете у тахты рядом со свечой. Вредно действует. Я заметила. Начинаю галлюцинировать. И голова болит. Что значит апокалиптический оргазм? Я ничего такого не нашла. Я его помню 10 лет назад. Он и тогда произвел впечатление на кончики нервов? Мы без вас пустые, но мы так хотим быть полными. Случайно. Но ни одного слова под карандаш. Ни одного. И на полях писать нечего. Все уже написано.

Одни и те же слова 25 раз в разных видах на разных форматах. И это называется всегда начинать сначала. Можно и не начинать. 9.11.65

Невидимые слова на невидимой бумаге — мечта идиота. Там было точное ощущение. Только банальность может придти в голову. Заранее можно сказать. Заранее можно выбросить. Один вид большого листа через два интервала: ну что тут может быть интересного? Один вид круглого стола, за которым сидят чужие люди и пьют чай. Похвала великого кунктатора — лучшая награда для кого? Вся статья целиком укладывается в пародию. Ликование шутовской стороны вдруг начинает бесить: ни слова никогда больше ни за что, ни слова! Просто напоминание о том. Есть же все-таки. Есть же. Есть. Почему взгляд тянется в ту сторону? Что же будет, когда удар. Дрожь бьет. И такая ошибка была. На улицах ходили черты и черточки его триумфа. Они встречались на каждом шагу. Это его и поддерживало. Вдруг побледнел вид. Что же это в той стороне? Какая загадка? И тут все испорчено чужим влиянием. Перейди попробуй, сразу же на всем крест. Вот слова. На них и надо остановиться. А все остальное — трын-трава. Очень похоже на. Точная копия. Длинная дорога, и кругом все горит. А мы идем и едем, едем и идем. Пожары, пламя, огонь. Огромный амбар-мир охвачен пламенем. А мы куда-то идем. И все куда-то идут. Ты уж не маленький, пора бы научиться. Опять ковырял пальцем в стене? Его любимое занятие — объяснять, почему это дьявольски удачная острота. Длинно, нудно, неинтересно. А стихи любопытные. 7 обойм на 7 языках. + что? Странная вещь. Самое время. Не надо иметь дело с обезьяной. Не надо связываться. No retreat, no retreat, they must conquer or die, who have no retreat.

Казалось бы, одно и то же. А между тем, речь идет о совершенно других вещах. Взять только описание женщины.

Взять только описание ВОДЫ.

Жизнь своих современниц оправдал он один. Это же роман о женщинах. Вон что. А мы думали, это роман о поэте.

Беспощадная Любовь Поэта беспощадней всего к самому <поэту> себе?

Все это уже было.

Взять только описание любви. Замороженная голова и пойти в кино. Спасибо скажи, хоть такие заботы. Это ж надо, она гордится, что она жена Абрама Терца. Фамилия директора — Марк Бонэм Картер. Заявление через 2 месяца. Маленький, черненький, нудный и надоедливый, с оттенком высокомерия, которое воспринималось как нахальство. Таков был граф Бобрищев-Пушкин. В Казахстане он был инструктором по физкультуре при райкоме комсомола. С меня он требовал Раблэ. А Надежда Мих. говорила: а пошлите вы его в Публичную библиотеку! Директор издательства «Уильям Колинз» заявил 12 ноября 1965 г., что русский писатель издал в Британии 3 романа. Все это уже было.

Стилистика Гоголя у Андрея Белого в этом исследовании «Мастерство Гоголя» меньше всего раскрывает тайну пародии: чему учился Фадеев у Льва Толстого, лучше всего видно у Архангельского. Прежде чем понять, это надо почувствовать. А понять — это продумать со всех сторон. Достаточно и 8 абзацев. Еще лучше — 8 строк. Но может для этого и нужно написать 8 томов? 17.11.65

Это поэма о моей любви. Я тут говорю о том, как надо любить. Тут же сидит жена поэта.

Все время вклинивается кто-то третий. И этот третий тебя считает лишним. Поиски истины начинаются, когда нас перестает интересовать предмет наших интересов. Такой выверт? А я думал, он серьезный человек. Но это же не его амплуа. А я еще хотел ему подарить Аристотеля по-английски. В этой инструкции у них это называется выявленные с патологией. Еще есть обращавшиеся в ПНД. А кроме того, состоящие на учете. Ее на море не пускают. Она еще не знает, что тут тем более без энтузиазма. А вы будете беседовать с великим человеком. Я теперь три недели буду всем хвастаться, что я ему поставил мат. Свойственно человеку вообще — поплевывать на противника. Когда она кончится? Дурацкая манера писать рядовые тексты на карманном формате. Это же ДЕЗориентирует! Ты чо тут делаешь? Ах вон что. Они, оказывается, на ты. И вон в каких отношениях. Бачыли очи що купували. В этой д - - - малороссийской форме замечание кажется исключительно обидным. Спешу и падаю. Пишет абсурдно и ничего не поймешь. А журналист он блестящий. Но он считает, что журналистика и литература — разные вещи. Он в «Крокодиле» сидит рядом с А. Моралевичем. Плывут в одной лодке с КГБ. Удивительный мечтатели народ.

А на улице мальчик сопливый ковыряет пальцем в носу. Ну не от хорошей жизни я ковыряю в носу! Измените экономическую систему, и он перестанет ковырять в носу. Ковыряй, ковыряй, мой милый! Суй туда палец весь, только вот с эфтою силой в душу ко мне не лезь. Пилсудчик ты после этого! А ты — знаешь кто? — суффражистка! Она у меня эмансипэ: все у нее дураки, одна она умная. Вот его дневник вы и читали. Этот эпизод называется «Фу какая гадкая шутка!» Где та нить Ариадны, которая привела Сциллу в эту Авгиеву конюшню? Что сказала Харибда? Сняла своей рукой со стены его портрет. Другая нить Ариадны привела Харибду в другую Авгиеву конюшню. Затворник рвется в широкий мир. Что обо мне пишут в Канаде? Она мне ни к чему, а вы мне нужны. Было это. Опять перебивка. Нельзя так. Мы еще займемся вашими грехами. Тут пауза длинной в сколько лет?

Гонимый, когда перестал быть гонимым, стал гонителем. Ого, да еще каким! Луи Селин, Сирано де Бержерак, лорд Рассел и Нора Джойс. Прощание с Голландией никто не помнит. Беги, кролик! Беги!

Как там кудесник, любимец богов? Шлифуется слово или стачивается точило? Подумать только, во всех застенках только и разговору, что о мировой литературе. Мировой парень расписывается.

Лужа.

После острого, такое пресное. После пресного, такое острое. Разве это дело вкуса? Hit at the human nature? Do you call it a hit? Макароническая поэзия, макабрическая проза. Много ты услышишь от этих исследователей. 17.12.65

А нулевое значение не проглядывается. А значимое отсутствие воспринимается как пустое место. Просто пустое место и все. И никакой многозначительности в умолчании. Все это притянута за уши и высосано из пальца. Исповедально, заповедально, проповедально. Слова-то какие! То вдруг находишь все, то вдруг абсолютно ничего.

А ВДРУГ ТАМ НИЧЕГО И НЕ БЫЛО?

Вот именно.

Под воздействием такой литературы человек становится ангелом или бандитом. Где вы увидели? Как раз то самое, что фигура умолчания. У этой работы вдруг теряется смысл. Пропадает интерес. Стилистический анализ грамматических ошибок. Ученик 5 класса вместо диктанта предлагает реформу русской орфографии. Где автору достать 20 рублей, чтобы купить собственную книгу? Откуда такая информация? Из анекдота, который будет рассказываться в 85 году. А рассказчик еще не сделан папой с мамой. Он еще в проекте.

Как там наш папа?

Перепоганный кролик бежит из курятника.

Все равно невольно настраиваешься. Спешу и падаю. Там только три эпохи, а нас интересует четвертая и пятая. Новый рыцарь не понимает совершенно своего положения оруженосца. Твою снисходительность он противопоставит чужому высокомерию и сделает еще одну ошибку. Вы думаете, если бы у меня был телефон С. Наровчатова, я бы ему позвонил? Не думаю! Не думайте.

А В. Панков теперь главный босс у писателей России. Случайная встреча, а сколько последствий. Кто ж знал? А надо было знать. Ка-а-ак, и про старика там было? Впервые слышу. Но я же ничего не помню! Такой метод. Ну да, у вас как БП, так и параноидный синдром. А он боялся только пустого пространства при выходе из машины. Ежов пришел арестовывать Сталина. Тиран умер! сказал Берия. Вдруг левый глаз у Сталина открылся. Это всем показалось. Молотов шел бодрым шагом по бульвару, шляпа в левой руке, лысина сзади, и что-то от походки кавалериста, и все его узнавали и переглядывались и улыбались, но никто с ним не поздоровался. Никто не сказал: здрасте, В М, как ваше здоровье. Я бы ему сказала. Эту девочку нельзя пускать в школу одну, без сопровождения. Она может сказать Молотову все, что она о нем думает. У этих разговоров нет срока давности. Я не знал, что у нее партийная совесть. Я не знал, что он коммунист. Вот и тут, как всегда, самое важное узнаешь в самую последнюю очередь. За этой тяжелой картиной и был микрофон. А нам таить нечего. У нас все открыто. Нам скрывать нечего. Я поймал себя на том, что на этот случай у меня нет готовой английской фразы.

Последний советский человек

У меня нет совсем ничего, а у него как-никак биография. Помню. Но человек с биографией /да еще кое-как и как-никак/ предпочел бы иметь здоровье, а не биографию. Тебе все достается легче, чем твоему Мартину Идену.

Персонажи у этой сказки уже забыли о кораблекрушении. И книга про палату уже не сенсация. И фестиваль поэзии и песни давно вышел в тираж. Он уж и забыл о своей встрече с Беллой Ахмадулиной. С кем ты там будешь дружить? С японскими танками. «Ключ» ТанидзАки ДзюньИтиро прошел: не той стороною. Ойран? Ой ли.

ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ

Вот как они, а мы что — хуже?

С этого все и началось.

Психологически.

27.11.65

Это как эротическая игра у детей в новом мире. Ка-ак, так уж и нельзя было детишкам немножечко позабавиться? Да-а. Даже невинный детский Аутоэротизм был запрещен. Бесстрашный новый мир у Олдоса Хаксли — совсем не такая уж страшная картина. Нет той придавленности, страха и террора, что у Джорджа Орвелла в романе «1984».

Почитываете? Почитываем. А вы тоже? Ну нам по долгу службы полагается. Майор ГБ был вежливый человек. Он со мной разговаривал вежливо. Мы еще займемся ВАШИМИ грехами! Он вежливый человек.

Главный смогист вовсе не арестован, откуда вы взяли? Его задержали, сняли показания и отпустили. Вы мать смогизма? Нет, я не мать. Напишите объяснение. Кратко и подробно. Имена, даты, фамилии, адреса, телефоны, всё.

Как девчонка себя вела, как девчонка! Меньше будет задавать дурацких вопросов. Она умница. Она задала только один вопрос. И сама на него ответила. Надо было только сказать да. Драгуны никогда не отступают. Опять невпапад. Она просто не может не сказать и не высказать. У нее это называется не удостаивать умом. Один ум хорошо, но лучше две глупости. Туристы пошли. Что он имел в виду? Костры в саду всю ночь горели. Об этом нужно спросить Феликса Круля. Кто такой Доменико Чимароза? Это такой новый Тышлер. Вы его скоро узнаете. О его новом окружении даже В Р Младший отозвался пренебрежительно. Теперь там и Кирасиров сошел бы за гиганта. Не говоря уже о Вас. Лоханкине. Взяли моду встречаться на Кузнецком мосту. Где ты видал людоедов? Выходят милые люди, обыкновенные парни, даже девушки. Через полтора года он понял, с кем он имеет дело. Не могли ему так сказать. Ага, теперь понятна и эта категоричность. Кто вас научил так разговаривать со старшими? Я ведь втрое старше вас, я вам дедушкой мог быть. Ей было больно и противно. Письмо не было отослано. На столе лежала большая толстая массивная книга, и в ней множество закладок, и на закладках надписи, какие-то слова. Сибирьковский веник. Новая метла. Надо-ели его устные НЕюмористические рассказы. Там нет и не может быть.

Не надо так про него, а то он обидится и перейдет в правый лагерь. Вам ли о войне? А я с ним собирался идти в разведку.

Он не только ерундой занимается, но и серьезные книги пишет. Хохот в темноте.

Порнография есть? Сколько угодно. Но только на японском языке. Вы читаете по-японски? По-русски это 58-10, а по-английски просто светский разговор. Почему? Мосье Аки Ляфот о Малевиче говорил со вкусом. Тут он знает толк. Она вчера Голицыно увидела и примирилась с партией своей. Путевка бесплатная. Произносится ласково и выразительно: путевочка. Тут кровать такая, как у меня комната. Все возможности творить. И творчество и крючкотворство. Свой человек при губернаторе. Положение обязывает. Я заводил контакт 7 лет, а он пришел и хочет все в один день. Конечно, обидно. Кто такой виконт де Бражелон? Он ревнует меня к тебе. Тебе это показалось. Он совсем не ту ситуацию имел в виду.

14.4.66

А вот прочесть не мог никак пяти страниц из «Капитала». Чего можно и чего нельзя. Чудак не знает своих сильных сторон. Девкой меньше, бабой больше. Это сообщил комиссар Мегрэ 12 апреля 1966 года. Вот где пил пиво Аджубей в последний раз перед тем, как перестал быть Аджубеем. От пчелы до гориллы. А потом от гориллы до пчелы. Впрочем, неизвестно что хуже. Накладки. Накладные расходы велики у перехода от варварства к цивилизации. Икота перешла на попа Федота. А тогда стенограмма была ритуал. Там есть хорошо про опасность настоящего чувства. Единственная мечта — красиво умереть. У поляков это первый день свободы. У вас последний. Любой ценой оторваться от ритуала. Один просвет — элегия на сельском кладбище. И пачка бумажек, завещанная библиотеке конгресса. ПРО или КОН? Есть такой обычай. Тут они тоже поэты. Как он отплевывался, увидя свой портрет на обложке журнала? Проблема как будто та же самая. Росчерк — наиопаснейшая вещь в почерке. Этому учил князь Мышкин. А какого рожна ему надо? Все заслоняется одной страницей из старого романа. Есть что-то от картины К. Коро «Дама в голубом». Есть. Надежда была. Все-таки была. Как искусство России, которого никто не видел. Правители Америки все бьются от истерики. Корова получила первую премию, кончился конкурс на королеву красоты. Не читал. Не слышал. Не слушал. Слова ваши, интонации наши. Картинки мы сами придумаем. Написать 1060 страниц для него не проблема. Для него проблема сказать 10 слов. Ему не место здесь. Человек не нашего круга. Его надо поставить на место. Дать понять, чтоб знал свое М.

10

В. Лоханкин объяснил капитану Лебядкину, почему полковник Лоуренс не опубликовал книгу о взрывчатке «ВВ» во Франции. Они не хотят дать понять, что у нас существуют и другие политические течения в (анти?) марксистской мысли. 27.11.65

Лучшая специалистка по Хайдеггеру знаете кто?
Я вас могу познакомить.
Автор «Похвалы праздности» — Ю. Айхенвальд. Впервые опубликовано в сборнике «Ветвь» (1918).

Эта проблема там и разрешена.
Без кандидатской диссертации.

Линия четырех табу заводит в тупик. Почему четырех? Террор, менструация, подпольный ЦК, измена жене, измена Родине, да мало ли, тут 7 табу наберется. Не считая лексических. Одни слова ничего не значат. Важно что-то сказать из того, что действительно не было сказано. Ну по крайней мере, так давно, что никто уж нигде не помнит. Ни на каком языке. А так вообще все уже сказано у хеттов.

Это хорошо. Это самому нравится.

А какая б еще сила заставила, а?

Это ж надо, она так и сказала.

Не хочу я плакать над красивой сказкой о несчастном царе, который так мучился, так страдал, оттого что казнил всех своих врагов и неврагов. Да не хочу я его жалеть! И чем лучше картина, тем хуже! И оттого, что это великий Эйзенштейн, это еще хуже.

Западный человек о восточной литературе тоже много наговорил. Фишка помогла. Вот ту страницу про французов из детективной истории именно тут надо перечитать. Такая же позиция у Г. Пospelова и Н. Балашова. Он еще не дошел до такого состояния, когда потребность прокричать первое попавшееся слово. У него совсем другие аллюзии. Ваша эксклюзивность его не касается. По одному ударному тексту на каждый черный переплет. Разве не все восстановимо? Но кто будет восстанавливать? Себе дороже. Лучше сделать что-то новое и ни на что прежнее непохожее. Да не хочу я на него работать. Хватит. Но мне безразличен ее вкус и ее требования к стихотворению. А Тютчев отработан почти на всю жизнь. Ученик дьявола здорово про крематорий, но как можно, он что, не любил свою маму, но разве так можно зубоскалить на могиле своей матери, но это же все границы переходит! Я тебе уже читал это письмо, у тебя уже была точно такая же реакция. Даже ВЧ мечтает о талии. О чьей? Да, вот я не спросил, о чьей, не догадался. У них ингибиторы и тормоза вошли в плоть и кровь. А вам придется разингибириться. Вот кто будет отбивать хлеб у А. Свободина. Рассказ про конец Мишки Япончика. Не пиши мне больше антигосударственных открыток. Кто мне прислал антиленинский и антимарксистский журнал? Сети, сети, кругом вражеские сети. Ваши сети притащили мертвеца. «Живые помощи» были написаны латинскими буквами и производили впечатление криминального немецкого текста. Эти два дня были до или после «Молодая красивая дрянь»?

ПОСЛЕДНИЙ СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Но он пишет кроссворды и там, где нет никаких табу. Какие могут быть у них табу в Париже во Франции? Им-то чего бояться? Натали Саррот практически говорит все, что она хочет сказать. Камю, один Камю. А у Камю «Чума», одна чума. Как Пастернак перевел эту строчку насчет пентаграммы? Что ж вы его так плохо воспитывали? Вот и вы тоже скажете, что мы вас плохо воспитывали. Такой молодой Кваме Нкрума и такой юный Чомбе или Мобуту, кто их разберет. Все они милые и правильные в Москве. У таких текстов не должно быть даты. Бесит бессилие, бессилие бесит. Радует уменьшение отрицательных эмоций. Что уменьшает или увеличивает ощущение беспомощности. Эта картина настраивает на печальный лад. Ваши заботы, мистер Лэнни Бад, звучат ничтожно, а не кошунственно. Не только кошунство, но и святотатство. Одет в броню своих святынь. Просто забыл, что значит вековая тишина. Просто забыл бутырскую любовь. И начало нового мира. Удивляюсь, почему он не классический чекист. Вот отца расстреляли, вот евреев не принимают на работу, вот и все отдельные недостатки. А он ЧП, да еще какой. Странный поворот. Синдрома нет. Синекуры нет. Его позиция не зависит от зарплаты. Дело не в том, что ему дали мало, а в том, что он считает себя последним свободным человеком.

ЛЕДИ ГАМИЛТОН НЕ МОЖЕТ
ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ РОМАНА
С ДОМЕНИКО ЧИМАРОЗА

Конечно, дальше всего старые стенограммы из кафе. Страницы погибших книг. Не забывайте одного: высокий суд и перевод с санскритского языка — всегда рядом с одной страницей из Симоны де Бовуар. Я помню, что мне надо это забыть. Еще раз. Я помню, что про это мне надо забыть. *Das Pentagramma macht dir Pein?* Every one they don't know is an outsider, and they love to keep the outsider outside. Лучше всего про несуществующие книги. Не у Диккенса, а у Олдоса Хаксли. Накладки велики. Вот беда. Ну почему он не пишет как говорит, а? Имя не названо. Сказано просто — молодой московский поэт. Сунул грека руку в реку, рак за руку грека цап. Он грек. Его папа был грек. Греческое правительство подтвердило, что он грек. Вот и Мария Каллас стала тоже гречанка. А ты видел гречанку, которая целовалась с Байроном?

Ваше место в крематории. Поэт поднимает бокал за свое определение поэзии. Давно это было. На сушу не вылезает рыба. А мне нравится про туман. Ни дать ни взять Женя Катаев. Из-под глыбы ноздреватого почерневшего снега вытекал ручей, сверкая на солнце. Владелец «Победы» тоже любит природу. А надолго тебе хватит твоей Нобелевской премии? Сам себе казался больше, чем Франц Кафка. А сам пяти страниц прочесть не мог никак из Франца Кафки. Переводчик охладел к Джойсу. Опасные связи все-таки состоялись. Сам видел в одном доме. Я видал, смотрел, но мне не показалось. Кто читал или просматривал, тот может и аргументировать, почему не показалось. Он потомок Чингис Хана, вот кто он. Что-нибудь новенькое про насекомых. Веркора он читал. Микромегас для него ориентир. Все-таки читатель. Не такой уж он сумасшедший, если говорит такие вещи. Я о нем знаю кое-что, но теперь не хочу о нем говорить плохо. 500 рублей в месяц, без вычетов, без всяких вычетов! Ударение делается на вычетах. Видно, эти вычеты у него в печенках. Обо всем остальном он говорит спокойно, а вот о вычетах говорит с пафосом. Что значит моральный облик молодого человека! Видал я его записную книжку: девки и бабы, бабы и девки. Какой он физик, у нас таких тысячи! Я принял роковое решение. Снег пошел. Озеро дымилось на рассвете. Про машину он выдумал. Не могли они ему сейчас сказать. Она просто больший католик, чем римский папа. Наше дело победит. Ему нужно ассимилироваться. Диссимуляция — да. Жуткий ребенок. Такая линия поведения. 3 километра от станции в глубину леса. А река еще полтора километра.

П Р Я М О Й
П У Т Ъ
П О
ИСКРИВЛЕННОМУ ПРОСТРАНСТВУ

20.4.66

А вы заспали нашу беседу. А ты забыл наш разговор. А вы уже не помните, о чем мы говорили в декабре 54-го года. А в феврале 52-го года в Таганке о махизме и книге Богданова. Багровая звезда не имела никаких последствий. Такая феноменология. Такого духа. Тоже уход в каждый день. Еще раз мороз? Только слова на полях уже написанной книги. Интеллектуальное ЧП. Жуткий ребенок.

Комиссар Мегрэ заговорил:

— Что меня возмущает, так это то, что эти вшивые антисталинисты не помогли мне расплатиться за этот вонючий коньяк, которым я их же поил!

Он это подумал.

Белый Мерседес мелькнул в его подслеповатых глазах. Рудек был чист. Розамария Нитрибит еще не погибла от удара ножом. Мы еще интересовались детективным жанром. Аппаратура Джойса вышла в тираж. Я ее вывел на чистую воду.

Из-за вас, моя Черешня, ссорюсь я с приятелем. Из-за вас чуть не удавился. Из-за вас чуть не утопился. Вы такая странная, юбка очень узкая, словно иностранная, словно и не русская. Уже вернется с трудом, а когда-то был родимый дом.

Тогда его интересовало, как написан «Улисс». А теперь он сам Улисс. Я его знал под его настоящей фамилией. А теперь он из псевдонима сделал громкое имя. Имя твое. А это его двоюродная сестра. Тут все всем родня. А она вышла замуж за того Бродского-который. А поклонник Олдоса Хаксли сидит в «Крокодиле» в одной комнате с А. Моралевичем.

Но ЕС Л, в СУП ТИС СО ЭС.

Да, есть. Т! В ТУП?

Леда:

— Вы хотите все свести к пошлomu треугольнику!

А вы? А она? А он? Октагональная ситуация повторилась только в романе Франсуазы Саган. А он читал Джойса. А она читала Натали Саррот. А он видал, как кто-то читал Алена Роб-Грийе. А сам работал под «Обманщиков» Марселя Карнэ. Просто без пафоса цитировался Аркадий Чеботарев. Просто без пафоса читался Аркадий Сахнин. Оскорбленный монополист был озадачен. Горбатый медведь Ефим Пермитин. Перевод эстетики Феллини на язык Яна Кремера. И читатель «Смутной улыбки» занимается тем же самым. А чего он там сказал? Не очень-то много сказал. Точка не поставлена. Вам ставить точки. А спокойно. Если уж ставить, то спокойно. Без меня. Без нас также. Чем это все кончится? Отщепенец. Не отказывается сразу от своего мнения. А предмет беседы все-таки нецкэ. И «Ключ» Танидзаки. Об этом я читал у Юзовского. Об этом я читал у Бахтина. 600 страниц — это и с п у г. Теперь, когда он уже подобрал к ней ключ, — страница 450. Единственный в СССР документ, который дает право входа в буржуазное общество.

3 прямой путь по искривленному пространству

Кто он приходится этой скотине из «Знамени»? Если уж что в Германии хорошо, то уж на мировом уровне. Если уж немецкий коммунист, то уж стоит до конца. В отношении коммунизма ты прав, но вот в отношении проституции ты ошибаешься. Гангстеры работают под киносъёмку. Устанавливают один юпитер и все дело. Такой приклатнённый Буран из «Вест Сайд Стори» поет: я в детстве и в семье не видел ласки, так вот вам ннн-на! Устарела старая стенограмма. Но надо выбрать то, что не устарело. Схлопотал орден. Первый, кто получил орден впервые в истории на правах театрального критика. Макаров чешет затылок: женераль де ла гард черкэсс? Смена? ВЕХ? Она нажимала кнопку, и трезвонил входной звонок, а клиенты были такие, что встреча друг с другом была нежелательна. А он пишет еще хуже, чем говорит. Ну почему он не пишет как говорит, а? Комиссар Мегрэ получает максимальное удовольствие. Все идет на уровне самых лучших дней в кафе. Кри-По: воры и проститутки. Нет, вы засветите вопрос насчет людоедов. Аллюзии только на одну прочитанную книгу. Артистическое ауто д'афэ. Она похожа на прокуроршу, которая, цитируя Ростана в переводе Щепкиной-Куперник, на вопрос «Что мы должны уметь?» отвечала: водить арестованных! Перестань! Это первый признак эпилепсии. Вы понимаете, что этот звук идет до вас по низкому потолку? Князь Мышкин работает под переписчиков Корана. Кнут /имущих или неимущих? / Гамсун под осенними звездами московского неба возвращается к фотографии полковника. Ауто д-афэ без носорога. Чистый читатель? Отрадное явление?

4 прямой путь
 по
 искривленному пространству

Назовите мне хоть один такой случай. Когда вы этого не сказали. Это уже было. Вы там и сейчас работаете? Эсперантист не сразу возмутился. Больше ни разу мы не встречались. А как вы называете меня сейчас? Жена Цезаря. Пока. Выше всяких подозрений. Пока. Нет такой крылатой фразы на латинском языке, потому что у Плутарха по-гречески. А ты кто? Эсмеральда? Не такая уж у нее хорошая память. Она помнит часы и ремешок у часов, но вот кто у нее в ванне мылся, она уже не помнит. 6 страниц, но без контекста звучит совсем иначе. А контекст тут по идее в 600 страниц. Обманщик как раз и выполнил это задание. А вы считайте, на каком ходу я вам поставлю мат. Тебе нужен более сильный партнер. А ему наоборот. Ну и бабища вышла из этой тоненькой девочки. Неужели это она училась у тебя в 5-м классе? У вас был свой боевой восемнадцатый год. Там тебя помнят как члена бюро райкома. Выпьем на-двоих, вы мне свою жизнь в двух словах, я вам свою, а? Если быть откровенным. А я не хочу быть откровенным. Тут прежде всего понюхают, чем пахнет. Тут мало заклятых друзей. Вот что. Западный цикл. Тоже была ошибка. Не надо было уходить с западного цикла. Оказалось, французский язык нужен просто для того, чтобы не чувствовать себя несчастным человеком. Как мемуары графа Виттэ. Будет бешеный взрыв. Забыл вас предупредить. Спасский играет веселей. Играть интересно с таким партнером, который немного сильнее тебя. Толстая грузная огромная баба тяжело шагала по дорожке. Такая история человеческой души ему нравится. Он идет и улыбается.

5 прямой путь
 по
 искривленному пространству

Но он уже пережил тепличный период. Ему не страшна враждебная атмосфера. Эту свечку можете выносить на любой ветер. Теперь уж ее не задуть. Каждую бабочку и каждую гусеницу рассматривать как историю человечества? Это не путь для натуралиста. Зачем ему каждая липа? Он изучил одну липу и ему ясна вся роща и вся липовая порода. Здесь он свободен не только от собраний и речей, но и почти совершенно от русского языка. Холод, грязь, плохая еда и т. д. только дополняют картину Лондона 1958 года. В общем, техника у них очень плохая. Машина, кроме всего прочего, забирает у человека очень много нервов. Она попала под дождь. Только и всего. Не надо никаких «ню». Что сказал Тарсис? Если бы во время съезда вспыхнула гражданская война, его бы это не удивило. Что сказал Стура? Кампания в английской прессе несовместима с заверениями Лондона о своем стремлении к взаимопониманию с Советским Союзом. Полноте, господа! Слышишь, товарищ Рид? Я, наверное, никогда не пойму всей этой истории. Я вспоминаю Ваши слова о том, что я себя еще совсем не понимаю. А людей, которые мне могли бы что-то объяснить, рядом нет. Вот как они любят, чтобы к ним относились. О вас помнит только девочка из церковного хора. А ты не ревнуешь? Сверкание живой плоти заменено тусклыми мертвыми красками, но есть намек, но есть ракурс, но почти пушечный эффект, но в замысле было больше. Дверь заперта на ключ.

Пловцы пошли из разных школ плавания. Второй крупный стилист. Работает стилем баттерфляй. Лошадь входит в воду, шагает в глубину, а вдруг она поплывет, а я же не умею плавать. Вы же себе представить не можете, что значит для бабочки один день в конце лета. Мозговые процессы тропической бабочки, вылетевшей на цветущий луг в долине реки Амазонка. Они не любят мои стихи. Мои стихи — это поэзия, нет, поэзия — это мои стихи. Я первый из живущих сейчас поэтов России. Орфики вышли на орбиту. 22 чижа устремились в Кизи. Дают дрозда. Такая дешевка, что дальше некуда. Но «как-нибудь потом» не будет. Не то ампула. У каждого, в сущности, только одно ампула. Чудак не знал своей самой сильной стороны. Это видно только пост-фактум и только 20 лет спустя. В таком жанре. У них это называется поэтический разговор. У них это называется эстетическая полиция. У них это называется прямой путь по искривленному пространству.

СТИЛИСТИКА ГОГОЛЯ

11

Ожог. Брызнула холодная вода, а полное впечатление ожога. В ракурсе недопитой бутылки. Со стороны выплеснутого стакана. С точки зрения зудящей кожи. С 58-й стороны. С 84-й стороны то же самое. ТО ЖЕ самое с 37-й стороны. С 93-й стороны. Опять возвращение к словам 55-го года. Все это уже было. И снова и снова снова-здорова. С точки зрения чтения вслух в течение 45 минут. Только слова, запомнившиеся наизусть. Но он пишет книги вовсе

не как книги. У него все сводится к задеть всех и каждого и заставить говорить о нем самом.

Крупными буквами написано «Прошу не трогать». И не тронули. Там же совершенно другая тема. Там же совсем о другом. Это интересно и для равновесия просто необходимо, но там же совсем о другом. О любви надо писать так. И он стал учить, как надо писать о любви. Потом его учил Фадеев, как надо писать о войне. Андрей Платонов тоже был образец того, как не надо писать о войне. Его же это гложет. Он же все-таки надеется: вот выйду на пенсию и уж тогда. Вакханалия больше всего отнимает время. Этот роман был на всю жизнь. Казалось бы, рассказал Владимир Орлов. А больше всего — в письмах Блока. А потом оказывается, все это НАРОЧНО. Это не проза, это провокация. Это не вдохновение, это харакири. Изматывает себя, а потом — паралич и пустота, опустошенность и протрация.

СТОИТ ОВЧИНКА ВЫДЕЛКИ? 17.11.65

на полях уже написанной книги

1

Каналы, каналы, загадочные сны. Хан и турчанка Азадэ, которую любил: ничего, кроме раздражения, они не вызывают. И на это можно потратить три жизни. Кто теперь читает наши письма? Я тоже в папке с надписью «Хранить вечно». Он не читает, если хорошо написано. Я тоже. Он читает только то, над чем можно поиздеваться. Тот же принцип и в беседе с лучшим телефонным другом? Лучший телефонный друг оберегает свой стиль от тлетворного влияния чужого плохого вкуса. Что из них ближе, неизвестно. А борьба была и тогда главным образом со своими эмоциями на второй день. Свист, блеф, пуф и туфта. Что-то мешает развернуться. Что-то все-таки не дает разыграться. 8 с половиной читателей так и не прочитали 106 страниц из других книг. Маленькая сопливая итальянка с громким именем Сильвана Бомбарделли. Все как в плохом анекдоте. Это называется свой стиль? Это наз. выработал? Борьба только с собственными реакциями на следующий день. Могу и отослать. 3 товарища, 2 рыцаря, полтора хама, 3 мушкетера — какая там еще была арифметика? Да, забыл про афишу «Современника». Чем же все это объясняется? А мало ли чем! Такие бельги. Была деловитость, а теперь изнеженность. Просто записки Ю. Цезаря. Но почему он не пишет как говорит? А говорит как пишет. А говорили, что он и пишет как говорит. Первый вариант всегда выбрасывался потому, что он каждому дураку в голову приходит. Первый вариант всегда лучше. И таким способом можно наговорить много хорошего. Надо только не молчать. И на это трех жизней не хватит. Еще один Невидимка, который за работой позабыл журнал племянниц Михаила Бакунина «Мели, Емеля — твоя неделя».

Ого, вы еще не так глаза выпучите, когда увидите, кто придет. А она разве не собирается в Лондон? Опять лживый роман о советской семье. Умер, умер, умер единственный защитник. А там по-новой без Веры Пановой — как на Садовой в Ростове-на-Дону. Такие тексты — по пальцам перечесать: рычаги, колибри, дилемма, невидимка — один раз в 4 года. С них обычно и начинается новый переплет. Ждал больше, меньше осталось. Ждал больше, могу и еще подождать. От имени имен покойников я приветствую вас и не хочу вас видеть. А я все равно к ВАМ хорошо отношусь. Такие нежности при нашей бедности. Теперь это называется интуиция. Раньше это называлось телепатия. Вот как надо, а то ВЫ! Культ черновика — самый важный из культов. В. В. Журавлев хорошо про Леонида Леонова: он каждую бумажку бережет, предварительно расклассифицировав по всяким размерам, и на каждый разряд свой ящичек и особый способ хранения. Все это записано 20 лет назад. Напрасная попытка вспомнить то, что надо просто отметить карандашом в давно написанном. Ну к нему я пойду только через: чей труп? Через свой труп! Как бы нам, а? А он язвенник. А он злой. У него КИРПИЧ лежит, он сам не строит и другим не дает. А у меня лежит ПОПЛАВОК. Лежал когда-то. Андрей Ирмович? Наташа Тарсис: таких тут нет! Платформа станции Малаховка в 6 часов вечера после войны. Чем «Человек-Невидимка» исключительный текст, непонятно. Наконец-то. Почерк левой руки, по утверждению комиссара Мегрэ, у всех одинаковый. Переписка с самой замечательной женщиной Восточного Полушария — ну конечно! Куда уж нам. Мадонна была оскорблена в своих лучших чувствах. Ну спасибо!

Я тоже научусь читать газеты. Вот мама сидит, водит глазами по газете и чему-то улыбается. Глаза у нее туда-сюда ходят. Она читает. И губами не шевелит. Это называется читать про себя. Много всяких событий, но я умею только про то, что уже написано. Попробовал написать про свержение самодержавия, ТРУДНО. Про кусок сахара легче. Про Сережку с Клавкой Наполовой хорошо бы написать, но как? Я и слов-то таких не знаю. Я сидел у нее на коленях, и она мне давала писать на своей толстой большой промокашке красного цвета. Вот была жизнь. А это что-то у тебя? Я этого ни разу не видел. Чайник с кипятком нужно было отнести в контору и не обвариться. Сможешь? Смогу. На углу пришлось отдохнуть. У тебя лифчики, как у девочки? Журнал «Безбожник» — это для взрослых. Список библиотечных книг был брошен в темную вонючую яму: это было первое преступление против общества. Зачем я это сделал? Надо было выдавать по одной книге и список передать учителю. Почему ты этого не сделал? Сережка помешал. Перед Сережкой похвастался? Есть единая трудовая школа, а все частные школы отменены. ЧЕРЕЗ-ПОЧЕМУ? Он у меня берет червонец и не может порвать. Собаку звали Пудик. Пчеловод жил на горе. Вот тебе товарищ твоего возраста, будешь с ним играть. Такие хорошенькие плоскогубцы. Первое настоящее купание было не в Яме, а в озере у Ямы там, где были огороды. Неудобно вылазить, грязь. Зато там мелко и можно сделать вид, что умеешь плавать. Еще глубже. Дырочка в стене. Отчетливое видение у плетня возле того дома, который только что построили. Первые приключения связаны именно с этим, но Майн-Рид учил рассказывать о жирафах и носорогах.

ЕЩЕ КОРОЧЕ. Рисунки Пикассо заняли скромное место в нашей жизни. Старая стенограмма была важна только одним целеустремленным дайджестом. Череп западного человека поразил своей почти ненужностью. А если начать прямо с 12-й страницы? Да скука — вот беда, мой друг. Через 4 ступеньки уже не перепрыгнуть. Не надо стараться, тем более. Хуже другое. КФ внушает ужас. Вот уж ни за что-то. Что он вам сделал? За что вы его так ненавидите? Почему его не любят? Они не понимают, что происходит в мире. А ты знаешь, что такое всеобщая электрификация? Это когда всем все до лампочки. Я тебя все утро говорю: любовные игры у тигров, а ты до сих пор не записал. Обманчивая легкость и обманчивая новизна у работы с магнитофоном. Верю, что они много наговорили, чего никогда ни один из них не напишет. КИРПИЧ. Все равно надо сначала отметить карандашом, а потом уж. Это как чтение вслух для одного читателя: только способ преодолеть отвращение.

Вот и все.
Если бы метонимия была в дайджесте на КФ, не нужно было бы 106 страниц из старых книг

КРИК
с утра
пораньше

КИРПИЧ
не выходит
из головы

Произошла случайность, которая и есть роковая ошибка. Вино вато было солнце. Так и было. Но никто не поверил, и он не смог объяснить. Завтра именем французского народа на главной площади ему отрубят голову. Первая повесть Альбера Камю «Незнакомец» /или Человек не от мира сего или Чужой Человек/, но Эмпримери Березняк с отличной бумагой и отличным шрифтом: мало опечаток и все-таки Георгий Адамович по-русски.

Мне захотелось уничтожить следы всей предыдущей работы. Я смотрел на ее коньки с такой жадностью, будто это всемирный шедевр давно не виданного искусства. Все равно.

И этого было мало.

Нелепый старик получает удовольствие от росчерка, ну и пусть. Он скрывает свой настоящий почерк. Его уговорили, что бисерный ровный почерк означает мелочность характера, а он и поверил. Теперь он старается выказать в почерке широту натуры, а показывает только нервность, болезненность и неуравновешенность. А не надо ничего скрывать, все равно это окажется. Росчерк тоже означает не только лихость, но также и подлость и негодяйство, а может и вообще ничего не значить. 8.1.67

А ты знал, что «сортир» — это по-французски «выходить»?

Разрезать и вставить
ТУТ НАЧИНАЕТСЯ Б З И К. на полях уже законченной подборки.

Как вы относитесь к тому, что ваш муж — великий писатель? Да знаете ли, у меня как-то нет все времени почитать. Я еще не так стара и уже не так молода, чтобы иметь время для чтения, тем более таких требовательных или великих писателей: они требуют идеальной бессонницы и гораздо больших усилий, чем это стоило им самим написать. Кто читает? Пионеры и пенсионеры. А мы, грешные, заняты тем, что работаем для того, чтобы другие могли читать или писать сколько их душе угодно.

КРИК ДУШИ
в январе
1967
воскресенье
8.1.67

Тут начинается
б з и к.
10.1.67

И тут не нужно было волноваться. Интонация трагическая, а слова смешные. Чьи это коньки так сверкают на солнце? Мы такого не видали никогда. Тут хоть атмосфера. Тут хоть разговор все-таки об искусстве. Не знаю, к чему там все сводилось. Нового повода для старых слов не было. Видимо, все в том. Взять лексику и спародировать — тоже мало радости. Муж прошел через ту стадию, когда смешное вдруг зазвучало совсем не смешно. Жена вздрогнула. А мы его жалели: вот несчастный человек, дни его сочтены. А он нас всех пережил и вас переживет. Какие-то другие заботы вытеснили «Исповедь» Жан-Жака Руссо по-французски. И «Собачья жизнь» осталась у нас на полке. Что положить в карман, чтобы чувствовать себя человеком в этом доме? Речь Антония на могиле Цезаря? До сих пор не было карманного Достоевского. До сих пор не было и новой лекции. Ваша фамилия Неделин? Моя фамилия Самарин. Его могла поразить только фамилия Семичастного. А воробьи у вас — как в Пекине? Я не знал, что «Монтаж» — великое произведение. Чего ж вы мне об этом раньше не сказали. Я б и озеро забросил в жаркий день. Я б и школу плавания выбросил. Но разговор об Андрее Белом не имел продолжения. Атракционы. Мой друг. Мой лучший телефонный друг. Крест. Но к старому возврата больше нет. Я лучше в баре буду подавать ананасную воду. Его пример — другим наука. Его наука — вам не пример. В «Человеке-Невидимке» тоже есть трактирщик, так вот его-то и надо вспомнить, читая «Чайку» Чехова.

Подписано Грибачевым. Сказано Своим евреем при губернаторе. А тут же веселый голос должен быть, значит РЕКВИЕМ. А вы все-таки не верьте. Нет. Софья Андреевна бы 8 с половиной раз бы переписала. Вот тут я вас и поймала. Как это, терпения нехватает? Как это, тошно перечитать? Ничтожный человек! Но я не хотел бы начинать день воспоминаний со встречи с этим человеком. А придется. Он что, засекреченный тоже? Он в военной форме ходит? Нет, в штатском. Двойник Пришей-Пристебая. Ладно, хватит, надоело, сам так умею. Ты предал кого? Революцию? Весну по-английски? Революцию по-французски. 5 минут положительных эмоций, и будет конец. СГГ в ноябре 1966 г. Есть, конечно, какая-то степень, которую я не улавливаю. Но даже 5 минут телефонного разговора не заставило вогнать ее в депрессию. Опять пошли мушкетеры: один на всех, и все на одного. Две цитаты, не больше. Повторяю: ничего зловещего я не вижу!

Тут начинается БЗИК. Вот когда нехватает терпения. И никакие ножницы не помогут. Ни дня без ленты тоже. Ни дня без библиотеки или ни дня без кафе? Я собираюсь в читальный зал, а попадаю в ресторан. Как, вредно иметь деньги в кармане? Уже одно это может сбить с толку. И это было. И это.

Я подсчитал количество переписанных цитат и пришел в ужас. Значит я теперь ничего не могу запомнить наизусть? Значит — всё?

И тут не нужно было волноваться.

Когда каждый разоблачает себя, это ему нравится. Одна метонимия без имен. Там главное — демонический персонаж, он потом исчез. И только в детективной истории опять мелькнул и улетел. Пшеничный клейстер не коробит бумагу. Описание переплетных процедур у критика Тарасенкова читаются как сказка. А нож у него был? Мелкий шрифт теперь воспринимается как повод не читать. Андрей Белый в 4 раза меньше. МОНТАЖ хорош, я и не знал. Но он хорош чем-то неуловимым. Карандаш, все равно главное — карандаш. Вот уже и скучно читать написанное даже на машинке, вот уже и неинтересно: что-то произошло, что повлияло, а что именно, уже неважно. Вот откуда появилось это генерализирование по поводу простых чувств. Нет, ты мне скажи, что было, что он сказал, что она ему ответила, а выводы я сам сделаю. Не надо навязывать, не надо повторять: стоик стоически метался от одной бабы к другой и стоически оставался стоиком. Можно опустить все цифры, и финансист все-таки останется финансистом. В галерее, конечно, больше. А в ее жизни с Драйзером не хватало чего-то еще. Давно это было. Новейшие авантюристы затмили важность таких сообщений. Если уж он дает изыск, так это ИЗЫСК: тут он старается переплюнуть всех остальных и самого себя. А я не читал Бенвенуто Челлини. Шут в лесу, вот с чего начиналось. Любым способом оживить старую библиотеку. А я буду чертить самыми крупными буквами незнакомые слова. Мало оксфордского курса. Он уже тогда специализировался на Шелли. Ничего тут нету из того, что я хотел найти. Эти хорошо устроившиеся деловые люди тоже питают слабость свое положение на кафедре принимать всерьез.

Другие зацепки — да, но только в виде конкретных картин. Странно, что одна страница из первой книги после букваря действует больше, чем чужой рассказ на эту тему. Хуже всего память о многочисленных рассказах. Они сбивают. Но этот Маккензи или как его там — тоже не клад. Это совсем другое. Она с таким энтузиазмом рассказывала о дневниках Пришвина: вот что он писал только для себя! Бесконечные восхищения текстолога: нет, вы дайте мне почерк и его собственный черновик. Дайте ему, и он из него сделает котлету. Видал какой: был правоверный, писал статьи о Фадееве и Бабаевском, а сам переплетал Цветаеву и Мандельштама, ты знаешь, какая у них богатая поэзия, у белоэмигрантов, мы и понятия не имеем! Я не верю в машинописный текст: отсебятины много и всяких опечаток. Есть, но не по-русски. По-древнееврейски? Давайте-давайте. Мешок с деньгами помню. И цветные открытки, которые так нравились, что ник[ак]ая сила не могла бы удержать от воровства. Суяровы были в силе. Но первым полетел Гуров. Противный запах на ладони. Бондарем. Я тоже пчеловодом, я тоже. Нет, так нельзя. Газет «Беднота» скопилось много, на них наклейка с адресом.

Неистошимый источник аллюзий для того, кто сказал и застыл. Источники аллюзий новые, а намеки старые. В каждом кругу свои «пушистые предположительные яйца». В том числе и непубликуемые. Ага, у него и такие есть? В этом доме — да. На этом и кончилась наша дружба. Чей-то наметанный глаз увидел «Дублинцев». В этом доме ценили другие книги. А мне там делать нечего, а я поеду домой. Но поехал он в другое место. «У выхода» А. Митта. Что сказал АА о ББ? Газета «Беднота» за 1923 год. Какой из них самый главный? Ключи под старой яблоней, случай в темноте, когда раздался стук калитки. На самом деле и там — бездна событий. Отсутствует только способ их припомнить. 21-й октябрь и 25-й декабрь: где-то тут умещается все. Здесь нет ничего случайного, здесь все главное, надо только припомнить. Страницы западной литературы в читальном зале публичной библиотеки — ваш когда-то родимый дом. Сотри случайные черты, — и даже язык, прилипший к железу на морозе, прекрасен. А зачем? Если ему это удалось, то больше никому в жизни не удавалось. А зачем все-таки стирать? Они сами сотрутся. Я буду чертить незнакомые слова самыми крупными буквами. А тот рисунок надо разорвать. Он выдает. Вы ошиблись, г-н Дубровский, читая Пушкина. Он свой дом поджег, а вы хотите поджечь чужой. Сам не заметил, что опять про затылок на морозе. Читать нужно с ножницами. А я до сих пор читал с клеем. Она к себе близко не подпускает. Такое заявление встречено хохотом. А я не знал, что линия точки с запятой — продолжение следует. И с аннексиями и = = с контрибуцией. Оказывается так. Просто вспомнилась забытая страница.

Пост-скрипtum к «Человеку-невидимке».
Их три. А он оказался НАШ ЧЕЛОВЕК в Одессе.
В «Ракете» на Клязьминском водохранилище он демонстрировал свою технику. Звук к нам идет по низкому потолку. Заметили. Тут бы читать про Пушкина из «Метонимии» /1957/. Кафе — это место, где можно написать шедевр, сойти с ума или совершить преступление. Если это так необходимо, она обойдется без иронии. Вот где рассказ художника-декоратора про старика из ансамбля песни и пляски. Все можно. А если надо, на помощь позовем миллионершу. Это кто? Известно кто! Ах да, я только заметил сейчас, что без очков я ничего не вижу. А вот и очки. А-а. Рудек. Наконец-то. Но молод еще, то есть у своего академика, который считает его очень способным. Т. е. по лексике друзей и знакомых девушек, которых он презирает: «гениальный»! Но 2 часа просидеть-прождать? А спокойно в 121-й раз. Триумф. Я думал, я буду победитель, триумфатор, а я угроза в щель и Франц Кафка. Но он гад, конечно, чистойшей воды. Для них важна степень, до каких степеней он может дойти. Чистый читатель исчез. Отрадное явление не состоялось. Коньячные ритмы помогают оценить возвращение к носорогу. Ключ Танидзаки Дзюньитиро у ойран. Удочка к ЧБ. «Пятая нога» туда же. Это становится просто скучно. Вы заставляете ждать самого нетерпеливого и высокомерного из ВЧ. Петербург, я еще не хочу умирать. Ни к чему у меня телефонов твоих номера. Пусть себя неловко чувствует та, у которой плохая фигура. С романом в портфеле ходил по редакциям и на 5 минут был рыцарь-триумфатор на колеснице. А он разве? Она сама пришла? Простая случайность. Опять не утерпел и выдал кучу имен. Зато — что?

Разрезать — в такой манере, но потом вдруг на второй день: а чего резать? тут же НЕчего резать! Так и осталось. Дед-Склероз ничем не хуже всего остального. И это еще не вызывало никаких реакций. Можно и так проявлять свою гениальную индивидуальность. От недели до «Недели», великий человек читает только «Неделю». Два рыцаря, три товарища, полтора хама в этот морозный день восемь с половиной рублей потратили в кафе. Что из них ближе? Кто их них дальше? Неизвестно. Спичка из другой коробки молчала. Приготовиться к обугливанью. Приобрела индивидуальность, сгорев на ветру. Кто же виноват? Сказка с недописанным концом нас не веселит: это же все-таки наша жизнь, а не просто сказка. Желтые спички на взгляд шведской спички /а почему нынче шведские шпайеры? дешевле финского ножа! / ничем не различались: кто же будет их различать? Белый дом или желтый дом: ведь других различий нету. Всю оплевывать планету. Настал тот час, когда писали в темноте. Что я ему скажу? Ч Д пулеметчику? Всю жизнь был лояльный носорог-чиновник на должности действительного статского советника. А до тайного государственного так и не дослужился. Почерк действует безусловно. Как увижу «жду писем», так душа идет ко дну. Будто вчера я просил его прислать ружье и гармонь, а он выписал для мамы газету «Беднота». Очень дорогие привычки, бросать придется. Только читабельный текст, только. И на это четырех жизней не хватит. И на это. Монтаж хорош, ничего не скажешь.

ПРЯМОЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ ИСКРИВЛЕННОЕ ПРО-

Читай, Емеля, : ^Т ^я ~~евою~~ ^я странство
«Неделю». 21.1.67

КОММЕНТАРИИ

Оригинал — машинописная книга формата А5, переплетенная самим Улитиным. Воспроизводится страница в страницу с сохранением структуры текста. Сохранены также некоторые особенности авторской орфографии и пунктуации.

В комментариях использованы заметки Ларисы Аркадьевны Улитиной (1924–2002).

1 *Игра — как всякая игра* — ср. Блок «Перед судом»: «Та мечта, как всякая мечта».

2 *генерал Монти* — вероятно, герой Второй мировой войны Монгомери Аламейнский.

профессор Хиггинс — персонаж пьесы Б. Шоу «Пигмалион» (Здесь, как и в других местах книги, надо иметь в виду, что имена исторических деятелей и литературных персонажей используются автором в качестве постоянных или виртуальных псевдонимов персонажей его книги — реальных людей. Расшифровка этой системы обозначений не всегда возможна и не всегда корректна).

ом де летр — литератор (фр.)

Юн нюи — сан сэнкант (фр.: une nuit — cent cinquante) — ‘одна ночь — сто пятьдесят’.

не перепутай сэнк с сэнкант — т.е. 5 (cinq) и 50.

8 *Татарский бог в золотой тубетейке* — Демьян Бедный.

10 *забожалось* (Даль: *забажалось*) — сильно захотелось.

Кому орден, кому слава, кому мутная вода — почти по Твардовскому (там «Кому память, кому слава, кому темная вода»). «Мутная вода» — текст Улитина 1960 г.

11 *Как погиб Урбанский?* — 5 ноября 1965 на съемках фильма «Директор» реж. А. Салтыкова: перевернулась машина во время трюковой съемки.

Твои слова превратились в ловушку для простаков — пересказ фрагмента стихотворения Киплинга «Если» («the truth you’ve spoken / Twisted by knaves to make a trap for fools»).

13 *Крошка Ру плавает в 8 главе «Винни-Пуха».*

14 *В декабре в той стране снег до дьявола чист* — Есенин «Черный человек». *Тифлисский банк был ограблен чисто. Потому пламенный грузин руководил операцией* — имеется в виду участие Сталина в т.н. экспроприациях.

15 базальный процесс — основной.

16 *Original! Fahr hin in deiner Pracht* — «Ступай, чудак, про гений свой трубя!» («Фауст», ч.2, акт 2. Пер. Б. Пастернака).

этот бегун с его одиночеством на длинной дистанции — подразумевается рассказ А.Силлитоу «The Loneliness of the Long Distance Runner» (рус. пер. «Одинокий бегун»; 1963).

17 ФМД — Ф.М. Достоевский.

18 *И ветер тихий мимолетом твоей одеждою играл и с диких яблонь цвет за цветом на плечи юные свевал* — Тютчев «Я помню время золотое».

19 *Ефросинья Петровна Писарева*, жена С.П. Писарева.

20 *Я самый яростный попутчик* — Есенин «Письмо к женщине».

22 *3 июля 57 года: кому фестиваль, кому прописка.* — VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Москве с 28 июля до 11 августа. В том же году Улитин получил справку об отмене постановления ОСО 1952 г., результатом которого было 3-летнее заключение в ЛТПБ (Ленинградской тюремной психбольнице).

СПП — Сергей Петрович Писарев (1902–1979) — член КПСС с 1920 г., борец за права человека, в особенности против злоупотреблений психиатрией. В 1953–54 гг. находился одновременно с Улитиним в ЛТПБ. Их дружеские отношения продолжились на свободе.

фиброма утерис — (доброкачественная) опухоль матки.

суккуленты — растения с сочными листьями или стеблями.

Нолев — художник Ю.А. Соболев (1928–2002).

Алик Рабинович уезжает в Сочи... — речь идет о кинорежиссере Александре Митта.

23 *Дон Кихот с площади Свердлова* — С.П. Писарев.

24 «*Тележка с яблоками*» — комедия Бернарда Шоу.

ВП — великий писатель.

В романе Андрея Белого «*Котик Летаев*» (1916) речь идет о младенчестве автора.

между «Золотым леопардом» и «Серебряным голубем» — золотой леопард появляется в мемуарной книге «Начало века» (с.461) в эпизоде, относящемся к 1905 г.; «Серебряный голубь» вышел в 1909 г.

25 *Милый друг, наконец-то мы вместе...* — из песни из кинофильма «Первая перчатка» (1946); стихи — В. Лебедев-Кумач, музыка — В. Соловьев-Седой.

26 «*Железная пята*» — роман Джека Лондона о классовой борьбе.

28 От Пушкина до Тимирязева — Тверской бульвар.

32 *Monsieur S. Cotina...* — Месье С.Котина: «толкать и тянуть в 25 различных направлениях. Импульсы — хорошие или плохие? приходи и уходи. 25 раз одно и то же. / Скачи, смелей скачи. / Пиши, смелей пиши.

ТЕНЬ ОТВЕТИЛА

Как по-английски ГЗБ — /корабля/ GZB?

Красота лишь на глубину кожи. Внутри, только на глубину члена.

Строго говоря, только на глубину напряженного члена. Совсем точно, 14 см.

Важно игнорировать синтаксис. Мы громко читаем, игнорируя синтаксис».

If you can trust... — «Если ты веришь в себя, когда все в тебе сомневаются, в то же время не лишая их права на сомнения» (Киплинг «Если»).

41 Кто жизни ... погибая — точная цитата из баллады К. Рылеева «Смерть Ермака».

Ангел ЛЦ — ангел Лаодикийской церкви.

Г-34 — почтовый индекс ППУ.

42, 43 Варвара Петровна Ставрогина шипит — в начале и в конце романа Достоевского «Бесы» (оба раза на С.Т. Верховенского: при разговоре о предполагаемой женитьбе на Даше Шатовой и при воспоминании об их несостоявшемся романе).

43 Не знали, что закончим перебежкой. Что хрупки руки и гора поката — из стихотворения И.Эренбурга «Все простота: стекольные осколки...» (1939).

Фэнни и Илизабет (Fanny & Elizabeth) — персонажи «Смерти героя» Р. Олдингтона.

И лес богов остался без сказки — возможно, имеется в виду книга Б. Сруоги «Лес богов» о нацистском концлагере.

45 Запахло площадью небесного спокойствия. Японские эксперты утверждают, что он уже умер — речь идет о Мао Цзе-дуне.

51 Монсиньор Монтанелли — персонаж романа Э.Л. Войнич «Овод».

54 До свиданья без руки, без слова — из последнего стихотворения Есенина.

А на улице мальчик сопливый... — стихотворение Есенина «Грубым дается радость...» цитируется несколько раз; приводим релевантный фрагмент:

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.

Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

55 Был тот человек мао-цзе-дунист, хоть и самой высокой и чистой марки — ср. Есенин «Черный человек».

58 Пройдут года, настанут дни такие — из «Песни трудовых резервов» (1948), слова — М. Исаковский, музыка — А. Новиков.

59 Меня ждет Бэртон Стивенсон на улице Разина — т.е. в Библиотеке иностранной литературы.

Один поворот телефонного диска /И город далекий становится близким — широко распространенная в те годы городская реклама.

61 Аржак — псевдоним Ю. Даниэля.

62 ингибиционист — от inhibition — 'запрещение, сдерживание, торможение'.

65 Прощай, лазурь Преображенская и золото второго Спаса — Пастернак «Август».

66 О-Брайен — персонаж романа Дж.Оруэлла «1984».

67 Ба Дзинь-дон — прозвище Александра Асаркана (1930–2004; критик театра и кино, друг Улитина со времен ЛТПБ. С 1980 г. жил в США).

68 Флотский офицер, переводчик Гераклита — В.О. Нилендер (1883–1965).

71 граф Рэтленд — современник Шекспира, которому пытались приписать авторство его пьес.

75 Из равнодушных уст я слышал смерти весть — Пушкин «Под небом голубым страны своей родной».

78 «La Chamade» («Kapitulacja») — речь идет о романе Ф. Саган, в новом рус. переводе: «Сигнал к капитуляции». Можно предположить, что в те годы было доступно польское издание.

The four «H»... — 'Четыре «Эйч»: 3. 33 на рассвете. 3 танка через BV (?). Человек который смеется [название романа В. Юго — фр.] в первый раз в мире. Для него это первый и последний' (англ.).

79 Скриблдигобл — «Тупик, путаница, писанина в беспорядке, спотыкание, черновик, мура — вот что такое scribbledehobble» (П. Улитин, «Разговор о рыбе»).

Женя Катаев, когда он еще не встретил Юлишу Файнзильбера — речь идет о будущих Петрове и Ильфе.

81 *нах-вель!* (нем.: nach Welt) — 'в мир!'

83 *JUXTAPOSITION...* — 'СОПОСТАВЛЕНИЕ. Мы все путаемся в наших сопоставлениях. Говорю тебе, это бессмысленно. Говорят о плохом цвете. Любой цвет может быть красив в правильном сопоставлении. Помните что сказал Коро? Он сказал что Природа была слишком зелена и плохо освещена. Очень странно, на кой люди вообще женятся. Просто невозможно достичь этого — самые несходные, самые вызывающие сопоставления. Чем они более вызывающие, тем больше вероятность успеха. Ты вообще стремишься не к интеллектуальным достижениям и [тонкостям] вкусов, а ищешь развлечений. Думаешь, он и его жена имеют развлечения вообще? Да. Что они? Бах. Странные рыбы, эти люди. Но ты не следуешь тому что проповедуешь. Мой случай особый. Но так у всех. Тот самый случай. Номенклатура изменилась конечно. Внезапно в последнее лето: это все то же. Женская грудь — убежище. Он забавлялся раскачивая ее груди как колокола. Он брал прекрасные и тяжелые груди Констанции по одной в каждую руку и иступленно сжимал их, замерев под дождем. Но кадр из немецкого фильма «Солдат и богатырь». Но это все то же. Каждый умирает в одиночку [роман Г. Фаллады]' (англ., нем., фр., польск.).

86 на Остоженке в том доме, где когда-то кипела музыкальная жизнь — в д. 4 по Савельевскому пер. (где жили Улитины) находилась в 1910–1916 гг. редакция еженедельника «Музыка» (переулок назывался тогда Савеловским).

87 *He will come...* — 'Он вернулся к ней скуля как побитый щенок' (англ.).

88 Оксбридж — Оксфорд и Кембридж.

Да помни, дьяк, неровен час, сегодня нас, а завтра вас — из «Песни про Алену-Старицу» Дм. Кедрина.

90 *BUT the idea...* — 'НО идея вами овладеет если вы с ней не совладаете' (англ.); *онэ михь* (нем. ohne mich) — 'без меня'.

Флюстер и контер-флюстер (нем.: Flüster и Konter-Flüster) — слухи и противослухи.

91 *Under the spreading chestnut tree I sold you and you sold me* — «Под развесистым каштаном / Продали средь бела дня — / Я тебя, а ты меня» (Оруэлл, «1984», пер. Е.Кассировой).

комментарии

Elle a des seins... — 'Ее груди как охотничий рожок, но она знает пять языков. Удовольствие только мое, умеющего его дать' (фр.).

94 *BUT THE IDEA...* — см. примеч. к с. 90.

Der Untertan — «Верноподданный» (роман Г. Манна).

Das grosse Österreich — Великая Австрия.

95 *Правда ль, это племя злое не боится наших сил?* — Пушкин, «Бонапарт и черногорцы».

97 *ранние невзгоды преодолел Сальери* (Пушкин, «Моцарт и Сальери»).
Уму есть тройка супостатов — из эпиграммы Пушкина «Угрюмых тройка есть певцов» (1815).

99 Автор пьесы «Свеча на ветру» (1960) — А. Солженицын.

Каюки — лодки.

чикамас — название окуня на Дону.

102 *Вайнингер. Вино в чем?* — Wine in?

103 *Ворота Кавказа* — имеется в виду Ростов-на-Дону. Текст Улитина 1978 г. с таким названием опубликован в «Митинном журнале» № 60 (2002).

107 «Бирюк» — рассказ Тургенева из «Записок охотника».

Лучшая специалистка по экзистенциализму — вероятно, П.П. Гайденко, автор книги «Экзистенциализм и проблема культуры» (1963).

109 *My wife, a witty woman...* — 'Моя жена, остроумная женщина, бывает забавна по утрам. Бедная Европа бежит как овца на бойню. Так как другой дурак ожидает что ты будешь ждать. Пошел я с отвращением, но я пошел. / Тот самый случай. / Неиссякаемый источник невинных удовольствий. Что за идея! / Смех-смех-смешно! / Умно-умно-остроумно! / Ссамый необычный! / Вечно что-нибудь анально-гени-тально-фаллично-вагинальное. / ОТВРАЩЕНИЕ И УДОВОЛЬСТВИЕ / Удовольствие несказанное. Отвращение непомерное. Шел я с несказанным отвращением, но я шел на лекц[ию]' (англ.).

111 *No ventilation...* — 'Вентиляция отсутствует, а свежий воздух объявлен нездоровым. Иначе говоря, вас просто принудят полюбить то что вы будете иметь' (англ.).

A TIT FOR TAT — 'ЗУБ ЗА ЗУБ' (англ.).

Off went Tit-Bit-Off! — tit-bit — 'лакомый кусочек'; *Off went tit-bit* — 'не достался лакомый кусочек' (англ.).

112 *WHEN A MAN HATH NO FREEDOM...* — 'КОГДА У ЧЕЛОВЕКА НЕТ СВОБОДЫ / Глаза бы мои не видели тебя и таких как ты'. Grumble

tumble in the jungle, I'm thirsty! [что-то вроде: Заблудился в джунглях, в жажде глужей]. Но страдания делают людей мелкими и мстительными. Но я вижу вас первый и последний раз. На какой странице «Бремени страстей человеческих» [У.С. Моэм; 1915, пер.1959]? По жизни грязно-темному пути добрался я до 3 и 30-ти. 33 и 25 — 58. М-м. * Когда человек не может воевать за свободу у себя дома, пусть он сражается за нее у соседей. Что мне осталось от тех лет? Тупое спокойствие отчаяния * * ? Тупое — да, спокойствие — нет, отчаяние — когда оно общий удел и привычка и все же что-то еще? Не сомневайтесь в этом. Умно-умно-остроумно. Любая острота основана на том, что что-то не слышано. Ну нет, ну нет. Это слишком для сопоставлений. *Hiss swish I wish a dish for a dinner! Whose wishes that he fishes in somebody else's dishes?* [что-то вроде: Шип свист — хочу тарелку для обеда! Кто хочет, чтоб он тащил рыбу с чужой тарелки?] Ужасная коробка Внутренней Тюрьмы. Постарайся достичь того что тебе нравится. Можно сказать что рабство вещь вполне сносная. Что есть свобо-

* I deemed that time ... the same — слегка искаженная строфа из стихотворения Байрона "Well! Thou Art Happy":

I deem'd that time, I deem'd that pride,
Had quench'd at length my boyish flame;
Nor knew, till seated by thy side
My heart in all, — save hope, — the same.

Пер. А. Плещеева: «Глупец! Я думал, юных увлечений / Пыл истребят и гордость и года. / И что ж: теперь надежды нет и тени — / А сердце так же бьется, как тогда».

** *The sullen calmness of despair* — оттуда же.

113 *Merely because ...* — 'просто потому что тебе кажется, что этого от тебя ждут некоторые другие глупцы' (англ.).

он *did his best, Mr West...* — 'он пытается как может, м-р Уэст. Если бы я был безумен. Но я никогда не метил так высоко. Боюсь разбить наши отношения. Это даже хорошо. Этот придурок! БЕЗУМИЕ ОДНОЙ НОЧИ / и 5 минут покоя / и 24 часа счастья' (англ)..

115 *Молчание доктора Мурке* — рассказ Г. Бёлля.

116 *Тот самый случай, когда в карете играл тесемочками и воображал, что правит каретой* — Наполеон во все это время своей деятельности был подобен ребенку, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит (Л. Толстой, «Война и мир», т. 4, ч. 2, гл.10).

117 *Фердыщенко* — хамоватый персонаж «Бесов».

О значении кокаина ... он тоже оставил замечания — речь идет о Фрейде.

Неужели и жизнь отшумела, отшумела, как платье твое? — А. Блок,
«Превратила всё в шутку сначала...»

118 Перепер он нам Шекспира на язык родных осин — выражение из эпиграммы И.С. Тургенева на Н.Х. Кетчера (1809–1886), переведшего драмы Шекспира прозой.

119 В чтении глазами, которое считаю я варварством... (А[ндрей]Б[елый],
КМП [Как мы пишем] 16).

Ma che sciagure d'essere senza cogl — беда остаться без яиц (итал.).

Adieu, canals, canards, canailles! — Прощайте, каналы, утки, канальи! (фр.)

120 Он понимал, о мрачный гений, тот макабрический фантаст. Почему отказывали американские издатели? — вероятно, речь идет об Эдгаре По.

Да вот беда: не пишут эти господа — М. Лермонтов, «Журналист, Читатель и Писатель».

121 Добро, мой внук, добро, что не узнал ты деда — С. Есенин, «Анна Снегина».

122 Франц Кафка по-русски в черном переплете вышел в 1965 г.

123 *No retreat, no retreat, they must conquer or die, who have no retreat* — 'некуда отступить, они должны победить или умереть, те кому некуда отступить' (англ.).

125 Бачыли очи що купували (укр.) — 'видели глаза что покупали'.

129 Ойран — проститутка в старой Японии.

130 Главный смогист — видимо, Леонид Губанов.

131 Сибирьковый веник — так на Дону называют кустарниковое растение «карагана скифская».

132 В Голицыно находился Дом творчества Союза писателей.

133 От пчелы до гориллы — книга Р. Шовена (рус. пер. 1965) о поведении животных; «Первый день свободы» — пьеса Л. Крutchковского.

134 Не хочу я плакать над красивой сказкой о несчастном царе — речь идет о фильме С. Эйзенштейна «Иван Грозный».

136 Как Пастернак перевел эту строчку... — «Ты испугался пентаграммы?» («Фауст», I ч.).

Лэнни Бад (Lanny Bud) — персонаж романов Э. Синклера.

комментарии

Одет в броню своих святынь — измененная строка из стихотворения Гумилева «Гиппопотам».

вековая тишина — Н. Некрасов, «В столицах шум, гремят витии...»: «А там, во глубине России / Там вековая тишина».

137 *Das Pentagramma...* — ‘Ты испугался пентаграммы? Все кого они не знают — посторонние, и они держат посторонних в стороне’ (нем., англ.).

139 Из-за вас, моя Черешня, ссорюсь я с приятелем — из песни на слова А.Фатьянова, телефильм «Свадьба с приданым».

140 «Обманщики» Марселя Карнэ (1958) — фильм о молодых прожигателях жизни.

Горбатый медведь Ефим Пермитин — возможно, ошибка ППУ. Роман «Горбатый медведь» (1965) написал Евгений Пермяк (1902–1982).

141 «Вест Сайд Стори» — «Вестсайдская история», классический мюзикл, экранизирован в 1961 г.

женераль де ла гард чэркэсс — генерал черкесской гвардии.

149 КФ — карманный формат.

Эмпримери Березньяк — название парижского издательства, в котором вышла повесть А. Камю «Незнакомец» (Посторонний) в пер. Г. Адамовича.

151 Мы такого не видали никогда — М. Исаковский, «Вдоль деревни» (1925).

Я лучше в баре буду подавать ананасную воду — В. Маяковский, «Вам».

154 писал статьи о Фадееве и Бабаевском, а сам переплетал Цветаеву и Мандельштама — вероятно, А. Тарасенков.

155 наметанный глаз увидел «Дублинцев» — вероятно, в издании 1937 г.

156 Кафе — это место, где можно написать шедевр, сойти с ума или совершить преступление — ср. «кафе — это место, где можно погнубуть, сойти с ума, совершить преступление» (Ван-Гог, письмо к брату).

ВЧ — ваших читателей.

157 21.1.67 — самая поздняя дата в книге, очевидно, обозначает конец работы.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Для облегчения данного индекса годы жизни приводятся лишь для современников Улитина, или в тех случаях, когда, как нам кажется, это имеет большее значение для понимания текста. Соответственно, они опущены для широко известных личностей. Есть несколько случаев, однако, когда эти сведения просто не удалось отыскать.

- Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) 48
Авилова Лидия Алексеевна (1864 или 1865–1943) 118
Адамович Георгий (1892–1972) 149
Аджубей А.И. (1924–1993) — известный журналист; зять Н.С. Хрущева, до снятия которого был гл. редактором «Известий» 133
Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) 80, 134
Аксаков С.Т. 59
Андреев Леонид 10
Аристотель 125
Архангельский Александр Григорьевич (1889–1938) — мастер литературной пародии 124
Ахмадулина Белла 42, 129
Бабаевский С.П. (1909) — автор «Кавалера Золотой Звезды» — образцового произведения соцреализма 154
Бабель И.Э. (1894–1940) 73
Багрицкий Э. (1895–1934) 38
Байрон 38, 87, 137
Бакунин Михаил А. (1814–1876) 146
Балашов Николай Иванович (1919) — известный литературовед, выпускник ИФЛИ 3, 135
Бальзак 52
Банщиков В. — психиатр, профессор 1-го Московского медицинского института 109
Бахтин М.М. (1895–1975) 56, 91, 102, 140
Беккет (Беккет; Beckett, 1906–1989) Сэмьюил 115
Белинский В.Г. 33, 38, 72
Белый Андрей 24, 27, 49, 55, 68, 78, 79, 80, 110, 114, 118, 124, 151, 153
Берггольц Ольга (1910–1975) 51
Берия Л.П. (1899–1953) 128
Блок А.А. 145
Бобрищев-Пушкин ? 124
Бомбарделли Сильвана ? 146
Бонапарт 21
Бояджиев Г.Н. (1909–1974) 96
Брехова Валя ? 82
Бродский Б.И. 59
Бродский ? 140

именной указатель

- Брут 64, 88
Булгаков М.А. 5, 70
Вагнер 116
Вайнингер (Вейнингер) Отто (1880–1903) — автор трактата «Пол и характер» 102
Ван-Гог 18
Ватсяяна (Ватсьяяна) — автор «Камасутры» 50
Вахтангов 98
Веркор (1902–1991) французский писатель 138
Видукинд — вождь саксов, побежденный Карлом Великим, и принявший христианство в 785 г. 110
Виноградов Иван Архипович (1902–1936), автор учебника теории литературы для средней школы (в 30–х гг.) 74
Виттэ С.Ю. (1849–1915) 142
Вольтер 48, 56, 61, 117
Гамильтон (Гамилтон) Эмма 137
Гамсун Кнут 141
Гарднер Эрли (Эрл) Стенли (1889–1970) 81, 96
Гегель 3
Гейдрих Рейнгард (1904–1942) — имперский протектор Чехии и Моравии, казнен чешскими патриотами 48
Гераклит 68
Герцен 21
Гете 34, 79
Глазков Николай (1919–1979) 80
Гоголь Н.В. 3, 13, 73, 78, 107, 110, 124, 127, 145
Голосовкер Я.Э. (1890–1967) — философ. «Достоевский и Кант» (М., 1963). «Логика мифа» (М., 1987) 114
Горький Максим 34, 61
Гофман Э.Т.А. 3, 63, 73
Грибачев Н.М. (1910–1992) — с 1959 г. секретарь правления Союза писателей СССР 7, 152
Грин Александр (1880–1932) 63
Гудзий Н.К. (1887–1965) — филолог, преподавал древнерусскую литературу в ИФЛИ 8, 98
Гуров ? 154
Дали Сальватор 117
Даниэль Ю. (Аржак) (1925–1988) 45, (61)
де Бержерак, Сирано 126
де Бовуар Симона (1908–1986) 66, 137
ДедерЭр или ДЭдерер ? 82
Джилас Милован (1911–1995) — югославский коммунист, сподвижник И.Тито, с 1953 г. выступивший с критикой созданного последним режима, за что был подвержен репрессиям 4
Джойс Джеймс 2, 75, 102, 138, 139, 140
Джойс Нора (1884–1951) — жена Джойса 126

именной указатель

- Диккенс 137
Достоевский Ф.М. (ФМД) 16, 43, 58, 73, 98, 114, 117, 118, 151
Драйзер 63, 153
Егерман Эммануил 6, 12
Ежов Н.И. (1895–1940) 128
Есенин С.А. 37, 68
Жданов А.А. (1896–1948) 48
Жид Андрэ 97
Журавлев В.В. ? 147
Золя 52
Зощенко М.М. 119
Ивашева В.В. (1908) — специалист по современной английской литературе 15
Имханицкая ? 26
Ионеско Эжен (1912–94) 93
Иозэльс (Йозэльс) Виктор Михайлович — приятель Улитина и Асаркана, завсегдатай кафе «Артистическое» 79
Ирмович Андрей ? 147
Казакевич Э. (1913–1962) 51
Калинин М.И. (1875–1946) 40
Калиостро 22
Каллас Мария (1923–1977) — греческая певица 92, 137
Камю А. 79, 136, 149
Карахан Л.М. (1889–1937) — зам. наркома иностранных дел СССР; расстрелян 68
Карнэ Марсель (1909–1996) — французский кинорежиссер 140
Картер Марк Бонэм ? 124
Кафка 22, 91, 122, 138, 156
Качалов В.И. (1875–1948) 8
Кедрин Дмитрий Борисович (1907–1945) 51
Киплинг 86
Коллонтай Александра М. урожд. Домонтович (1872–1952) — видный деятель партии большевиков 68
Коржавин Н. 18
Коро К. (Corot С.) 83, 133
Кремер Ян (Jan Cremer, 1940) — голландский писатель и художник, в молодости битник. Прославившая его автобиография вышла в 1964 г. (англ. пер. 1965) 140
Кузнецов Абрам ? 85
Лаваль Пьер (1883–1945) — премьер-министр Франции в 1931–32 и 1935–36; в 1934–35 министр иностранных дел. В 1942–44 глава коллаборационистского правительства Виши. Казнен как изменник 30
Ленин 38, 40, 48
Леонов Леонид (1899–1994) (20: роман «Скутаревский») 147
Лермонтов М.Ю. 58, 73
Лесков Н.С. 118

именной указатель

- Лец Ежи (1909–1966) 108
Лившиц Бенедикт (1887–1938) 86
Лиходеев Л.И. (1921–1995) — писатель, очеркист, драматург 92
Лондон Джек 63
Лоренс ? 103
Любецкий Лев Григорьевич (1920) актер. Работал в Центральном театре Советской Армии 24
Любимов Н.М. (1912–1993) 56
Майн-Рид (1818–1883) 33, 148
Макаров ? 108, 141
Макаров Шурик ? 108
Маккензи ? 154
Малевич К. 132
Мандельштам О.Э. 154
Манн Генрих 63
Манн Томас 63, 114
Мао Цзе-дун (1893–1976) 2
Марк Твен 63
Маркс Адольф Федорович (1838–1904) — издатель, основатель фирмы «А.Ф. Маркс» 118
Маркс Карл (1818–1883) 33, 39
Мартынов Л. (1905–1980) 108
Мелвилл Г. 63
Митта Александр (1933) — кинорежиссер. (22: Алик Рабинович) 155
Мобуту (1930–1997) — президент-диктатор Конго (Заира) с 1965 г. 136
Могила Ян ? 14
Молотов В.М. (1890–1986) 128
Мопассан 93
Моралевич А. (1936) — юморист, постоянный автор «Крокодила» 67, 125, 140
Мрочек Станислав (1930) — польский писатель 97
Налитухин — зам. начальника ЛТПБ по оперативной работе, майор. Был также советский критик А. Налитухин (другое лицо?) 81
Наровчатов С. (1919–1981) — советский поэт. Учился в ИФЛИ 128
Наторп Пауль (1854–1924) — немецкий философ, профессор Марбургского университета, где учился Б. Пастернак 61
Неделин ? 151
Некрасов Н.А. 58, 73
Неусыхин А.И. (1898–1968) — известный историк, профессор ИФЛИ 37
Нитрибит Розамария (Rosemarie Nitribitt; 1933–1957) — сексуальная авантюристка в послевоенной Германии 139
Ницше Ф. 42, 91
Нкрумэ (Нкрума: Nkrumah; 1909–1972) — первый президент Ганы 96, 136
Нусинов Исаак Маркович (1889–1950) — критик, литературовед. Обвинен в космополитизме, умер в Лефортовской тюрьме 26

именной указатель

- Ойзерман Т. (1914) — советский философ. Закончил ИФЛИ в 1938 г.
Руководил там литературным кружком 3
- Олеша Ю.К. (1899–1960) 5, 87, 118
- Опиц Карл–Людвиг ? 14
- Орвелл (Оруэлл) Джордж 130
- Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) — литературовед, много
писал о Блоке, в т.ч. «История одной „дружбы–вражды“. История
одной любви» — в кн. «Пути и судьбы» (1963) 145
- Ортега–и–Гассет 81
- Павловский Е.Н. (1884–1965) — академик, паразитолог и зоолог 19
- Панков В. 128
- Панова Вера Ф. (1905–1973) 80, 147
- Паскаль 30
- Пастернак Б.Л. 23, 96, 108, 136
- Перикл (Perikles) 64
- Пермитин Ефим Николаевич (1896–1971) 140
- Петен (1856–1951) 30
- Петров Евгений Петрович (Катаев) (1903–1942) 79
- Пикассо П. (1881–1973) 149
- Пилат Понтий 86
- Пинзур Израиль Львович — следователь НКВД 29
- Писарев Д.И. (1840–1868) 38
- Познер Владимир Соломонович (1905–1992) 92
- Поляк Лидия Моисеевна — литературовед, автор (вместе с Е.Б. Тагером)
учебника «Современная литература» для 10 кл. средн. школы
(в 30–х гг.) 55
- Поспелов Г.Н. (1899–1992) — преподавал в ИФЛИ теорию литературы
74, 135
- Прево Марсель (1862–1941) — французский писатель, автор любовно-
психологических романов 8
- Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954). Его дневники издаются
в полном виде с 1989 г. 154
- Прокофьев С.С. 98
- Пруст Марсель 1, 91
- Пушкин А.С. 114, 155, 156
- Рабле (Раблэ) Ф. 56, 91, 124
- Радек К.Б. (1885–1937) — видный деятель международного
коммунистического движения, одно время — ведущий сотрудник
«Правды», «Известий», редакции БСЭ. Репрессирован как один из
лидеров левой оппозиции 5, 68, 107
- Райкин Аркадий (1911–1987) 43
- Райт Рита (Райт-Ковалева Раиса Яковлевна) (1898–1988) — известная
переводчица 48
- Рассел Бертран 126
- Репин И.Е. 115
- Рид Джон 143

именной указатель

- Роб-Грийе Ален (1922) 140
Ростан Эдмон 71, 141
Рудзутак Я.Э. (1887–1938) 68
Руссо Жан-Жак 151
Рылеев К.Ф. 46
Рэтленд граф 71
Саган Франсуаза 140
Самарин Р.М. (1911–1974) — литературовед 151
Сарабьянов Д.В. (1923) — искусствовед 59
Сарагат Джузеппе (1898–1988) — президент Италии (1964–1971) 23
Саррот Натали 110, 136, 140
Сахнин Аркадий Яковлевич (1910–1999) — одиозный публицист 140
Свево (Звево) Итало (1861–1928) — итальянский писатель, друг Джойса, преподававшего ему английский язык 77
Свифт 93
Свободин Александр Петрович (1922–1999) — театральный критик 18, 135
Селин Луи (1894–1961) 126
Семичастный В.Е. (1924–2001) — председатель КГБ (1961–1967) 151
Сенкевич Генрик (1846–1916) 48
Синявский Андрей Донатович (1925–1997) (Абрам Терц) 45, 73, 101 (3, 48, 73, 84, 85, 124)
Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) 51
Смуул Юхан (1922–1971) — эстонский писатель, автор пьесы «Кихнусский Йиннь, или Дикий капитан» 24
Солженицын 85
Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997) 92
Спасский Борис — шахматист, чемпион мира 1969–1972 гг. В 1966 г. проиграл матч на первенство мира Т. Петросяну 142
Сталин (Джугашвили) 22, 23, 26, 38, (44), 101, 111, 128
Станиславский К.С. 98
Стеженский В.И. (1921–2000) — переводчик немецкой литературы, литературовед 116
Стивенсон Бэртон (Burton Stevenson) — американский лексикограф 59
Сухотин Павел Сергеевич (1884–1935) 46
Тагер Евгений Борисович (1906–84) — литературовед, автор (вместе с Л.М. Поляк) учебника литературы для средн. школы 55
Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965); роман «Ключ» (1956) 129, 140, 156
Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909–1956) — критик, библиограф, библиофил 153
Тарсис Валерий Яковлевич (1906–1983) — писатель, опубликовавший за рубежом в 1963 году свою книгу «Палата № 7». В 1966 г. он был лишен советского гражданства за публикации в тамиздате 101, 143
Тарсис Наташа 147
Тургенев И.С. (1818–1883) 33, 39
Тышлер А.Г. (1898–1980) 58, 60, 131

именной указатель

- Тютчев Ф.И. 135
Улитин 3
Урбанский Г. (1932–1965) — выдающийся киноактер 11
Уэллс Г.Дж. 115
Фадеев А.А. (1901–1956) 26, 124, 145, 154
Файнзильбер(г) Илья Арнольдович — писатель Илья Ильф 18, 79
Фальк Р.Р. (1886–1958) 113
Федин Конст. А. (1892–1977) 85, 116
Феллини Федерико 84, 140
Флоренский Павел 61
Фолкнер Уильям (1897–1962) 80
Франк Анна (1929–1945) 96
Фройд (Фрейд) Зигмунд 115
Фроловский ? 22
Хайдеггер 3, 134
Хаксли Олдос (1894–1963) 77, 80, 97, 130, 137, 140
Хемингуэй 75, 80
Хласко Марек (1934–1969) — польский писатель, эмигрант 97
Цветаева Анастасия Ивановна (1894–1993) 68
Цветаева Марина (1892–1941) 11, 68, 114, 154
Цицерон 86
Чеботарев Аркадий Вас. (1919) — литератор 140
Челлини Бенвенуто 153
Чехов А.П. 8, 118, 151
Чимароза Доменико (1749–1801) — итальянский композитор,
придворный капельмейстер в Петербурге (1789–1791) 131, 137
Чингис Хан 138
Чкалов В. 111
Чомбе Моиз (1919–1969) — политик, участник междоусобных войн
в Конго 96, 136
Чумина Ольга (1865–1909) 87
Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982) 10
Шамфор 7
Шапиро Г. ? 23
Шекспир 42, 86, 118
Шелепин Александр Николаевич (1918–1994) — будущий глава КГБ
(1958–1961) в 1938 году был соседом Улитина по комнате
в студенческом общежитии ИФЛИ 3
Шелли 153
Шолохов М.А. (1905–1984) 33
Шостакович Д.Д. 110
Шоу Б. 80
Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) 108
Щепкина-Куперник Т.Л. (1874–1952) 141
Эренбург И.Г. (1891–1967) 72, 79
Юзовский Ю. (Юзовский Иосиф Ильич) (1902–1964) 92, 140

Павел Улитин
Макаров чешет затылок

Дизайн АНДРЕЙ ИРБИТ
Редактор ИВАН АХМЕТЬЕВ
Верстка ТАМАРА ДОНСКОВА
Производство СЕМЕН ДЫМАНТ

Новое издательство
103009, Москва
Брюсов переулок, дом 8/10, строение 2
телефон 229 6493
e-mail info@novizdat.ru

Подписано в печать 22.07.2004
Формат 60x90/16
Гарнитуры FuturaBook
Объем 11,5 условных печатных листов
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 1000 экземпляров
Заказ № 6675

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ЦИСН
Минпромнауки России и РАН
103905, Москва, улица Тверская, дом 11
телефон 229 4740

